Шебуев

Дьяволица

роман

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

DATE DUE

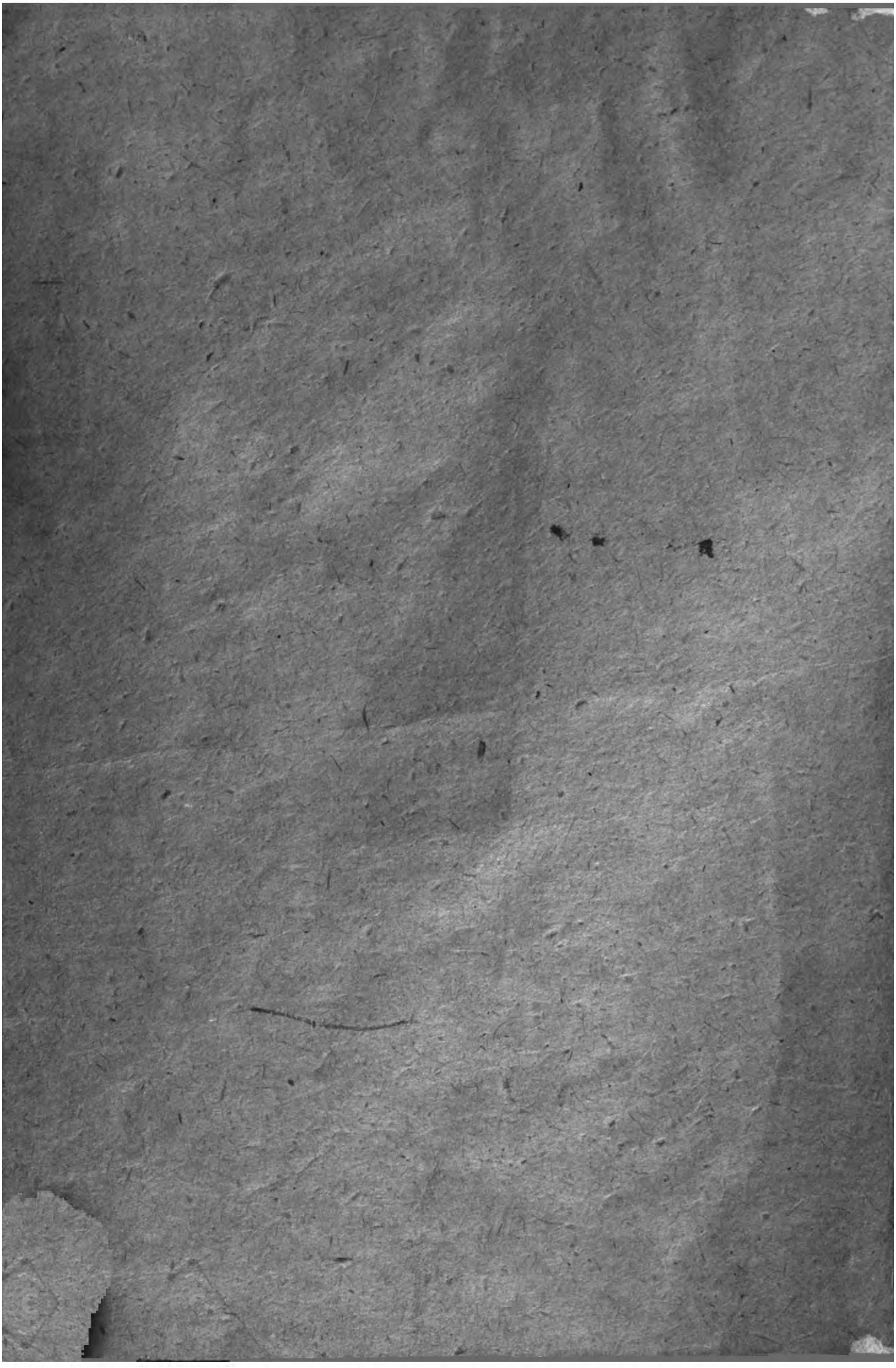
AUG 4 1967 MP

JUN 9 '68 D 23

GAYLORD

PRINTED IN U.S A.

Cornell University Library
PG 3470 .S48D5
Diavolitsa :
3 1924 028 573 420
olin

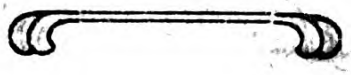


НИКОЛАЙ ШЕБУЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ДЬЯВОЛИЦА

ЧРЕЗВЫЧАЙНО УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ.



Изданіе М. И. Семенова.
ПЕТРОГРАДЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тайна свинцоваго гроба.

LIVRARIA
STJEPANOV
Rua São Bento, 217 - Sala 108
SÃO PAULO — BRASIL

Глава первая.

Ни съ того, ни съ сего.

Маленькій Тосикъ ураганомъ ворвался въ столовую:

— Мамикъ! Мамикъ! Почтальонъ пришелъ! Посылка! Ящикъ!... Это мнѣ игрушки!..

— Нѣтъ, мнѣ!—энергично протестовала Вандочка!

— Нѣтъ, мнѣ!.. Это отъ папика!..

— Нѣтъ, мнѣ!.. Мамочка, вѣдь, мнѣ?

Радостная, молодая, весенняя Лидія Львовна расписалась въ книгѣ почтальона.

— Тише! Не шумѣть!.. Это вамъ обоимъ!.. Папа васъ любитъ одинаково!.. Мариша, дай косарь!..

Марина принесла кухонный ножъ:

— Ну-ка дайте, барыня, я вамъ подсоблю...

— Не безпокойся! Я и безъ тебя ящикъ

вскрою... Иди на кухню... А не то кашка пригоритъ.

Марина ушла, хотя ей очень интересно было взглянуть на подарокъ, который молодой баринъ прислалъ барынѣ и дѣтямъ. Она служила еще отцу Петра Николаевича и привыкла его называть «молодымъ бариномъ», а Лидію Львовну «молодой барыней».

Впрочемъ, они и были молодыми, эта чета Невзоровыхъ. Никто не сказалъ бы, что у Лидіи Львовны есть уже шестилѣтній сынъ и четырехлѣтняя дочь,—такой дѣвственной чеканки линій былъ ея станъ.

Дѣтишки залѣзли на столъ и облѣпили ящикъ, а Лидія Львовна, вооружившись косаремъ, распарывала холстину, въ которую былъ зашитъ завѣтный коробъ. На холстинѣ химическимъ карандашемъ четко, по печатному былъ выведенъ адресъ.

Содравъ обшивку, молодая женщина засунула косарь подъ верхнюю доску и стала расшатывать гвозди. Доска треснула, гвозди плохо подавались. Лидія Львовна боялась энергичнѣе работать ножомъ,—а вдругъ тамъ хрупкое,—разобьешь.

Дѣтей разбирало любопытство и нетерпѣніе, да и ей самой хотѣлось поскорѣе увидать, чѣмъ порадуетъ Петя, вѣроятно, и ея не забылъ.

Крышка трещитъ. Гвозди подаются. Еще одно усиліе и... вотъ показалась пергаментная бумага... да, толстая пергаментная бумага, въ которую обыкновенно завертываютъ икру, рыбу, провизію.

Такъ это не игрушки, а что-то съѣстное... Что за фантазія пришла мужу присылать какое-то мясо...

— Ахъ, Боже мой!.. Дѣти, дѣти не смотрите!.. Убирайтесь къ себѣ въ дѣтскую!.. Вѣдь, это не вамъ!.. Это не игрушки!..

Блѣдная, дрожащая, предчувствующая что-то не доброе, вытолкала Лидія Львовна изъ столовой ничего не понимающихъ дѣтей. Тосикъ хотѣлъ даже расплакаться, да раздумалъ.

Оставшись одна, Лидія Львовна судорожно начала было развертывать бумагу...

— Что онъ съ ума сошелъ... Мясо... И не свѣжее...

Трупный запахъ ударилъ въ носъ, будя непреодолимое отвращеніе.

— Какой ужасъ!.. Чье же это мясо?.. Боже... да это не мясо... а... трупъ...

Не вѣря глазамъ своимъ, она распознала тазовыя части мужчины...

— Что это? Сонъ?.. Кошмаръ?.. Шутка сумасшедшаго... или преступленіе?.. Пре-сту-плені-е...

Она вздрогнула, словно очнувшись отъ проклятаго сна. Но дѣйствительность была ужаснѣе всякаго сна... Нѣтъ никакого сомнѣнія... Это кусокъ трупа...

— Значитъ, преступленіе... Но... почему я?.. Ни съ того, ни съ сего...

Глава вторая.

Вонъ изъ дома!..

Лидія Львовна знала, читала въ газетахъ, что иногда преступники, убивъ человѣка, трупъ его посылаютъ по почтѣ... Но почему этотъ кусокъ трупа посланъ именно ей?

Почему ее хотятъ впутать въ это преступленіе... Ее, беззащитную женщину... одинокую... безъ мужа... И неизвѣстно, когда онъ вернется изъ этой проклятой командировки...

— Боже! Что дѣлать!.. Ясно одно: надо сейчасъ же, немедленно отдѣлаться отъ кошмарнаго ящика...

Холодными, дрожащими, спѣшащими руками запихиваетъ она пергаментную бумагу назадъ, срываетъ со стола салфетку и ее тоже туда, въ ящикъ уминаетъ...

Старается заколотить крышку... Гдѣ молотокъ?.. Пробуетъ косаремъ... Срывается... Еще...

Еще... Гвозди не слушаютъ, кривятся... Марина можетъ войти... Надо къ себѣ въ спальню унести, запереться и тамъ хладнокровно заколотить проклятый ящикъ...

— Что это?.. Кровь!.. Откуда кровь на рукахъ... Неужели сочится изъ ящика?..

Нѣтъ, нѣтъ... Какой ужасъ! Она о гвозди расцарапала ладонь!.. Вѣдь, это смерть!.. Вѣрная смерть. Отравленіе трупнымъ ядомъ... Надо сейчасъ же вымыть руки одеколономъ... Ну, да, одеколонъ все обезвреживаетъ...

Но, какъ же ящикъ оставить тутъ... Могутъ войти... Можетъ Георгій Петровичъ позвонить... дѣти...

Лидія Львовна схватила ящикъ и, плача чуть не навзрыдъ, понесла его въ спальню... Какой онъ тяжелый... Какимъ легкимъ казался онъ, когда она думала, что въ немъ подарки мужа... Мужъ!.. Надо сегодня же ему обо всемъ написать.

Дрожащими, окровавленными руками кое-какъ, суетливо задѣлала ящикъ... Кое-какъ, о, совсѣмъ плохо... Такъ и выносить нельзя... Изъ него пахнетъ... Надо еще чѣмъ-нибудь завернуть.

Она хватаетъ сегодняшнюю газету. Одну, другую, третью... Схватываетъ простыню... обернула въ нее... Обвязала веревкой...

Вотъ сейчасъ все готово... Отъ слабости она чуть не упала... Схватилась за стѣну и не за-

мѣтила, какъ на обояхъ отпечатала кровавую руку...

Плачутъ дѣти. Тосикъ обижаетъ Вандочку. Ахъ, да развѣ до того. Скорѣе вымыть руки и— на извозчика, куда-нибудь вонъ! вонъ! за городъ,—тамъ сбросить проклятый ящикъ и назадъ, назадъ.

Весь домъ опоганила эта дьявольская посылка!.. Тутъ же мелькнула мысль:

— Дѣти плачутъ, потому что не получили подарка... Надо ихъ успокоить, привезу изъ Гостиннаго двора игрушекъ!..

Ей казалось, что не свою кровь, а чью-то чужую смываетъ она съ рукъ и она намылила еще и еще разъ. Ей казалось, что въ воздухѣ стоитъ отвратительный запахъ преступленія и она распахнула форточку и, какъ послѣ заразы, обрызгала все пульверизаторомъ.

Узнавъ, что мама уходитъ, дѣти съ визгомъ побѣжали прощаться. Она не позволила имъ прикоснуться къ себѣ. Думала:

— Потомъ, потомъ... Когда свѣжій воздухъ очиститъ меня... Когда э т о г о не будетъ...

Она не хотѣла давать швейцару ящикъ, боясь, что онъ уронитъ, разобьетъ, боясь, что онъ догадается.

— Барыня, у васъ волосы растрепались...

«Вотъ до чего я дошла, мнѣ Марина дѣлаетъ

замѣчаніе». Привычнымъ движеніемъ, чуть взглянувъ въ зеркало, оправила капризный завитокъ волосъ и на лифтъ, скорѣй на лифтъ.

Облегченно вздохнула: «Все таки изъ квартиры вынесено»...

Но откуда такой безотчетный страхъ! Что случилось? Ничего особеннаго... Нѣтъ, именно особенное, очень особенное, черезчуръ особенное... Надо бы немедленно дать знать полиціи...

Мысль о полиціи у нея явилась только на извозчикѣ.

Глава третья.

Роковой извозчикъ.

— Куда прикажете?

— Ахъ, да... Я не сказала еще, куда ѣхать...

И машинально, отвѣтила:

— Въ Гостинный дворъ...

Ящикъ ей положили въ ноги. Черезъ ботинки и ботики ея ножки чувствовали холодное, мертвящее прикосновеніе трупа. Ей хотѣлось кричать, ей хотѣлось отшвырнуть ногой этотъ проклятый грузъ, ей хотѣлось самой выпрыгнуть изъ саней и побѣжать назадъ, домой къ Тосѣ, къ Вандочкѣ, къ Маринѣ, которая какъ-то странно на нее поглядѣла, когда провожала, къ умывальнику, гдѣ она могла бы еще, и еще мыть руки, оскверненныя прикосновеніемъ къ трупу, обагренныя кровью...

Извозчикъ поровнялся съ телеграфомъ.

— Стой! Я пошлю телеграмму мужу...

Зачѣмъ извозчику надо знать, кому она пошлетъ телеграмму. Она просто вслухъ произнесла свою мысль.

На телеграфѣ двадцать разъ рвала голубенькіе листочки телеграммъ. Разорветъ и скомкаетъ, все недовольная редакціей. Наконецъ, кажется, хорошо:

«Пріѣзжай немедленно, страшное несчастіе. Лида».

Послала телеграмму, а сама медлитъ выходить. Боится. Противно вернуться опять къ этому ящику.

Покупаетъ десятокъ почтовыхъ марокъ. Разговариваетъ съ телеграфисткой. Но той некогда...

Собравшись съ силами, выходитъ Лидія Львовна на улицу, ищетъ глазами извозчика.

— Барыня, куда прикажете?

— А гдѣ же ящикъ?

— Какой ящикъ?

— Да я съ тобой пріѣхала?

— Никакъ нѣтъ...

— А гдѣ же мой извозчикъ?

— Эгэ, барыня... онъ, видно, лататы задалъ... Да что у тебя въ ящикѣ-то было?

Ноги подкосились, языкъ не слушается.

— Да ты не бойся. Заяви полиціи!.. Полиція найдетъ... Ты только разскажи ей, что у тебя въ ящикѣ...

— Да что тебѣ за дѣло, что въ ящикѣ... Игрушки для дѣтей...—первый разъ въ жизни Лидія Львовна соврала такъ геніально просто.

И вдругъ ей стало весело. Вдругъ словно гора съ плечъ свалилась. Извозчикъ, услыхавъ, что въ ящикѣ игрушки, расхохотался.

— Ну, коли игрушки, такъ и полиціи заявлять нечего!

Лидія Львовна улыбалась и радостно думала:

— Боже! Благодарю тебя за то, что не допустилъ меня до грѣха...

Да, да, она замыслила большой грѣхъ: хотѣла въ Гостинномъ сойти съ извозчика, незамѣтно выйти другимъ ходомъ, сѣсть на другого извозчика, а этого съ проклятымъ ящикомъ оставить на произволъ судьбы.

Провидѣніе сдѣлало такъ, что самъ извозчикъ, увидавъ, какъ барыня замѣшкалась на телеграфѣ, прельстился ящикомъ и удралъ.

Лидія Львовна почувствовала себя помолодѣвшей лѣтъ на десять. И, вспомнивъ о мужѣ, вернулась на телеграфъ.

— Барышня, ушла ли моя телеграмма?

Барышня съ недоумѣніемъ смотритъ на хорошенькую, но назойливую посѣтительницу:

— Конечно ушла!

— Какъ жаль! Придется писать другую.

И она послала мужу вторую телеграмму:

«Пошутила. Успокойся. Оставайся. Все благополучно. Цѣлую, люблю. Лида».

Ну теперь надо ѣхать въ Гостинный дворъ купить игрушекъ для дѣтокъ и домой-домой.

Глава четвертая.

Тяжелый духъ.

Тосикъ устроилъ себѣ что-то въ родѣ колпака изъ куска холстины, въ которую былъ зашитъ ящикъ, надѣлъ колпакъ на голову и въ такомъ видѣ бросился на звонокъ встрѣчать маму.

Лидія Львовна едва не упала въ обморокъ отъ неожиданности, когда увидала сынишку въ этомъ головномъ уборѣ.

Не раздѣваясь, она сорвала колпакъ, бросила его въ топящійся каминъ; отъ сургуча пошелъ по комнатамъ тяжелый духъ.

— Барыня,—звонилъ Георгій Петровичъ.— Насчетъ театра.

— Ахъ, да... Я обѣщала ему позвонить въ четыре... Сегодня въ оперетку... — вспомнила Лидія Львовна:—Ну что же... я очень рада.

Бѣжитъ къ телефону, надо же забыться, развлечься. Хоть Георгій Петровичъ и надоѣлъ

ей своими ухаживаніями, но сегодня она рада и ему.

«Какой странный Пьеръ,—онъ и не подозрѣваетъ, что Георгій Петровичъ влюбленъ въ меня, иначе развѣ поручилъ бы въ свое отсутствіе заботы о женѣ этому своему другу».

Иногда Лидіи Львовнѣ кажется, что Теремовскій вовсе и не другъ мужу, иногда кажется, что онъ ему даже недругъ; былъ раньше другомъ, пока не сталъ ревновать Пьера къ его Лидочкѣ.

Но такой ужъ Пьеръ по натурѣ: довѣрчивый и милый, большой, ясноглазый ребенокъ.

За послѣдніе дни Лидія Львовна стала даже побаиваться ежедневныхъ тетатетовъ съ Теремовскимъ, но сегодня онъ нуженъ, важенъ, необходимъ. И вотъ она ему телефонируетъ:

— Конечно, вы заѣдете за мной къ семи. Мы выпьемъ чаю и—въ театръ.

— О, я въ восторгѣ. Если бы вы знали, какъ я мучился, ожидая вашего звонка въ четыре часа. Я ждалъ до пяти и, наконецъ, не вытерпѣлъ, позвонилъ самъ. Слышу—васъ нѣтъ дома. Сознайтесь, вы совсѣмъ забыли о своемъ обѣщаніи.

— Меня задержали очень важныя дѣла!— голосъ Лидіи Львовны дрогнулъ, непріятное воспоминаніе кольнуло ее.

— Знаю я ваши дѣла... Гостинный дворъ?

— Единственное, что могъ, и что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ каждый: подошелъ къ телефону и далъ знать обо всемъ этомъ полиціи.

— А если бы онъ не сдѣлалъ этого? Если бы онъ собственными средствами попытался избавиться отъ ящика...

— Онъ рисковалъ бы впутаться въ грязную и непріятную исторію, которая грозила бы...

— Чѣмъ грозила бы?—съ небывалымъ оживленіемъ подхватила Лидія Львовна.

— Тюрьмой за недонесеніе или укрывательство... Вы читали процессъ Мацоха... Тамъ Пьянко приговоренъ къ тюрьмѣ...

— Кто такой Пьянко?

— Извозчикъ!

— Извозчикъ?! Значитъ моему извозчику грозитъ тюрьма!..

— Что это значитъ? О какомъ извозчикѣ вы говорите?

— Это я такъ... Если бы Абель, вмѣсто того, чтобы донести полиціи, взялъ бы ящикъ съ собой, повезъ по городу, самъ незамѣтно скрылся бы въ проходномъ дворѣ, а ящикъ съ трупомъ остался бы на извозчикѣ...

— Со стороны Абеля это было бы подлостью. Онъ подвелъ бы извозчика...

— Подлостью! Вы говорите подлостью!.. Ха-ха-ха...

И вдругъ съ Лидіей Львовной началась такая истерика, что Георгій Петровичъ даже растерялся.

Она смѣялась и плакала и сквозь всхлипыванія повторяла слово «подлость».

Георгій Петровичъ поднялъ ее, какъ безпомощнаго ребенка, на рукахъ отнесъ въ спальню, нѣжно, бережно уложилъ въ кроватку, осторожно разстегнулъ кофточку и едва удержался, что бы не поцѣловать это милое, впавшее въ забытье личико.

Она засула. Не надо ея тревожить.

Любуясь ею, онъ тихонько отошелъ отъ кровати. Хотѣлъ убавить свѣтъ. Искалъ глазами на стѣнѣ штепсель.

И вдругъ увидалъ на обояхъ кровавый отпечатокъ правой руки.

Привыкшій видѣть всякія неожиданности, адвокатъ на минуту остолбенѣлъ и впился глазами въ зловѣщее пятно.

Что-то недоброе почуялось ему и въ странномъ тонѣ голоса Лидіи Львовны, и въ ея черезчуръ аффектированныхъ разспросахъ о правой рукѣ, и въ ея обмолвкахъ объ извозчикѣ, и въ этой истерикѣ и въ этомъ кровавомъ оттискѣ.

Глава шестая.

Кошмаръ догадокъ.

Между посылкой Абеля и этой кровавой пятерней безъ сомнѣнія есть какая-то роковая связь.

«Преступленіе! Но развѣ въ этой мирной буржуазной обстановкѣ мыслима даже тѣнь преступленія... Тѣмъ болѣе тѣнь убійства. Убійства! Но откуда же эта кровь!?..»

Вдругъ кто-то сильно, рѣзко схватилъ его за руку.

Повернулся и остолбенѣлъ: Лидія страшная, съ расширенными зрачками, вскочивъ съ постели, впилась взглядомъ въ эту же кровавую руку, горящую на стѣнѣ. Она не замѣчала, что рубашка сползла съ ея плечика, что разстегнутое платье обнажало грудь и шею.

Оба застыли въ гробовомъ молніи.

— Лидія Львовна, успокойтесь... Ложитесь назадъ... Вы на себя не похожи...

— Клянитесь, что вы ничего не видали!..

— Успокойтесь, голубушка... Не дѣлайте драмы изъ пустяка...

— Клянитесь, что вы никому никогда не разскажете объ этомъ...

— Ну, конечно, клянусь!.. Петру Николаевичу и тому ничего не открою...

— Клянитесь всѣмъ, что есть для васъ самаго святого...

— Ну клянусь...

— Чѣмъ клянетесь?

— Моей любовью къ вамъ... Для меня нѣтъ ничего святѣе!..

— Ну теперь оставьте меня на нѣсколько минутъ одну... Вы видите я совсѣмъ растерзана...

— Васъ оставить! Ни за что!..

— Крикнете Марину!

— Она укладываетъ дѣтей... Я не совѣтовалъ бы вамъ показываться ей и дѣтямъ въ такомъ видѣ. Это встревожитъ ихъ... И вообще... роковая тайна связываетъ только насъ вдвоемъ...

— Какая тайна!

— Тайна кровавой руки... страшной посылки... извозчика...

— Молчите! Молчите! Неужели я въ бреду проговорилась обо всемъ!..

— Въ бреду вы не проронили ни слова... Но я догадался обо всемъ... Клянусь вамъ, что я

не пожалѣю жизни, чтобы васъ спасти!—Теремовскій не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что говорилъ, онъ видѣлъ одно: случилось какое-то несчастіе, быть можетъ даже преступленіе, виновникъ котораго, вѣроятно, Петръ Николаевичъ.

А Лидія истерически сжимала ему руки и шептала:

— Спасите! Спасите! Увезите меня отсюда! Я чувствую, что схожу съ ума.

Цѣлуя ея влажные отъ слезъ глаза, Теремовскій помогалъ ей одѣваться:

— Ѣдемъ! Намъ надо отсюда уѣхать! Пусть воздухъ освѣжитъ васъ!..

Глава седьмая.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ.

И они поѣхали кататься. Въ театръ было уже слишкомъ поздно.

И вотъ въ первый разъ за свою жизнь Лидія Львовна очутилась въ отдѣльномъ кабинетѣ рѣсторана не съ мужемъ.

— Ахъ, все равно когда, гдѣ, съ кѣмъ, только бы забыться!—рѣшила Лидія и съ несвойственной ей поспѣшностью согласилась на ужинъ съ шампанскимъ.

Теремовскій былъ въ восторгѣ отъ поѣздки: «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», но все время задумывался и искалъ удобнаго момента разспросить Лидію откровенно о всѣхъ деталяхъ этого несчастья.

Онъ догадывался. Но такъ смутно. А вѣдь, быть можетъ, дѣло серьезное и требующее немедленныхъ мѣръ предосторожности!

«Какая досада, что мы не смыли это проклятое пятно въ спальнѣ», мелькнуло у него въ умѣ. Но вслухъ онъ не рѣшился сказать этого, боясь напомнить Лидіи о пережитомъ тамъ.

И вообще онъ не осмѣлился разспросить ее ни о чемъ, боясь, что пропадетъ ея прелестное, полное смѣха и задора, расположеніе духа.

Онъ только замѣтно и незамѣтно подливалъ ей въ бокалъ шампанскаго, а въ рюмочку ея любимый ликеръ «Бананъ де Мартиникъ».

— Я сегодня буду толстовкой!..

— Я васъ не понимаю...

— Ну да... Мужъ иногда ко мнѣ подходитъ и говоритъ: ты сегодня должна быть толстовкой..

— То есть?..

— То есть... непротивленкой...

— Вы сегодня обѣщаете не противиться злу...

— Да! Торжественно обѣщаюсь!..

— Но гдѣ вы видите зло!.. Неужели это искрящееся шампанское—зло, или этотъ кристалически-прозрачный ликеръ—зло?... Или вы думаете, что я—зло?...

— Нѣтъ... Вы добрый... Вы милый... Я раньше думала, что вы злой... Мнѣ всегда казалось, что когда вы на меня смотрите, вы меня... раздѣваете... И я все боялась, что вы начнете меня цѣловать...

Вино затуманило голову Лидіи. Ей было

жарко и она нѣсколько разъ оттягивала рукой воротникъ.

Какъ душно...

— Ну вотъ... если я добрый, то меня конфузиться нечего... Позвольте я вамъ разстегну воротникъ.. Вамъ будетъ легче... Дѣйствительно жарко... У меня тоже лицо горитъ...

И, не ожидая отвѣта, Теремовскій началъ растегивать и расшнуровывать платье.

— Ну какой же вы нахалъ!.. Нахалъ и милый... Ненахальный нахалъ... Ну... дальше нельзя... Этого не смѣйте... Вотъ шалунъ...

— Молчите, непротивленка!

И все смѣлѣе и увѣреннѣе дѣлались движенія его руки. Все больше и больше крючковъ и кнопокъ сумѣлъ онъ побѣдить...

Вотъ спустился лифъ и дурманящій ароматъ женскаго тѣла охватилъ его.

Не въ силахъ совладѣть съ собой, онъ прильнулъ поцѣлуемъ къ ея губамъ, плечамъ, шеѣ, груди... Она нѣжилась, какъ Даная, подъ золотымъ дождемъ поцѣлуевъ, она жмурилась, какъ котенокъ, она вздрагивала, какъ Мимоза, чутко и сладострастно, болѣзненно сладострастно, какъ молодая женщина, только что пережившая истерику...

. . . . . .

Глава восьмая.

Нежданные гости.

На разсвѣтѣ, около четырехъ на лихачѣ подкатила Лидія Львовна къ крыльцу. Дорогой она заснула на плечѣ Теремовскаго.

Обыкновенно дозвониться къ швейцару въ такой часъ было цѣлымъ событіемъ. А сегодня онъ, неожидая звонка, распахнулъ дверь.

Лидіи Львовнѣ не показалось это страннымъ. Она была еще подъ парами шампанскаго и поцѣлуевъ.

Швейцаръ замѣтилъ, что съ барыней неладно и, входя съ нею въ кабинку лифта, почувствовалъ запахъ вина.

Онъ хотѣлъ ей что-то сказать, предупредить о чемъ-то важномъ. Но раздумалъ.

У парадной двери ей не пришлось ждать. Не пришлось даже звонить. Дверь сама распахнулась.

Лидію Львовну ждали съ нетерпѣніемъ.

Въ передней она нашла нѣсколько незнакомыхъ субъектовъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Къ себѣ ли я попала?

Навстрѣчу ей шелъ полицейскій офицеръ:

— Извините, сударыня. Я имѣю предписаніе произвести у васъ обыскъ... Вотъ эти лица—понятые. А вотъ этотъ извозчикъ... Не признаете ли, вы, сударыня, этого извозчика?..

Она взглянула на стоящаго въ углу мужика, и опьяненіе мигомъ соскочило.

Исторія всего этого страшнаго дня пронеслась передъ ея глазами, она какъ-то вдругъ поняла все и отдала себѣ отчетъ во всемъ заразъ.

И особенно хлестнуло ей по лицу сознаніе, что вотъ она Лидія Невзорова, урожденная Хомутова. въ четыре часа ночи возвращается домой изъ р сторана, пьяная, растерзанная, опоганенная, со своимъ любовникомъ... Да съ любовникомъ!.. Она отдалась ему, сама навязалась, пьяная развратница... Она измѣнила... и кому? Милому, нѣжному, довѣрчивому, какъ ребенокъ, идеальному Петѣ...

— Возьмите меня! Возьмите меня! Арестуйте же меня! Я—преступница! Я—подлая женщина! Я убила мужа!.. Я не имѣю права глядѣть на

своихъ дѣтей!..—она кричала и рвала на себѣ платье.

Она упала на полъ и билась въ судорогѣ. Офицеръ насильно заставлялъ ее выпить холодной воды.

Ея зубы выбивали дробь о краешекъ стакана.

Послѣ нервнаго подъема наступила реакція, въ безразличной, сонной, пьяной апатіи сидѣла она у стола, смотря невидящими глазами на то, какъ хозяйничаютъ въ ея квартирѣ.

Глава девятая.

Улики на лицо.

Ей показали салфетку смятую и выпачканную въ чемъ-то желтокоричневомъ.

— Признаете ли вы эту салфетку вашей?

— Признаю.

— Признаете ли вы эту простыню?

— Да, это мои мѣтки.

— Какъ вы объясните происхожденіе кроваваго отпечатка руки на стѣнѣ въ спальнѣ?

— Да, это моя рука!..

Она, не слыша, прослушала протоколъ осмотра и машинально подписала актъ.

Не придала никакого значенія полушопоту офицера съ помощникомъ.

— А его задержали?

— Точно такъ. Оказался по паспорту присяжнымъ повѣреннымъ.

— Задержите до меня.

— Шибко ругается. Не въ своемъ видѣ.

Покончивъ со всѣми формальностями, офицеръ обратился къ Лидіи Львовнѣ:

— Не пожелаете ли проститься, сударыня, съ дѣтьми! Я имѣю предписаніе васъ арестовать!

— Дѣти! Гдѣ дѣти!.. Я не мать имъ... Я больше не мать! Я убила мужа... Я убила дѣтей!..

Офицеръ не понималъ съпьяна или со страха заговаривается женщина и пожалъ плечами.

— Подайте барынѣ одѣться!

Еще никогда ему не приходилось слышать такой вой и такое голошеніе, какимъ разразилась Марина:

— На кого ты насъ покидаешь! Барыня родненькая! Что безъ тебя баринъ молодой будетъ дѣлать... Какъ дитя онъ малое неразумное... Ой, горюшко, горюшко!..

Проснулись дѣти и заплакали.

Лидія не выдержала, бросилась въ дѣтскую и упала на колѣни и, ползая отъ кроватки къ кроваткѣ, то покрывала поцѣлуями ножки Тосика, то ножки Вандочки.

Даже офицеръ не рѣшался прервать грубымъ окликомъ эту душураздирающую сцену.

Глава десятая

Роковая встрѣча.

Такъ легко дышется въ Варшавѣ.

Въ Петербургѣ еще зима: Петръ Николаевичъ чуть-чуть не отморозилъ себѣ носъ, наканунѣ отъѣзда шныряя на Невскомъ.

«Придется купить полусезонное пальто, вѣдь дѣла задержатъ недѣли на три.

«Какой дивный городъ. Въ немъ много отъ Парижа. Да и сами поляки сильно смахиваютъ на французовъ.

«Европейцы, настоящіе европейцы, намъ бы такую культуру!

«Надо будетъ разыскать Топилина, онъ покажетъ городъ. И вообще не будетъ съ нимъ скучно; не такой онъ парень, чтобы скучать.

«Какъ его по-отчеству? Въ гимназіи звали Васькой. Ну да и такъ отыскать можно.

«Василій Топилинъ... Журналистъ».

Тѣмъ лучше. Петръ Николаевичъ никогда не соприкасался съ бытомъ газетчиковъ. Вѣроятно интересные люди.

По телефону отвѣтили...

«...Въ редакціи онъ бываетъ отъ шести... Съ восьми по театрамъ... Вы оставьте свой телефонъ... Пріѣзжай... Какъ? Невзоровъ!.. Это ты, Петька!.. Чортъ возьми неужели не узналъ моего голоса! Впрочемъ я его здорово измѣнилъ. Знаешь, дружище, я тебя за кредитора принялъ. Презираю эту націю! Кстати, нельзя ли у тебя перехватить четвертную до субботы! Жена съѣстъ, если я приду безъ денегъ... Да, братъ, женился... Скоропостижно женился... жена будетъ рада познакомиться съ тобой... Я ей много про тебя разсказывалъ... И про то, какъ мы Нѣмцу подъ подушку мерзлаго судака положили... Врешь... Неужто забылъ?.. Да конечно и ты тутъ былъ... Развѣ не былъ? Шли мы по Сѣнной въ пять утра. Ночь всю продрызгали, намокли дьявольски... Въ башкѣ трещитъ... Ну вотъ ты видишь, продаетъ рыбникъ мерзлаго судака... Ты съ дуру и съ пьяна купилъ... Потомъ пошли къ Нѣмцу,—къ экзамену готовиться... Пришли, а Нѣмецъ спитъ... Ты ему мерзлаго судака незамѣтно подъ подушку засовалъ, а самъ лататы... Проснулся Нѣмецъ отъ страшнаго холода, мокроты и вони... Судакъ то гнилымъ

оказался... Оттаялъ ха-ха-ха... и сталъ вонять! Нѣмецъ послѣ этого три недѣли со мной не разговаривалъ...

Тщетно Петръ Николаевичъ пытался прервать словоохотливаго товарища и сказать, что ни въ какой исторіи съ судакомъ онъ не принималъ участія, никакого Нѣмца не знаетъ и поэтому возмущенъ, зачѣмъ женѣ своей рекомендовалъ его съ такой скверной, хулиганской стороны. Топилинъ не унимался:

— Разсказалъ ей и про гувернантку... Вѣдь это геніально!.. Всыпалъ на ночь ей въ вазу незамѣтно соды и кислоты... Воображаю, какой она ночью гвалтъ подняла!.. Весь домъ разбудила!.. Ха-ха-ха... Надо имѣть такую изобрѣтательную башку, какъ твоя... Разсказалъ ей и про твою Маньку-Ковбойку... А, вѣдь ты, сознайся, дурака разыгрывалъ... Ты ей снималъ квартирку, а жило съ ней чуть не полъ класса... Я самъ разочекъ живнулъ... Ей-Богу, удралъ отъ экстемпоралэ, домой возвращаться рано, отецъ догадается... Я къ ней, она одна. Ну и живнулъ... Хорошія, братъ были времена! Наша гимназія славилась «ковбоями»... И теперь ничего себѣ жить можно... Жена у меня покладистая... Хорошій другъ и какъ женщина... мѣстами не дурна... Но ревнючая, какъ дьяволъ. А я все попрежнему... Я не могу такъ: разрѣ-

цилъ половую проблему и успокоился... Жизнь должна быть задачникомъ, цѣлымъ задачникомъ половыхъ проблемъ... Ну, пріѣзжай немедленно въ редакцію. Я тебя жду... Надо бы на открытіе съѣзда агрономовъ заѣхать... Да наплевать... По телефону справлюсь...

Глава одиннадцатая.

Хлестаковъ въ редакціи.

Топилина въ гимназіи еще прозвали Хлестаковымъ. Но всѣ любили его за живость характера и неистощимую изобрѣтательность въ темахъ: онъ казался фокусникомъ, который вытягиваетъ у себя изо рта безконечную ленту.

Петръ Николаевичъ обрадовался встрѣчѣ несказанно. У него было желаніе тряхнуть стариной. Слишкомъ онъ уже прокисъ, слишкомъ «засидѣлся въ мужьяхъ».

Онъ любилъ свою Лиду, но цѣпи любви самыя легкія изъ цѣпей, иногда кажутся самыми тяжелыми.

Иногда хочется сорвать бѣлый крахмальный воротничекъ, потому что онъ кажется слишкомъ тяжелымъ, надоѣвшимъ, раздражающимъ.

Невзорову за послѣднее время стыдно дѣлалось, когда жена, перечисляя донжуанства знакомыхъ, ставила своего мужа въ примѣръ.

— Я—примѣръ! Я—пропись! Я—добродѣтельная слякоть!.. Я проспалъ у юбки жены даже годы всеобщаго, равнаго и явнаго увлеченія «Санинымъ» и половыми проблемами... Даже дѣти и тѣ спѣшили жить и умѣли жить... А я...

Добродѣтель! Добродѣтель!..
Мнѣ она осточертѣла,—
Этотъ вѣчный постъ великій,
Для души, ума и тѣла...

«Дѣйствительно, самыя пріятныя воспоминанія жизни, пожалуй гимназическія... Манька-Ковбойка... Гдѣ ты теперь?.. Какъ отрадно бывало удирать отъ трудныхъ и скучныхъ гимназическихъ уроковъ въ твой милый уютъ... Дома увѣрены, что я въ гимназіи... Въ гимназіи увѣрены, что я дома. А я вмѣсто скучной грамматики мертваго языка слушаю живой, слишкомъ живой языкъ Ковбойки...»

Въ пять часовъ въ редакціи уже людно. За десятъ лѣтъ Топилинъ сильно измѣнился: выросъ, потолстѣлъ, что впрочемъ его не стѣсняло: юркимъ онъ остался попрежнему.

— Ну, что, братъ, постарѣлъ я?

— Видъ у тебя... женатый...

— Pater familias сталъ. Двое ребятъ. Перваго жена зоветъ «дитя любопытства», второго—«дитя недорзумѣнія»...

— У меня тоже двое...—Петръ Николаевичъ

не безъ удовольствія вспомнилъ мордашку Тосика и личико Маринки и подумалъ: «только это не дѣти недоразумѣнія, а дѣти любви»..

— Нашъ редакторъ... Иванъ Ивановичъ.. А это мой другъ дѣтства, Петръ Николаевичъ Невзоровъ... Не дуракъ выпить...

— Откуда ты это взялъ! Я не курю, не пью не ухаживаю за чужими женами...

— Ну, это братъ, свинство! За моей женой ты обязанъ ухаживать... У меня сегодня тет атетная рандевушка съ женщинкой, у которой ты пальчики оближешь... А тебя съ женой я устрою на оперетку... Я, братъ, не ревнючъ.. Даже люблю, если за ней кто-нибудь ухлыстываетъ... По крайней мѣрѣ она меня въ покоѣ оставляетъ... Съ Тинкой я тебя тоже познакомлю Но, если ты вздумаешь ухаживать за ней, я тебѣ.. Ахъ, да... Я и забылъ... Иванъ Ивановичъ, вотъ полюбуйтесь,.. верхъ джентльменства... Человѣкъ вспомнилъ, что я на гимназической скамьѣ выигралъ у него пятьдесятъ рублей и вотъ— отдаетъ...

Очкастенькій, вихрастенькій, рыжеватенькій субъектъ поощрительно хихикнулъ и скрылся.

— Развѣ я тебѣ былъ долженъ?—изумился Петръ Николаевичъ.

— Это я такъ... Для красоты слога... Ну ѣдемъ...

Петру Николаевичу не очень понравилась манера, съ какою Топилинъ, при первомъ же свиданіи, у него занялъ. Не было жаль денегъ. А жаль было, что онѣ даны: Петръ Николаевичъ зналъ превосходно, что лучшій способъ разссориться съ любымъ пріятелемъ, это дать ему взаймы.

— Если ты говоришь, что мнѣ необходимо сегодня быть въ театрѣ, я долженъ заѣхать домой переодѣться!

— Успѣешь. Ты гдѣ остановился? Эхъ, я телятина! Еще спрашиваю! Да ты обязанъ остановиться у насъ! Я пошлю Митьку за твоими чемоданами! И разговаривать нечего, если ты будешь упрямиться, я тебя...

— Не безпокойся, другъ, я очень доволенъ гостинницей, гдѣ живу уже три дня... Не къ чему поднимать возню, переѣздъ, безпокойство для тебя и для твоей супруги.

— Да жена въ восторгѣ будетъ! Вѣдь, она цѣлыми днями одна! Она за тебя ухватится обѣими руками...

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни за что!..

— Ну, это уже не твое дѣло. Ты у насъ гость. Неужели ты боишься, что мы тебя устроимъ хуже, чѣмъ въ паршивой гостинницѣ...

Глава двѣнадцатая.

Мертвая хватка.

Марьѣ Александровнѣ Топилиной всего 23 года. Но кажется она еще моложе. Совсѣмъ подростокъ. Особенно, когда она смѣется.

Она сразу облила Невзорова весенними лучами своихъ искрящихся безпокойныхъ глазенокъ:

— Я на васъ не сержусь. Я васъ уже простила. Будемъ друзьями.

— Да развѣ у васъ есть поводъ быть недовольной мною?

— А въ прошломъ году... Развѣ не вы втянули Васю въ эту исторію... Не даромъ вамъ стыдно было показываться мнѣ на глаза!

— Это какое-то недоразумѣніе! — воскликнулъ Невзоровъ и хотѣлъ прибавить: «въ Варшавѣ я въ первый разъ и съ Василіемъ не видѣлся лѣтъ десять!» но, замѣтивъ, что пріятель дѣ-

лаетъ ему какіе-то умоляющіе знаки, понялъ, что тутъ какая-то тайна Топилина и замолчалъ.

А журналистъ уже волновался, суетился, хлопоталъ по телефону. Вещей Невзорову не отдаютъ, пусть самъ пріѣдетъ за ними.

Кромѣ того, по телефону же передаютъ, что въ номерѣ его ожидаетъ телеграмма изъ Петербурга.

— Сейчасъ ѣду!

Но вырваться удалось съ большимъ трудомъ. Марья Александровна взяла съ него слово, не смотря ни на какія телеграммы, проводить ее въ театръ.

Она такъ многозначительно повторяла: «Не раскаетесь!» Она такъ была очаровательна, что Невзоровъ далъ слово не читать телеграммы.

— Телеграмма, конечно, дѣловая... изъ правленія.

Глава тринадцатая.

Четыре телеграммы.

Но когда въ номерѣ онъ взялъ депешу въ руки, сердце почему-то подозрительно сжалось. Онъ нервно разорвалъ. Пробѣжалъ глазами:

«Пріѣзжай немедленно. Страшное несчастье. Лида».

— Что такое? Дѣти?..

Телеграмма выпала изъ рукъ. Вдругъ—стукъ въ дверь.

Опять телеграмма.

Онъ вырываетъ ее изъ рукъ телеграфиста.

«Пошутила. Успокойся. Оставайся»...

Краска гнѣва залила лицо.

— Такъ шутить!.. Невѣроятно глупо, жестоко, возмутительно!.. Нѣтъ, это не походитъ на Лидію!.. Что-нибудь стряслось... Только она хочетъ скрыть отъ меня... Если что-нибудь серьезное, Теремовскій немедленно дастъ знать... Онъ другъ и любитъ Лиду... А вдругъ ему самому

не выгодно... А вдругъ если... если несчастье отъ него, если онъ самъ виновникъ несчастія...

И нелѣпая, скверная мысль рѣзнула:

— Теремовскій могъ воспользоваться безпомощностью Лидіи и... вотъ они вдвоемъ теперь скрываютъ результаты! Ужасъ! Горе! Позоръ!..

— Нѣтъ, этого не можетъ быть,—и онъ расхохотался.—На глупую шутку отвѣчу глупой шуткой.

«Выѣхалъ скорымъ. Завтра буду».

Позвонилъ, отдалъ коридорному послать телеграмму.

— Вотъ будетъ волноваться, что я бросилъ всѣ дѣла, покатилъ... И обрадуется и взволнуется... И Теремовскій тоже...

А черезъ пять минутъ написалъ новую телеграмму: «Пошутилъ. Остаюсь. Цѣлую Лиду, Теремовскаго».

Позвонилъ, спросилъ коридорнаго: — послана первая телеграмма?

— Только что посыльный ушелъ.

— Ну вотъ теперь пошлите еще.

А самъ сталъ переодѣваться для театра. Оперетка съ участіемъ Топилиной очень занимала его. Черненькіе глазки хорошенькой дамочки-подростка такъ сулящи; такъ заманчивы.

Съ легкимъ сердцемъ заѣхалъ къ парикмахеру, въ кондитерскую за конфектами, не

подозрѣвая, что съ его телеграммами вышелъ маленькій, но пренепріятный случай.

Первый посыльный встрѣтилъ по дорогѣ на телеграфъ куму и проболталъ съ ней съ полчаса. Второй же посыльный кумы не встрѣтилъ. И поэтому вторая телеграмма пошла въ Петербургъ на полчаса раньше первой.

Не подозрѣвалъ онъ и того, что второпяхъ написалъ вторую телеграмму очень неразборчиво и телеграфистка передала «Лиду Теремовскую», вмѣсто «Лиду, Теремовскаго».

Не подозрѣвалъ онъ и того, что обѣ эти телеграммы были перехвачены полиціей и въ руки арестованной Лидіи Львовны не попали.

А черезъ часъ вдвоемъ въ ложѣ съ этой очаровательно - глупенькой, восхитительно - хорошенькой, возмутительно - молоденькой, пахнущей какими-то сильными, одуряющими, совсѣмъ не модными, вѣроятно дешевыми духами, (развѣ Ванька подаритъ дорогіе) онъ забылъ о Лидѣ, о дѣтяхъ, о Теремовскомъ, о правленіи, обо всемъ въ мірѣ. Онъ видѣлъ милое обнаженное плечико съ чуть замѣтной ямочкой, съ чуть замѣтной улыбочкой, скользящей по краямъ этой ямочки.

Вальсы, оперетки сплетались, расплетались, плакали, смѣялись... и ему было такъ хорошо, хорошо...

Глава четырнадцатая.

Мертвая нога.

Иванъ Петровичъ Ландезенъ только что прочиталъ въ газетахъ объ арестѣ жены инженера Невзоровой и ея сообщника прис. пов. Теремовскаго. Поэтому онъ не особенно удивился, получивъ подозрительнаго вида посылку.

Собственно говоря, во внѣшности ея ничего подозрительнаго не было. Подозрительно было лишь то, что онъ лично, на свое имя, никакихъ посылокъ не ждалъ.

Всѣ торговыя посылки онъ получалъ на имя «Торговаго дома Ландезенъ и Ландезенъ».

Предчувствуя недоброе, Иванъ Петровичъ позвонилъ горничную, не велѣлъ къ себѣ пускать рѣшительно никого, заперъ кабинетъ на ключъ и осторожно началъ распечатывать.

Обшивка изъ холста съ четко выведеннымъ

печатными буквами адресомъ указывала, что посылка отправлена съ одной изъ станцій приваршавскихъ.

— Какимъ же это образомъ? Сама убійца здѣсь въ Питерѣ. Она призналась въ убійствѣ мужа. Любовникъ ея тоже арестованъ. Кто же послалъ эту... бррр... мертвую ногу изъ Варшавы?.. Значитъ у Невзоровой былъ еще сообщникъ!.. Значитъ онъ бѣжалъ въ Варшаву, затѣмъ заграницу и оттуда, по пути, чтобы замести слѣды, разсылаетъ части трупа!.. А можетъ быть Невзорова убила не сама, а поручила убить мужа, когда онъ уѣхалъ въ Варшаву... Да, несомнѣнно мужъ убитъ въ Варшавѣ другимъ любовникомъ этой предпріимчивой дамы... Но откуда же тогда отпечатокъ кровавой руки въ ея спальнѣ на обояхъ?.. Вѣдь, вотъ онъ уже снятъ и воспроизведенъ въ газетѣ... Ничего не понимаю!.. Откуда они взяли мой адресъ?.. Теремовскій... фамилія знакомая... я кажется встрѣчался съ нимъ въ клубѣ... Во всякомъ случаѣ, мнѣ послано не безъ его вѣдома... Донести полиціи!.. Но это значитъ втюриться въ канительную исторію... Будутъ таскать по слѣдователямъ, по судамъ... Нѣтъ, ужъ благодарю покорно... Въ газеты попадешь... Станутъ трепать имя... бррр... Ясно одно, необходимо немедленно незамѣтно сплавить ящикъ, отпихнуть отъ себя... Хладно-

Глава пятнадцатая.

Таинственный Жоржъ.

Слѣдователь озадачилъ Георгія Петровича вопросомъ, который, казалось бы, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу Лидіи Львовны, по которому онъ арестованъ.

— Въ какихъ отношеніяхъ состояли вы съ Анной Антоновной Ратнеръ?

— Я повѣренный ея супруга Карла Вильгельмовича...

— Ну, а съ его супругой не допускали ли вы интимныхъ отношеній?..

— Отношеніе Анны Антоновны ко мнѣ было всегда самое сердечное... Но ничего особаго... предосудительнаго въ нашихъ отношеніяхъ не было...

— Не называла ли васъ г-жа Ратнеръ Жоржемъ?..

— Нѣтъ... Не помню... не думаю... Можетъ быть иногда въ шутку...

— Не былъ ли вами посланъ въ день вашего ареста ей вотъ этотъ ящикъ, доставленный ей на слѣдующій день?

— Этотъ ящикъ я вижу въ первый разъ и содержимое его мнѣ неизвѣстно...

— Отвѣчайте прямо: вы не посылали ей этого ящика?

— Нѣтъ, не посылалъ.

— Не вами ли написана вотъ эта записка?...

— «Прости. Спаси. Жоржъ»... Нѣтъ... я не писалъ этого...

— У васъ есть пишущая машинка?

— Да. Но шрифтъ ея не походитъ на этотъ...

— Вы не можете сказать, кто могъ написать эту записку?..

— Это очевидная и наглая провокація, но я не могу назвать лицо, которому интересно было бы ее продѣлать!

— Не догадывался ли кто-нибудь изъ вашихъ близкихъ или знакомыхъ о вашей связи съ г-жей Ратнеръ?

— Никто и не могъ догадываться, потому что никакихъ связей и не было, и я вызвалъ бы на дуэль перваго, кто осмѣлился бы про меня распустить эту клевету...

— А не могла ли объ этомъ знать, или догадываться Лидія Львовна Невзорова?

Краска смущенія и тревоги залила лицо Теремовскаго:

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ... Я не могу допустить, чтобы она интересовалась грязными сплетнями...

— А не замѣчали ли вы со стороны г-жи Невзоровой... за послѣднее время... чтобы она васъ ревновала къ кому-нибудь больше обыкновеннаго...

— Позвольте! Я былъ другомъ ея мужа и— только! Никакихъ поводовъ и никакого смысла ревновать меня у нея не было!

— Вы не знаете, есть ли у нея въ домѣ пишущая машинка?..

— Не считаете ли вы ее способной на такой подлый провокаціонный способъ!

— Я не знаю, что было внутри этого ящика, но уже по запискѣ вижу, что ничего добраго...

— Въ этомъ ящикѣ находилась часть трупа!

— Какая часть!.. Какого трупа! Что вы говорите! Меня арестовали, но я до сихъ поръ не знаю за что... Я увѣренъ, что все это дѣло немедленно разъяснится, что Лидія Львовна ничего общаго ни съ какимъ трупомъ не имѣетъ!

— Вамъ будетъ предъявлена сейчасъ правая

нога... Не признаете ли вы въ ней ногу Петра Николаевича Невзорова?

У Теремовскаго опять закружилась голова:

— Ужъ не сплю ли я!

Слѣдователь вынулъ фотографическій снимокъ правой ноги, снятый въ трехъ поворотахъ.

— Нѣтъ, клянусь, что эта нога непохожа на ногу Пьера. У Петра Николаевича тѣло худое, крѣпкое, а это жирное, дряблое... И потомъ откуда вы взяли, что онъ убитъ! Онъ въ Варшавѣ...

Долго мучилъ его судебный слѣдователь.

Глава шестнадцатая.

Въ домѣ предварительнаго заключенія.

Совсѣмъ разбитымъ вернулся Теремовскій въ домъ предварительнаго заключенія.

Грохнулся на кровать и до головной боли старался разобраться въ томъ хаосѣ неожиданныхъ новостей, которыя услышалъ, о которыхъ догадался изъ словъ слѣдователя.

«Извозчикъ... посыльный... записка... Лидія Львовна подъ арестомъ... Созналась въ убійствѣ.. Анна Антоновна близка къ помѣшательству... Мужъ все узналъ... Но кто же могъ написать этотъ подлый доносъ... Чей это трупъ?.. Отчего такъ загадочно, припадочно было поведеніе Лидіи Львовны въ тотъ роковой вечеръ!.. Почему она напилась... Почему отдалась?.. что говорила, о чемъ недоговаривала!..»

«Неужели эта кровавая рука имѣетъ какую-нибудь связь съ этимъ трупомъ... Немыслимо!..

Но чѣмъ же объяснить ея истерику... Вѣдь весь вечеръ и вся ночь были сплошной истерикой»...

Да, только теперь Теремовскій понялъ, что она отдалась ему въ истерикѣ... Не любя...

— Не любя!...

— Какъ не любя?.. Но, вѣдь, даже судебный слѣдователь замѣтилъ, что она его ревнуетъ... Не ревнуя, развѣ можно послать такую подлую записку женщинѣ, которую считаешь соперницей...

И вдругъ дьявольская радость охватила его.

Ему такъ захотѣлось вѣрить, что это такъ и есть, что слѣдователь правъ во всемъ, во всемъ...

— Ахъ, я идіотъ! Какъ это я не замѣтилъ, что Лидія Львовна любила и любитъ меня до самозабвенія! Кто бы могъ подумать, что изъ любви ко мнѣ она пошла на такое преступленіе!..

Какое преступленіе — онъ еще хорошенько не зналъ.

Но онъ чувствовалъ, что его съ Лидіей связываетъ какое-то преступленіе. И ему радостно было сознавать это. И, ходя по камерѣ одиночнаго заключенія, онъ почти вслухъ повторялъ:

— Любовь и преступленіе! Любовь и преступленіе!..

Глава семнадцатая.

Смерчъ подозрѣній.

Подозрѣніе судебнаго слѣдователя подтвердилось. Вторичный обыскъ показалъ, что въ кабинетѣ Невзорова есть пишущая машинка, шрифтъ которой совершенно подходитъ къ шрифту записки: «Прости. Спаси. Жоржъ».

Значитъ эти слова написала Лидія Львовна.

Когда слѣдователь предъявилъ ей записку, она смутилась.

— Не можете ли вы сказать, кто написалъ эту записку?

— Могу... Ну, конечно, могу...

Но голосъ оборвался. Мысли кружились. Ей стало жалко Теремовскаго.

Вѣдь онъ же не виноватъ, что она ему отдалась... Она сама, сама напилась, какъ простая кухарка, обрадовавшаяся, что мужъ уѣхалъ, и бросилась на шею перваго подвернувшагося

мужчины... Каждый на мѣстѣ Теремовскаго воспользовался бы такою легкою добычею... И вотъ онъ молитъ у нея же, у нея, которая впутала его въ эту ужасную исторію, прощенія...

«Спаси»... Да, она обязана сдѣлать все, чтобы его спасти... Она вспомнила, какъ наканунѣ онъ клялся спасти ее, и вотъ теперь молитъ о спасеніи самъ...

— Что же вы молчите? Я жду, чтобы вы назвали имя автора этой записки...

— Я нахожу это лишнимъ... Разъ вы мнѣ передаете ее, значитъ она написана тѣмъ, кто вамъ поручилъ это сдѣлать...

— А кто могъ поручить это сдѣлать?

— Конечно, тотъ кто подписался... Георгій Петровичъ Теремовскій.

— Вы настаиваете, что это писалъ г. Теремовскій.

— Развѣ въ этомъ есть сомнѣніе. Разъ человѣкъ сидитъ въ тюрьмѣ и проситъ васъ передать мнѣ записку... ясно...

— Вы увѣрены, что эта записка адресована вамъ?..

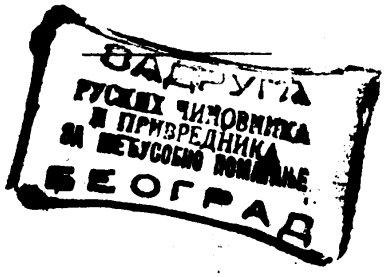
— Несомнѣнно... Вѣдь, я же его впутала въ эту глупую исторію...

— А не можете ли вы предположить, что записка адресована другой дамѣ. Не знаете ли вы съ какой еще дамой г. Теремовскій на «ты»...

— Какъ на ты?—вспыхнула Лидія Львовна:—Георгій Петровичъ никогда не былъ со мной «на ты»... Никогда онъ не подписался бы подъ письмомъ такъ фамильярно «Жоржъ!». Я лично никогда его «Жоржемъ» не звала!.. Эта записка адресована не мнѣ! Это или ловушка съ вашей стороны... Или провокація съ его...

Она только сейчасъ замѣтила въ какомъ тонѣ составлено посланіе Теремовскаго!..

— Какой негодяй! Онъ не только не раскаивается въ томъ, что воспользовался моимъ разстроеннымъ положеніемъ, опоилъ и изнасиловалъ меня, но и кичится своею близостью ко мнѣ... Какъ онъ смѣетъ писать ей на ты! Это онъ сдѣлалъ нарочно, чтобы прокуроръ и слѣдователь яснѣе видѣли, что я его любовница!.. Какой наглецъ! Боже мой, какой наглецъ!.. Какъ я ошиблась въ немъ!.. Я считала его такимъ деликатнымъ... Видно былъ деликатнымъ, пока добивался меня, а какъ добился, оказался, какъ всѣ... хуже всѣхъ... При первой же шкурной опасности не стѣсняясь топчетъ въ грязь ея репутацію!.. Шкурный вопросъ! Шкурный вопросъ! Покажу же я тебѣ шкурный вопросъ!..



Глава восемнадцатая.

Въ удушьи злобы.

Злоба душила Лидію. Вихрь мыслей хлыстовствовалъ въ ея головѣ. Горящими, безумными глазами смотрѣла она на записку.

— Такъ вы утверждаете, что это адресовано не къ вамъ. Къ кому же, по вашему мнѣнію, могло это адресоваться... Не знаете ли вы, кто еще находился съ г. Теремовскимъ въ интимныхъ отношеніяхъ?..

— Въ интимныхъ отношеніяхъ. Вы хотите сказать, что онъ со мной находился въ интимныхъ отношеніяхъ! Вы осмѣливаетесь оскорблять меня въ глаза! Кто вамъ далъ право! Законъ! Мундиръ!..

Слѣдователь спокойно отвѣтилъ:

— Сударыня! Успокойтесь. Мы одни. Насъ никто не слышитъ. Я задаю вамъ вопросы, на

которые вы имѣете право не отвѣчать. Но, повѣрьте мнѣ, что я дѣлаю это, повинуясь долгу службы. Въ моемъ вопросѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго послѣ того, какъ вы сами на первоначальномъ допросѣ заявили, что...

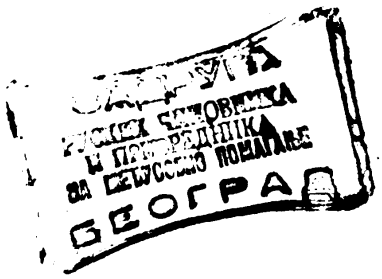
— Да! Этотъ негодяй силой взялъ меня! Напоилъ и... взялъ!.. Но теперь, я ему такая же чужая, какъ раньше... Даже болѣе чужая, чѣмъ прежде!.. Я ненавижу! Я презираю! Я проклинаю его!.. Вотъ въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ мы съ нимъ! Я убила бы этого подлеца и не раскаялась бы! Я не хочу слышать имени человѣка, который опозорилъ меня, моихъ дѣтей... Дѣти! Дѣти!..

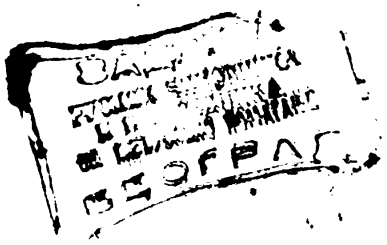
Она начинала истерически всхлипывать и причитать, зовя на всѣ лады Тосю и Вандочку. Она готова валяться въ ногахъ, цѣловать руки слѣдователя, лишь бы онъ позволилъ ей не разлучаться съ ними. Мало ли, что она истеричка, слабая, подхваченная вихремъ неожиданныхъ, странныхъ стеченій дьявольскихъ фактовъ, могла на себя наговорить. Мужъ живъ, онъ завтра пріѣдетъ. Все разъяснится.

Слѣдователь видѣлъ, что въ такомъ состояніи Лидія Львовна не дастъ ни одного дѣльнаго показанія.

Онъ какъ могъ старался успокоить ее: дѣти у сестры Петра Николаевича, г-жи Гнѣздиков-

ской, въ прекрасныхъ рукахъ. Имъ сказано, что мама на нѣсколько дней уѣхала въ Варшаву къ папѣ. Они ждутъ, что мама съ папой вернутся и привезутъ цѣлый ящикъ съ игрушками.





Глава девятнадцатая.

Догадки слѣдователя.

Слѣдователь самъ растрогался, рисуя картины дѣтскаго благополучія, хотя это и не входило въ кругъ его обязанностей.

Сама Невзорова, съ каждымъ днемъ казалась ему все загадочнѣй. Ясно было одно, что она—истеричка. Ясно было другое, что не она написала эту записку: надо быть черезчуръ искусной актрисой, чтобы разыграть сцену нынѣшняго допроса.

Ясно было третье: она ревнуетъ Теремовскаго и даже самая мысль о возможности у него интимныхъ отношеній съ какою-то другою дамою приводила ее въ истерическое бѣшенство.

Но тогда кто же написалъ записку, которую нашелъ въ ящикѣ съ мертвой ногой, адресованномъ Аннѣ Антоновнѣ Ратнеръ?

На вопросъ:

— Знакомы ли вы съ г-жей Ратнеръ?

Лидія Львовна такъ просто и искренно спросила:

— А какіе это Ратнеры. Мужъ говорилъ, что Теремовскій познакомилъ его съ какими-то Ратнерами. Но я лично ничего о нихъ не знаю...

«Мужъ знакомъ съ Анной Антоновной»!— новое подозрѣніе мелькнуло въ головѣ слѣдователя.

Сегодня онъ ждалъ отвѣта на телеграфный запросъ въ Варшаву.

Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ Невзоровъ живъ и тогда слѣдствіе потечетъ совсѣмъ по новому руслу.

Потому что, если онъ живъ, преступленіе— дѣло его рукъ. Жена тутъ ни при чемъ.

Если живъ—преступникъ, если умеръ — жертва.

Подали телеграмму...

Глава двадцатая.

Если женщина захочетъ.

— Главная достопримѣчательность Варшавы—Ченстоховскій монастырь.

— Ведите, куда хотите!

— Не «ведите», а «везите!».. Ченстоховъ монастырь такъ же далеко отъ Варшавы, какъ Иматра отъ Петербурга!.. Мнѣ одна знакомая говорила, что самое интересное, самое любопытное и самое восхитительное въ Петербургѣ это Иматра...

— Очевидно ваша знакомая ѣздила туда не одна?

— Ну, конечно. Кто же ѣздитъ въ Ченстоховъ или на Иматру втроемъ... Мы тоже не возьмемъ мужа...

— На Иматру ѣздятъ или вдвоемъ, или поодиночкѣ... Или влюбленные, или... самоубійцы.

— Ну, самоубійцы не жалуютъ Ясногор-

скаго монастыря, хотя тамъ есть, гдѣ покончить съ собой. Я какъ-то гуляла на валахъ. Оттуда залюбовалась на цвѣтущія клумбы монастырскихъ садовъ, которые разбиты тамъ внизу у подножія стѣны. И мнѣ такъ захотѣлось съ головокружительной высоты этой святой крѣпости ринуться внизъ и смѣшать свою кровь съ цвѣтами, выросшими на святой монастырской почвѣ... Я тогда была моложе... и лучше, кажется, была...

— Почему такія мысли!.. Вы мнѣ кажетесь такою жизнерадостною, что у васъ даже въ шутку мысль о самоубійствѣ не можетъ проскользнуть...

— Я тогда была другой... Я узнала объ измѣнѣ мужа, о первой измѣнѣ... Ха-ха-ха... И поѣхала одна въ монастырь... Замаливать грѣхи мужа... Я была, какъ шальная... Я, православная, исповѣдывалась у паулина...

— Ужъ не у Мацоха ли?..

— Вы угадали... Тогда еще никто не зналъ о его подвигахъ... Напротивъ среди другихъ монаховъ онъ выдѣлялся мягкою обходительностью... Я покаялась ему въ томъ, что хотѣла покончить съ собой... Онъ долго и горячо говорилъ о томъ, что жизнь самый драгоцѣнный даръ Создателя и что тѣ, кто отказываются отъ этого дара, тѣмъ самымъ оскорбляютъ Его... Говорилъ простымъ, житейскимъ языкомъ, го-

лосомъ вкрадчивымъ, но не непріятнымъ... И примѣры бралъ все житейскіе... «Вотъ если бы я вамъ отъ чистоты сердечной подарилъ колечко съ брилліантикомъ, а вы бы подержали у себя, поносили на пальцѣ его дня два, а потомъ вернули мнѣ:—«не надо»!. Ну, развѣ этимъ вы не обидѣли бы меня. Я подумалъ бы, что вы недовольны тѣмъ, что брилліантъ мой, который я вамъ далъ, не чистой воды... Или что онъ не достаточно великъ... Или что вы на меня сердитесь... Вотъ и жизнь тоже... Нельзя жаловаться, что она не чистой воды, если вы сами мутите воду жизни. Нельзя жаловаться, что этотъ брилліантъ недостаточно играетъ... Надо умѣть его носить и онъ заиграетъ, надо вправить его въ подобающую оправу... Очевидно, мужъ вашъ не подобающая оправа для вашей жизни... Вотъ я познакомлю васъ съ отцомъ Исидоромъ, онъ васъ научитъ, какъ надо жить, чтобы жизнь играла, какъ молодая кровь, какъ старое вино»...

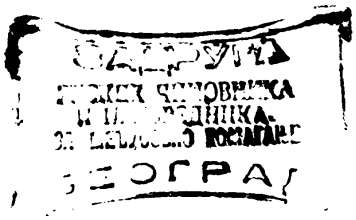
— И вы познакомились съ Исидоромъ Старчевскимъ!

— Нѣтъ! Случай спасъ! Настроилась такъ, что захотѣлось простить мужа и, не дождавшись вечерняго свиданія со Старчевскимъ, уѣха[redacted] съ первымъ поѣздомъ въ Варшаву... Это было три года тому назадъ!.. Очень хотѣлось бы посмотрѣть монастырь, валы, аллею теперь, послѣ

того, какъ надъ Ясной горой пронеслась нежданная гроза.

— Ваше желаніе для меня законъ! Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Фу!.. И вы тоже говорите такими обычными, готовыми фразами. Это намъ, женщинамъ, простительно говорить готовыми фразами. А вы, мужчины обязаны ковать новыя фразы, новыя дѣйствія. Вѣдь задыхаешься во всемъ этомъ тряпьѣ, въ которое кутаетъ меня Василій Александровичъ Топилинъ! Впрочемъ, у него, у этого добраго, разбитного парня больше фразъ, чѣмъ у всей ихъ редакціи... Я человѣкъ веселый, экспансивный, и меня тошнитъ, когда говорятъ, только говорятъ, а не дѣйствуютъ...



Глава двадцатая первая.

Месть или любовь.

Петръ Николаевичъ вскочилъ, протянулъ обѣ руки:

— Ѣдемте! Звоните мужу! Онъ сейчасъ въ редакціи. Предупредите его, что мы уѣзжаемъ и...

— Зачѣмъ предупреждать?

— Но, вѣдь мы можемъ заночевать тамъ?..

— А онъ меня предупреждаетъ, когда отправляется къ своей Тинѣ... тинѣ, въ которой онъ завязъ...

Въ ея голосѣ почудились злыя нотки.

— Нѣтъ, ужъ пусть онъ сегодня поволнуется, поревнуетъ... Я хочу чтобы никто, а онъ менѣе всего, не зналъ, куда дѣлась я...

— Но моя дружба къ нему обязываетъ меня...

— Трусъ! Тряпка!..

— Марья Александровна! Если бы я не сознавалъ, что вы хотите воспользоваться мною

исключительно, какъ орудіемъ мести, я былъ бы безъ ума отъ радости ѣхать съ вами.

Она вскочила, выпрямилась передъ нимъ и вызывающе крикнула:

— Скажите! Красива ли я?

Восхищенный взглядъ Невзорова сказалъ больше словъ.

— Скажите! Нравлюсь ли я вамъ?

— Съ первой минуты, какъ я васъ увидѣлъ, я потерялъ голову!..

— Такъ не все ли равно, будете ли вы обладать сегодня мною изъ мести, или изъ любви!..

Глава двадцать вторая.

Героиня кафешантана.

На репетиціи Тина свихнула ногу и докторъ уложилъ ее на недѣлю въ постельку.

Тина злилась на весь міръ: и на автора, написавшаго идіотскій танецъ на роликахъ (какъ будто сцена это скэтингъ-ринкъ), и на режиссера, давшаго эту роль Тинѣ, которая раньше никогда на скэтингѣ не каталась, и на антрепренера, категорически отказавшагося выдать Тинѣ 5 р. 75 к., затраченныхъ ею на покупку роликовъ.

«Безобразіе просто! Приходится покупать все на свои деньги, не только платье, обувь и трико, но и всякую дребедень, какую вздумаетъ авторъ.

«Заставитъ актрису на роликахъ появиться,— ролики покупай, заставитъ на велосипедѣ,— велосипедъ покупай...

«Этакъ въ одинъ прекрасный день дойдутъ до того, что заставятъ Тину купить на собствен-

ныя средства автомобиль... А какія у Тины средства съ тѣхъ поръ, какъ она путается съ этимъ шелопаемъ Топилинымъ.

«Именно не живетъ, а путается.

«У него у самого ничего нѣтъ. Но это еще бы не бѣда, съ милымъ рай въ шалашѣ.

«Но въ шалашѣ у Василія уже сидитъ жена и дѣти, которыхъ онъ кажется любитъ и не намѣренъ бросить».

Злится Тина и на доктора, который, выслушивая ее (она вывихнула ногу, а онъ счелъ нужнымъ ее выслушивать!) ни съ того, ни съ сего поцѣловалъ въ грудь...

Сказать объ этомъ Василію или смолчать?..

Если сказать, онъ сдѣлаетъ скандалъ, швырнетъ ему въ физіономію деньги за визитъ, а самого спуститъ съ лѣстницы.

А гдѣ онъ возьметъ денегъ, чтобы расплатиться съ докторомъ!

Нѣтъ, ужъ лучше смолчать. Тогда доктору можно будетъ и не заплатить.

Злилась Тина и на горничную Стасю, которая выдумала выходить замужъ совсѣмъ не во-время: какъ разъ сейчасъ-то и необходимъ за Тиной самый тщательный уходъ, а она накричала, надерзила, нашуршала крахмальной юбкой и удрала.

Злилась Тина и на Топилина, который обѣщалъ въ шесть, а не явился и къ семи.

Она знаетъ, что онъ сейчасъ явится, что-нибудь совретъ, что-нибудь сморозитъ, разсмѣшитъ, или наоборотъ будетъ хвататься за голову, и жаловаться на проклятую жизнь, и распуститъ нюни...

Глава двадцать третья.

Счастье втроемъ.

Весь міръ знаетъ Ваську Топилина безоблачнымъ, вѣчно суетливымъ и улыбающимся, вѣчно лгущимъ и беззаботно просящимъ взаймы.

И только одна Тина видѣла—за послѣднее время особенно часто—не только хмурящимся, но даже и плачущимъ.

Онъ выбивался изъ силъ, стараясь сохранить равновѣсіе въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ и Тинѣ. Вотъ ужъ три года, какъ эти отношенія налаживались и не могли наладиться.

Жена ненавидѣла Тину, называя ее злобно иронически «твоя дѣвица», а Тина не переваривала Маріи Александровны и всегда подчеркивала: «твоя законная»!

Жена была увѣрена, что Тина раззоряетъ домъ, что Василій Александровичъ урываетъ изъ домашняго бюджета послѣдніе гроши, что-

бы покупать туалеты, духи и перчатки этой привыкшей къ роскошнымъ поклонникамъ особѣ.

Тина, напротивъ, была увѣрена, что жена Василія утопаетъ въ роскоши: у нея прекрасная квартира, чудная обстановка, трое прислугъ, она не знаетъ, какъ устаетъ мужъ, ей нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ добываетъ онъ деньги, лишь бы деньги были. И вотъ Василій урываетъ изъ бюджета Тины каждый грошъ, держитъ ее въ чернomъ тѣлѣ: двѣ скверненькія комнатки, одна служанка, у которой барыня вѣчно должна за мѣсяцъ жалованье, вѣчныя отговорки...

Ни жена, ни Тина не требовали денегъ. Василій Александровичъ всегда самъ поднималъ этотъ вопросъ. И такъ какъ у него былъ какой-то оправдывающійся видъ, это еще больше подкрѣпляло увѣренность жены, что онъ самъ сознаетъ бѣшеныя траты денегъ на «свою дѣвицу» и увѣренность Тины, что ему самому совѣстно ее молодую, красивую, любящую заставлять чуть-ли не голодать.

Не правы были обѣ. И обѣ правы.

Не правы, потому что ни женѣ, ни Тинѣ завидовать другъ другу не приходилось. Заработокъ Василія за послѣднее время страшно покачнулся, съ такимъ гонораромъ бѣдствовала бы и одна семья, а тутъ—двѣ.

Правы—потому что права была и жена, когда увѣряла, что Тина мѣшаетъ ему заниматься, права была и Тина, когда увѣряла, что работать ему мѣшаетъ семья. Та и другая женщина вмѣстѣ отнимали у него ровно все время своими безконечными претензіями и жалобами.

Когда Василій Александровичъ шелъ на работу (репортера, какъ волка, кормятъ ноги), жена была увѣрена, что онъ идетъ къ Тинѣ. Язвила. Томилинъ отмалчивался. Сдерживался, чтобы не вышло «сцены».

Взвинченнымъ приходилъ на службу. Раздраженнымъ къ Тинѣ.

Напротивъ Тина увѣрена, что онъ все время, весь свой досугъ проводитъ у «законной юбки».

Чтобы избѣжать укоровъ той и этой стороны, онъ старался, какъ можно больше дѣлать досуга, чтобы поровну дѣлить его между Маріей Александровной и Тиной. Отлынивалъ отъ дѣла и дѣлъ, и единственнымъ заработкомъ было «перехватываніе» четвертныхъ тамъ и тутъ.

Ему давали охотно, потому что любили его, вѣчно жизнерадостнаго, улыбчиваго, лгущаго, но такъ безобидно, такъ кружевно, такъ весело. Жену его тоже считали веселой, не знающей, что такое заботы, хохотушкой. Тинѣ говорили:

— Бросьте вы вашего Васеньку! Погубитъ онъ васъ. Что вы съ нимъ путаетесь! Вы молоды,

красивы, могли бы утопать въ роскоши. А теперь, не вы его Тина, а онъ ваша тина,—тина, которая засосетъ васъ...

Въ отвѣтъ она смѣялась:

— Хорошо, я сейчасъ брошу Васеньку и возьму васъ!

Всѣ трое они несчастны. Но всѣ трое дѣлаютъ видъ, что имъ живется просто прелесть какъ. Никто не видѣлъ, да и кому какое дѣло было глядѣть, что творилось за кулисами этой странной семьи.

Глава двадцать четвертая.

Экономія на роликахъ.

Тина лежала и злилась.

— Противная Стаська, ни за что не придетъ. Дверь не заперта. Всякій можетъ войти.

Вставать съ постели Тина не можетъ, только абсолютный покой исправитъ ногу.

Василій еще не знаетъ о несчастіи съ ногой. Тина прямо съ репетиціи привезена Свенцицкимъ домой.

Она просила Стасю дать знать по телефону въ редакцію. Но озлобленная горничная на зло не сдѣлала этого. Да и некогда ей, надо на свиданіе спѣшить. Да и въ редакціи ли Василій? Вѣроятно, пришитъ къ «законной юбкѣ».

— Господи! Дай мнѣ разлюбить его! Дай мнѣ силы его покинуть!.. Дай ему силы меня бросить!.. Пробовалъ... За три года дважды пробовалъ. Проклятье какое-то!.. Вотъ жди его..

мучайся... Одна, одна... Некому воды подать... Скажетъ «сама виновата, зачѣмъ груба съ горничной»... Да развѣ у меня вмѣсто нервовъ веревки!.. Такъ вѣдь и канаты не выдержатъ...

Потомъ вдругъ ей вспомнилось, какое милое было лицо у Василія, когда онъ вчера принесъ ей 25 рублей, заработанные на какомъ-то съѣздѣ агрономовъ. Какъ оживленно разсказывалъ онъ о встрѣчѣ съ пріятелемъ Невзоровымъ, котораго непремѣнно привезетъ сюда. Какъ возмущался онъ антрепренеромъ, который наводилъ грошевую экономію на роликахъ, такъ и хотѣлъ написать въ «Вѣстникѣ» фельетонъ: «Экономія на роликахъ»... «Антрепренеръ скоро потребуетъ, чтобы артистки обзавелись автомобилями... Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Семигановская, предупредивъ желаніе антрепренера, уже пріобрѣла».. Вотъ разозлится Семигановская...

И вдругъ Тинѣ стало легко, легко... такъ просто, спокойно...

И она заснула.

Разбудилъ ее рѣзкій, тревожный звонокъ.

Глава двадцать пятая.

Ритуальныя убійства.

Редакторъ какъ-то вяло промычалъ:

— Ну, что же, можно и объ сектантахъ. Пишите!

— Какъ! Вы говорите можно! Не можно, а должно!—выпалилъ Ростовскій, хмурый, коренастый, эсдечной наружности, передовикъ.— Нашъ долгъ заступиться за сектантовъ, такъ же горячо, какъ мы заступились за евреевъ въ дѣлѣ Ющинскаго. Мало того: сектанты больше нуждаются въ нашей защитѣ, потому что, кто обвинялъ евреевъ? темныя невѣжественныя лица! кто обвиняетъ сектантовъ въ ритуальныхъ убійствахъ! — просвѣщеннѣйшій, христіаннѣйшій писатель Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій...

— Ну ужъ, будто бы такъ и обвиняетъ!..

— Обвиняетъ ярко! И тѣмъ для сектантовъ

тяжело, что его обвиненіе навѣки останется. Наши возраженія въ газетахъ умрутъ, ими селедки завертывать будутъ, а романами Мережковскаго наши внуки еще любоваться будутъ!.. Вы читали третью часть «Антихриста»?

— Его «Петра и Алексѣя» знаю только по наслышкѣ.

— Ну такъ вотъ, поинтересуйтесь имъ, какъ онъ ритуальное убійство размалевываетъ: «И вдругъ всѣ остановились, пали ницъ, какъ громомъ пораженные, закрывъ лицо руками. Бѣлыя рубахи покрыли полъ, какъ бѣлыя крылья». «Се агнецъ непорочный приходится заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ»,—въ тишинѣ раздался изъ подполья голосъ Матушки, глухой и таинственный, какъ будто говорила сама «Земля-Земля, Мати сырая». Царица вышла оттуда».

— Какая царица?--сонно спросилъ редакторъ.

— Ну, будетъ вамъ... Конечно все это возмутительно. Я студентомъ увлекался исторіей раскола и могу сказать, что во всей богатѣйшей литературѣ этого вопроса нѣтъ ни одного документа, свидѣтельствовавшаго о существованіи у сектантовъ ритуальнаго убійства!...

— Ну, положимъ, есть дѣло о раскольникахъ въ Москвѣ въ 1774 году. Откуда, очевидно, черпалъ матеріалы и Мережковскій!..

— Но вѣдь всѣ эти Лукерьи, дѣвки Елены и Маріи, на слова которыхъ опиралась обвинительная власть, давали свои показанія подъ пытками и подъ угрозами, снова быть вздернутыми на дыбу. Онѣ потомъ взяли свои слова назадъ...

Глава двадцать шестая.

Живой трупъ.

Въ разговоръ вмѣшался Топилинъ, сосредоточенно чинившій карандашъ, чтобы написать театральную замѣтку: «Экономія на роликахъ».

— Я на-дняхъ развернулъ книжку какого-то толстаго журнала. Въ ней нѣкій Бончъ-Бруевичъ тоже возмущенъ, тоже Мережковскимъ... Авторитетно... Мнѣ даже скучно сдѣлалось и я захлопнулъ книжку... По моему, ей Богу, ни у евреевъ, ни у христіанъ, никакихъ ритуальныхъ убійствъ нѣтъ и не было... Даже напротивъ...

— Что напротивъ?..

— Напротивъ у христіанъ есть ритуальные... поцѣлуи...

— ??..

— Да... На пасхѣ... Развѣ христосованіе не ритуальные поцѣлуи...

— Онъ правъ!..—засмѣялся редакторъ.— Кстати,- Вася, ты вчера мнѣ представилъ своего пріятеля Невзорова...

— Да. Душа-парень.

— Онъ инженеръ?

— Кажется. Даже навѣрное.

— Это не его ли жена убила?

— Какъ такъ?

— Да вотъ сейчасъ агентскія телеграммы изъ Петрограда передаютъ объ арестѣ жены инженера Лидіи Невзоровой по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Арестованная созналась.

— Что вы мнѣ голову морочите?..

— Да вотъ тутъ и подробности прелюбопытныя: «Желая скрыть трупъ мужа, убійца разрубила его на части, запаковала въ ящики и разослала по разнымъ лицамъ въ Петроградѣ. Одинъ ящикъ якобы позабыла на извозчикѣ, другой послала коммерсанту Абелю, третій коммерсанту Ратнеру. Пока найдены три ящика, заключающіе въ себѣ правую руку, лѣвую ногу и тазовыя части инженера Невзорова. Вмѣстѣ съ убійцей арестованъ ея сожитель прис. пов. Теремовскій, ради котораго она пошла на преступленіе»...

— Что за ерунда!.. Не можетъ же быть такого совпаденія... Я знаю, что жену Невзорова зовутъ Лидіей... Два Невзорова... Оба инженеры... Оба женаты на Лидіи...

— И оба уѣхали въ Варшаву!..

— Какъ въ Варшаву.

— При арестѣ Лидія Невзорова признала себя виновной въ убійствѣ мужа, Теремовскій же заявилъ, что инженеръ Невзоровъ живъ и находится въ Варшавѣ...

— Это великолѣпно! Значитъ вы насъ познакомили вчера съ живымъ трупомъ!..

— Вы меня мистифицируете!..

Топилинъ выхватилъ телеграммы и медленно вслухъ перечиталъ все. Потомъ бросился къ телефону.

Глава двадцать седьмая.

Кто сломалъ ногу?

— 248—74... 247—74... Маня ты?.. Гдѣ барыня... Уѣхали?.. Съ господиномъ?.. Не сказала, когда вернется?.. Какъ?.. Не будетъ ночевать... Что за глупости... Куда же?.. Спроси швейцара, куда нанимали извозчика...

— Что такое? Ваша супруга сбѣжала съ живымъ трупомъ?.. Успокойтесь... Невзоровъ поѣхалъ осматривать Варшаву, въ Лазенки...

Едва Топилинъ отошелъ отъ телефона, какъ звонокъ вернулъ его къ трубкѣ.

— Кто у телефона... Алло... Да, это я... Какъ? Барыня сломала ногу?.. Какой нахалъ смѣетъ такъ шутить...

А чей-то грубый басъ повторилъ по телефону:

— Такъ ей и надо! Прыгала и допрыгалась...

— Ради Бога, скажите, гдѣ она сейчасъ!.. но голосъ не отвѣтилъ, положилъ трубку.

Ясно одно: жена поѣхала съ Невзоровымъ, поѣхала кататься, вѣроятно, на автомобилѣ, случилось несчастье и она сломала себѣ ногу!..

Онъ взглянулъ на часы:

— Боже мой, восьмой часъ! А я поклялся въ шесть быть у Тины!

Онъ схватилъ котелокъ.

Статья «Экономія на роликахъ» такъ и осталась неоконченной.

Глава двадцать восьмая.

Тайна телеграммъ.

Телеграмма, полученная судебнымъ слѣдователемъ, была не утѣшительнаго свойства:

«Петръ Николаевичъ Невзоровъ выбылъ изъ Варшавы неизвѣстно куда».

— Какъ безтолкова полиція,—горячился слѣдователь;—не могли прибавить, когда именно выбылъ.

— Ясно одно,—съ увѣренностью сказалъ практикующій у него въ камерѣ и заинтересовавшійся дѣломъ Невзоровой, кандидатъ на судебныя должности Потемковъ:—что въ моментъ ареста Лидіи Львовны ея мужъ былъ въ Варшавѣ...

— Это далеко не такъ ясно, какъ вы думаете.

— Позвольте... Но кто же тогда послалъ двѣ телеграммы...

— Кто угодно...

— Я васъ не понимаю...

— Кто угодно, но только не Невзоровъ... Прочтите внимательно и подумайте хорошенько надъ ними...

— «Пошутилъ, остаюсь цѣлую Лиду Теремовскую»... «Выѣхалъ скорымъ завтра буду...».

— На-дняхъ мнѣ разсказали о такой любопытной продѣлкѣ извѣстнаго авантюриста барона Энгельгардта. Въ Парижѣ ему удалось раздобыть не совсѣмъ благовиднымъ путемъ пачку ассигнацій какого-то благотворительнаго общества. Онъ обратился къ скупщику краденныхъ бумагъ Шмуклеру, прося ихъ купить, какъ краденыя, за полъ-цѣны. Шмуклеръ согласился, но потребовалъ неопровержимаго доказательства цѣнности бумагъ. Энгельгардтъ предложилъ самый простой, скорый и убѣдительный способъ: послать въ Петроградъ директору банка гофмейстеру Вортоновскому телеграмму съ запросомъ: «что стоятъ въ Россіи восточно-сахалинскія акціи». Эту телеграмму послалъ Шмуклеръ лично. А другую телеграмму послалъ лично Энгельгардтъ: «Петроградъ—Эрмитажъ. Шпаковскому. Немедленно отвѣчай: Парижъ, Отель Ришенасъ, Шмуклеру. Акціи восточно-сахалинскія на биржѣ не котируются по случаю богатства общества. Ходитъ по цѣнѣ 200 и 202 при покупкѣ. Подписи Правленія банка. Отвѣтъ срочно.По-

лучишь комиссію Валеріанъ». Разумѣется, отвѣтъ былъ полученъ немедленно и произвелъ на Шмуклера чудесное впечатлѣніе. Но отвѣтъ не на его телеграмму адресованную несуществующему Вортоновскому и потому не доставленную, а на телеграмму о существованіи которой Шмуклеръ и не подозрѣвалъ...

— Такъ вы думаете, что и насъ, какъ этого Шмуклера, кто-то хочетъ обморочить...

— Это несомнѣнно. Самъ Невзоровъ не смогъ бы послать такихъ безсмысленныхъ телеграммъ. «Пошутилъ. Остаюсь. Цѣлую Лиду Теремовскую»... Если толковать ихъ такъ: Петръ Николаевичъ узнавъ о связи жены съ Теремовскимъ, объявилъ, что уѣдетъ за-границу, или что убьетъ себя, или что убьетъ ихъ... Доѣхавъ до Варшавы онъ одумался, успокоился и телеграфируетъ «Пошутилъ». т. е. пошутилъ, что застрѣлюсь, что застрѣлю, что покину навсегда Петроградъ. «Остаюсь»... И какъ бы подчеркивая, что простилъ женѣ связь съ Теремовскимъ, добавляетъ «Цѣлую Лиду Теремовскую...». Онъ этими словами словно соглашается на разводъ съ тѣмъ, чтобы жена вышла за друга замужъ законнымъ бракомъ!..

— Превосходно! Проницательное толкованіе! Вы Николай Ефимовичъ лучше всякихъ Шерлоковъ!

— Только при такомъ толкованіи понятна вторая телеграмма: «Выѣхалъ скорымъ. Завтра буду»... и третья «Въ Варшавѣ на жительствѣ не значится»!... Но если бы Невзоровъ самъ написалъ о томъ, что онъ «выѣхалъ», такъ онъ еще третьяго дня былъ бы уже въ Петроградѣ. Не можетъ быть для мужа безразлично, что его жена арестована за убійство мужа!.. А разъ онъ выѣхалъ, гдѣ же онъ?..

— Видно выѣхалъ, да не въ Петроградъ...

— А если бы это былъ мужъ, куда бы онъ поѣхалъ!

— Только въ Петроградъ, чтобы разрушить легенду о своей смерти...

— Значитъ, тотъ, кто выѣхалъ скорымъ «завтра будетъ», не въ Петроградѣ, а въ иномъ условленномъ пунктѣ... Быть можетъ въ заграничномъ городѣ... Онъ отправилъ изъ Варшавы свои страшныя посылки и улизнулъ...

— Конечно, если бы Невзоровъ былъ въ живыхъ, онъ откликнулся бы немедленно. Вѣдь, во всѣхъ газетахъ напечатаны телеграммы объ арестѣ его жены!.. Значитъ, онъ или на томъ свѣтѣ, или за-границей...

— За-границей онъ тоже узналъ бы. Не можетъ русскій человѣкъ жить за-границей, не читая русскихъ газетъ...

— Ну, это положимъ не такъ... Я бы о

русской газетѣ и не вспомнилъ. Такъ тамъ все интересно, ново, увлекательно въ дѣйствительной жизни, что я ничего не читаю кромѣ вывѣсокъ и меню. Да я признаться и здѣсь не всегда читаю... Некогда...

— А вы не предъявляли до сихъ поръ этихъ телеграммъ Невзоровой?

— Нѣтъ. На это у меня были вѣскія основанія. Но теперь немедленно предъявлю. Послушаемъ, что скажетъ барынька.

— Для меня она сплошная загадка. Съ одной стороны у нея такой искренній тонъ, такіе правдивые глаза. А съ другой стороны, факты такъ безпощадно изобличаютъ ее...

— Истеричка!

Глава двадцать девятая.

Въ разгарѣ пира.

Инженеръ Неберучевъ провозгласилъ тостъ за тетокъ поставщиковъ.

За самихъ поставщиковъ уже пили. За женъ поставщиковъ пили. За дочерей поставщиковъ пили. За матерей—пили.

Взрывъ аплодисментовъ покрылъ находчивый тостъ. Какъ вдругъ электричество померкло. Не погасло, а померкло.

— Второе предостереженіе!—пробасилъ Дормидонтовъ.—Въ этомъ ресторанѣ завсегда такъ. Сперва на столъ свѣчи подадутъ, дескать, скоро ресторанъ закроютъ. Потомъ электричество приспустятъ. А потомъ и—шабашъ, просятъ о выводѣ и о выходѣ...

— Для насъ законъ не писанъ!—пропищалъ хлыщеватый инженерикъ, болѣе похожій на правовѣда.

— Мы еще за тещъ не пили...

— И за бабушекъ!..

— Господа, здѣсь у насъ нѣтъ ни бабушекъ, ни дѣдушекъ! — выкрикнула Жюли. — Лучше обсудимъ, куда мы отсюда!

— Тостъ за тещъ и бабушекъ будетъ провозглашенъ у меня на квартирѣ...—отвѣтилъ Неберучевъ.

Платовъ толкнулъ его въ бокъ.

— Неудобно. Ты забылъ, что мы съ дѣвицами. Что скажетъ твоя жена. Вѣдь половина четвертаго ночи...

— Жена въ мои служебныя дѣла не вмѣшивается. Она знаетъ, что необходимо для пользы дѣла. Я сегодня Дормидонтова не обработаннымъ не отпущу.

— Ѣдемъ куда угодно... Ну, хоть ко мнѣ... Но не въ семейный же домъ... Вѣдь тамъ одна Манька Ковбойка можетъ такой скандалъ устроить... Маньку выкинемъ. По дорогѣ изъ автомобиля выставимъ.

— Безъ Маньки Дормидонтовъ не тронется... А если выкинешь—разозлится...

И еще разъ зычнымъ голосомъ Неберучевъ гаркнулъ:

— Господа, оканчивать нашъ милый праздникъ ѣдемъ ко мнѣ. Я предупредилъ по телефону, чтобы все было готово!

Манька Ковбойка взвизгнула отъ радости.

— Ужасно люблю бывать въ семейныхъ домахъ!

Дормидонтовъ спросилъ:

— Всей семьей ѣдемъ, или безъ дамъ?

— Всей семьей! Всей семьей!.. Я даже совѣтовалъ бы дамъ забирать какъ можно больше! Потому, что у меня дома есть запасъ винъ и закусокъ... Но запаса дамъ не имѣется!..

— Будетъ! Будетъ!.. Неберучевъ такой хозяйственный, что дойдетъ и до этого... до склада дамъ.

— Ты меня въ складъ возьмешь?—крикнула Манька.

— Нѣтъ, ты у меня все вино перепортишь...

— Ми не пьючки. Насъ склядивай нахъ склядъ!.. Ми три скляди!..

— Нѣмокъ беру. Всѣ три сестры будутъ лежать про запасъ для Карла Антоновича!..

— Я тоже лягу!—Вѣрка Недомѣрка едва держалась на ногахъ.—Милый Иванъ Иванычъ вези меня на колѣняхъ... Я такъ не доѣду...

— Я тебя посажу на колѣни къ шоферу!..

Жюли была правой рукой Неберучева. Она была трезвѣе всѣхъ, хотя и симулировала опьяненіе.

Ея цѣлью было отстранить отъ Дормидонтова Маньку Ковбойку. Но Дормидонтову была болѣе по душѣ Манька.

Жюли пробовала было вступить съ ней въ сдѣлку.

— Даю четвертную, уступи мнѣ старика.

— Только попробуй отбить. Я тебѣ публично морду раскровяню.

— Дура. Да, вѣдь, это для дѣла нужно. Меня Неберучевъ просилъ замарьяжить Дормидошку...

— А мнѣ нѣтъ дѣла до твоего дѣла. У меня свое дѣло.

Всѣ ужъ встали съ мѣстъ, шумятъ, уговариваются, кто съ кѣмъ поѣдетъ.

Пьяная Спаржа расплакалась:

— Ни за что не поѣду въ семейный домъ!— сантиментально закатывала полныя слезъ глаза и повторяла:

— Ахъ, семья! Это святое! Я сама происхожу изъ семьи. Ахъ, бабушка... Ахъ, тетки...

— Да вѣдь мы уже пили за тетокъ!

— Ѣдемъ еще за бабушку выпьемъ!..

— Уговорили!

Жюли разсказала Неберучеву объ упорствѣ Маньки.

— Не безпокойся,—многозначительно сказалъ онъ.—Она поѣдетъ. Но не доѣдетъ!

Платоновъ боялся, что всѣ не усадятся въ пяти автомобиляхъ:

— Сколько насъ!

Четырнадцать человѣкъ и семь дамъ!

— По одной дамѣ на двоихъ!..

— Я отъ своей порціи отказываюсь!—процѣдилъ правовѣдъ. Я удивляюсь, какъ вообще измельчала провизія... Раньше были шикарныя дамы, устрицы... А теперь...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Да, вѣдь, за бабушекъ будемъ пить...

. . . . . .

— Урра!

Другіе не зная за кого, расходясь, пьютъ, поддержали.

Темный коридоръ ресторана оживился безпорядочными криками.

Кто-то тормошилъ заснувшую на диванѣ кабинета Вѣрку Недомѣрку.

Икая, она полубезсознательно попросила воды.

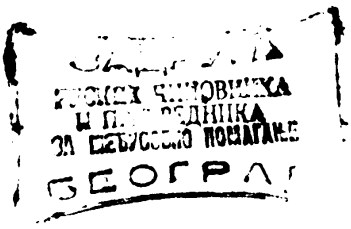
Ей подали стаканъ, въ который слили изъ разныхъ рюмокъ и стакановъ вина и ликеры.

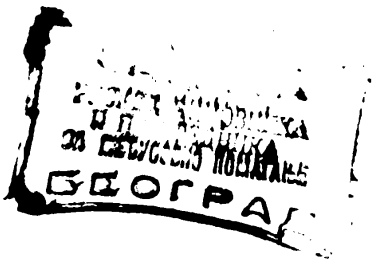
— Долей пивомъ!—посовѣтовалъ Ефремовъ,

Та залпомъ выпила, глупо улыбнулась и спросила:

— Хрюшонъ?

— Послѣ такого захрюкаешь...





Глава тридцатая.

По дорогѣ въ семейный домъ.

У подъѣзда гудѣли и фыркали автомобили. Многіе изъ компаніи уже усѣлись. Другіе одѣвались.

Впередъ поѣхалъ Неберучевъ и Платоновъ, захвативъ съ собой, не хотѣвшую отстать отъ подрядчика, Маньку Ковбойку.

— Ты мнѣ нужна!..—солгалъ Неберучевъ:— На Жюли я не надѣюсь!..

— Да ты то мнѣ не нуженъ!

— Авось пригожусь.

Подумала и опасливо сѣла.

Еще какого-то юнца прихватили, который еле отдавалъ себѣ отчетъ.

Ему понравился ликеръ «Бананъ» и онъ одинъ вытянулъ около двухъ бутылокъ этой приторной жидкости.

— Господа! Поскорѣе! Не забудьте себя въ кабинетѣ!—кричалъ Ефремовъ.

Хлыщеватый Ванъ-Ливенъ пробормоталъ:

— Мнѣ хотѣлось бы забыть себя въ кабинетѣ. Ужъ очень мнѣ дамы не нравятся.

— Отъ него всѣ качества!

— Отъ кого?

— Отъ Дормидонтова. «Не люблю,—говоритъ,—я этуалистыхъ. Въ простыхъ скусу больше!».

— Неужели Неберучевъ такъ боится его...

— Неберучевъ у Дормидонтова въ рукахъ...

— Ну идемъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Поѣдемъ пить за тещъ!..

— Какъ все это тупо!.. Пошло!.. Еще Жюли, если бы она не была такъ пьяна, могла бы меня позабавить...

— Жюли! Нѣтъ, братъ, шалишь! Жюли, это штука въ рукахъ Неберучева...

— Она хорошенькая!

— Мѣстами не дурна...

Автомобили мчались.

Дормидонтовъ, замѣшкавшійся было въ уборной, поспѣлъ усѣсться только въ четвертый автомобиль, гдѣ его поджидала Жюли.

— А Манька гдѣ?

— Эге! Хватилъ! Она съ Иваномъ Петровичемъ. У нея съ Беручкой давно канитель. Она рада, что дорвалась до него.

— Ну, и чертъ съ ней!—недовольно буркнулъ поставщикъ.—Что же она мнѣ башку тормошила!

Автомобиль мчался.

Вдругъ на полдорогѣ чей-то отчаянный бабій крикъ огласилъ улицу.

— Задавили мы кого-то!

— Мало ли тутъ дѣвокъ шляется! Всѣхъ не передавишь!..

— Нѣтъ... Это не модель!.. Шоферъ стой! Стой каналья!..

На мостовой валялась... Манька Ковбойка и голосила на весь Петроградъ.

Окрававленную, вздрагивающую, голосящую, безпамятную ее положили въ автомобиль Дормидонтова и повезли, куда ѣдутъ всѣ.

Подкатили.

— Ну что? У васъ все благополучно?

— У насъ Спаржа оскандалилась! Укачало! Морская болѣзнь...

— Какъ же можно подавать спаржу безъ соуса...

— А у насъ Ковбойка подъ краснымъ соусомъ...

Глава тридцать первая.

Боченокъ съ икрой.

Неберучевъ гостепріимно просилъ:

— Весь домъ къ вашимъ услугамъ. Жена уѣхала ночевать къ сестрѣ.

Манька пришла въ себя и, всхлипывая, разсказывала Дормидонтову, какъ Неберучевъ ее вышвырнулъ изъ автомобиля.

— Ѣдемъ отсюда, Илья Ильичъ! Я тебѣ столько такого разскажу, что ты не опомнишься.

— Молчать!.. Она пьяна—цыкнулъ на нее Неберучевъ: — Господа въ столовую!. Илья Ильичъ, прошу впередъ... Чѣмъ Богъ послалъ!.. Закуска холодная и горячая... Можетъ быть мой поваръ спросонья что и переварилъ... ужъ простите...

Лакей сдѣлалъ ему знакъ глазами.

— Въ чемъ дѣло?—подошелъ къ нему Неберучевъ.

— Боченокъ-то раскрывать что ли?

— Какой боченокъ?

— Съ икрой... Который нынче прислали...

— Икра?.. Кто прислалъ?.. Тащи, тащи сюда. Мы ее изъ боченка будемъ... Ставь на боковой столикъ... Ты ее во льду держалъ?

— Сейчасъ съ погреба...

Подъ «ура» втащили двухпудовый боченокъ и начали раскупоривать.

— А икра то пахнетъ сыромъ!..

Неизвѣстно кто произнесъ этотъ каламбуръ, но всѣ почувствовали себя неловко.

— Баринъ! Это не икра!.. А...

Иванъ не договорилъ, его словно отбросило отъ боченка.

Нестерпимая вонь, трупный смрадъ охватилъ присутствующихъ.

Изъ жижи разлагающихся человѣческихъ внутренностей виднѣлась голова съ проткнутыми глазами и содранымъ скальпомъ. Въ паническомъ страхѣ всѣ, давя другъ друга, со стономъ, съ визгомъ бросились къ дверямъ.

Спаржа упала и съ ней повторилась опять морская болѣзнь.

Манька кричала:

— Это ему Богъ за меня! За меня отомстилъ!..

— Полиція!.. Немедленно дать знать полиціи!.

Кто-то повторялъ имя Невзорова.

— Какой Невзоровъ! Гдѣ Невзоровъ!

— Гдѣ!.. Въ боченкѣ!.. Это трупъ Невзорова.

— Петька Невзоровъ!—и Манька Ковбойка съ воплемъ бросилась къ бочкѣ.

— Какъ... Ты развѣ знала Невзорова?..

Манька запнулась за коверъ, упала въ лужу, образовавшуюся отъ растаявшаго погребного снѣга и отъ всего пережитаго, отъ паденія изъ автомобиля, впала въ глубокій обморокъ.

— Ммолчать! — раздался зычный голосъ Неберучева, но такой властный, строгій и неожиданный, что всѣ вздрогнули.

Онъ стоялъ у выходной двери съ ключемъ въ рукахъ:

— Молчать! Ни съ мѣста! Кто осмѣлился крикнуть полицію?

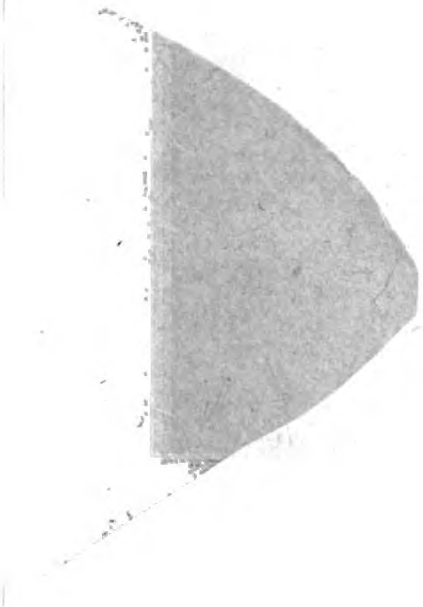
Всѣ молчали и безъ того. Но Неберучевъ крикнулъ въ третій разъ:

— Молчать! Если войдетъ полиція, мы погибли!.. Я заперъ эти двери. Никто не смѣетъ выйти отсюда, не давъ смертной клятвы, что забудетъ обо всемъ случившемся и не проронитъ ни слова о мертвой головѣ ни врагу, ни женѣ, ни попу на духу...

— То-есть, какъ это... попу...—протестующе буркнулъ, было, купецъ.

— Ммолчать! Когда я говорю, всѣ должны

молчать! А въ особенности ты, Дормидонтовъ!.. Развѣ ты, старый пьяница, не понимаешь, что ты первый же попадешь подъ судъ, если только будетъ составленъ протоколъ, изъ котораго выяснится, что ты пьянствуешь съ инженерами на моей квартирѣ!..



Глава тридцать вторая.

Страшная клятва.

Дормидонтовъ въ первый разъ видѣлъ Неберучева такимъ. До сихъ поръ Неберучевъ лебезилъ и заискивалъ передъ нимъ. Дормидонтовъ привыкъ почти приказывать. А тутъ инженеръ кричалъ на него, какъ на мальчишку.

Хмель спалъ со старика. Онъ отчетливо увидѣлъ, въ какую исторію попалъ, и со страха задрожалъ, какъ мальчишка.

— Двери заперты. Никто не войдетъ и не выйдетъ. Мы должны трезво обсудить положеніе. За Ивана,—инженеръ указывалъ на лакея,— я не боюсь. Въ немъ я увѣренъ, какъ въ себѣ. За сослуживцевъ тоже не боюсь. Ни у кого изъ насъ нѣтъ двухъ головъ на шеѣ!

— За меня тоже не бойся! — прошепталъ не своимъ голосомъ Дормидонтовъ—Хоть жги меня... Не выдамъ...

Хмель соскочилъ со всѣхъ.

— Объ тебѣ, старикъ, безпокоюсь меньше всего...

— Такъ за кого же вы боитесь!

— За бабъ!

— За бабъ!—какъ эхо, повторилъ купецъ.

— Бабій языкъ дологъ, и онѣ рискуютъ меньше насъ!..

— Какъ меньше? Развѣ для нихъ тасканіе по судамъ не ужасъ?..

— Ихъ тоже заберутъ въ тюрьму!—совралъ Платоновъ, глядя выразительно на нѣмокъ.

Тѣ замахали руками и въ страхѣ заголосили по-нѣмецки.

— Молчать!.. Если нагрянетъ полиція, всѣмъ будетъ одинаково скверно: и намъ, и бабамъ...

Всѣ замолчали, тяжело дыша. Всхлипывала только Спаржа.

— Сколько насъ?

— Я считалъ, когда садились на автомобиль: двадцать одинъ... Четырнадцать мужчинъ и семь женщинъ...

— Каждый, по одному, пусть подходитъ къ дверямъ и будетъ выпущенъ изъ дома, только произнеся слова клятвы: «Клянусь забыть обовсемъ здѣсь происшедшемъ. Если проговорюсь, буду убитъ...».

Жюли, видавшая всякіе виды, и тутъ не забыла своихъ матеріальныхъ интересовъ.

— Но прежде всего вы должны вознаградить за безпокойство насъ...

Дормидонтовъ открылъ бумажникъ.

— Вотъ тыща! Дѣли поровну...

Увидавъ деньги, дамы позабыли страхъ...

Манька Ковбойка лежала безъ чувствъ на полу. Никому не было до нея дѣла.

Жюли даже не взглянула на нее. Она была зла и не дать денегъ своему врагу было очень пріятно.

Но страхъ опять вернулся къ дѣвицамъ, когда, подходя къ дверямъ, онѣ должны были повторять слова клятвы.

Первая заикающимся голосомъ прошептала Вѣрка-Недомѣрка:—«...если проговорюсь, буду убита...».

Для большаго впечатлѣнія Неберучевъ заставилъ напуганныхъ дамъ подписывать какой-то листъ.

Три сестры-нѣмки долго не рѣшались расписаться, наконецъ Жюли ихъ заставила.

Спаржа оказалась неграмотной...

Сама Жюли дрожащей отъ какого-то нервнаго озноба рукой поставила кляксъ.

Она сознавала, что ее запугиваютъ, и все-таки пугалась,—такова сила всякой бумаги.

Когда эти дамы удалились, Неберучевъ опять возвысилъ голосъ:

— Теперь бабъ нѣтъ... кромѣ вотъ этой... (онъ указалъ на лежащую безъ движенья Маньку). Желаю вамъ покойной ночи... Съ этой и съ этимъ. (онъ указалъ на боченокъ съ головой), я самъ съ помощью Ивана справлюсь... Иди, старина, расписывайся...

Дормидонтовъ грузно подошелъ, отчетливо толково произнесъ клятву, трижды перекрестился и жирно расписался: «Григорій Григорьевъ Дормидонтовъ».

Затѣмъ, не глядя ни на кого, грузно, одышливо вышелъ въ переднюю.

Глава тридцать третья.

Гарсоньерка опустѣла.

— Господа, теперь, когда мы остались одни, я долженъ васъ поздравить. Дормидонтовъ—нашъ! Теперь ужъ онъ отъ насъ не уйдетъ! Онъ въ нашихъ рукахъ! Ха-ха-ха! Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Съ этой дурацкой головой и пьяной Ковбойкой я раздѣлаюсь. Это пустяки. Голова, вѣроятно, я даже не сомнѣваюсь въ этомъ, инженера Невзорова, убитаго Теремовскимъ... Мы, конечно, не будемъ объ этомъ болтать даже нашимъ женамъ...

— Браво! Браво! Молодецъ Иванъ Иванычъ! Дормидонтовъ дѣйствительно запуганъ не на жизнь, а на смерть... Ха-ха-ха...

Всѣ, ликуя, собрались вокругъ Неберучева, пожимали ему руки и совсѣмъ забыли о головѣ въ бочкѣ и тѣлѣ Маньки на полу.

— Пора расходиться!

— Господа! Но завтра въ восемь всѣхъ здѣсь присутствующихъ я приглашаю ко мнѣ на квартиру!—прокричалъ Неберучевъ.

— На которую?—пропищалъ Ванъ Ливенъ.—Сюда или на Фурштадтскую?

— Конечно, на Фурштадтскую... Здѣсь, на Каменноостровскомъ я принимаю только такихъ субъектовъ, которыхъ надо облапошить!..

— А я думалъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, ваша квартира!—процѣдилъ Граабъ.

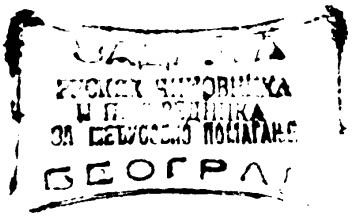
— Ха-ха-ха... Кто же не знаетъ, что это только гарсоньерка Ивана Ивановича!

— А вы развѣ у меня на Фурштадтской не были?

— Ни разу.

— Ну, такъ вотъ, я завтра познакомлю васъ съ женой... Завтра же я вамъ разскажу, конечно, не при женѣ, что я сдѣлалъ съ этими вещественными доказательствами...

И инженеръ махнулъ рукой въ сторону Маньки и мертвой головы.



Глава тридцать четвертая.

Прогулка на острова.

Перепуганныя нѣмки, Спаржа и Вѣрка-Недомѣрка сѣли на двухъ извозчиковъ и уѣхали.

А Жюли осталась у крыльца ждать Дормидонтова.

Когда купецъ вынималъ тысячу, чтобы расплатиться, она замѣтила, какъ тугъ и толстъ его бумажникъ.

Не использовать момента невозможно: разстроенный старикъ, конечно, захочетъ забыться... Во всякомъ случаѣ, если онъ даже поѣдетъ прямо домой, можно будетъ на извозчикѣ, а еще лучше въ автомобилѣ, полакомиться этими деньгами.

Жюли всегда дѣйствовала рѣшительно, и, увидавъ проѣзжавшій таксомоторъ, сдѣлала знакъ рукой.

— Съ богатѣйшимъ купцомъ... Сперва по-

ѣдемъ на острова... только не тряси... А потомъ по домамъ... Онъ живетъ Ивановская 74... А меня спустишь на углу Николаевской и Невскаго... Вотъ онъ идетъ...

Жюли засуетилась:

— Григорь Григорчъ... Григорь Григорчъ... Я вамъ ужъ взяла авто...

Тотъ сначала рукой замахалъ.

Ему совсѣмъ не до бабъ.

Скорѣе домой, забыться, уснуть, замолить грѣхъ. И, вообще, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Сердце такъ колотится. Одышка.

— Тѣмъ необходимѣе авто...

— Нѣтъ, съ тобой не поѣду... Дворникъ увидитъ съ французинкой... Ещё разговоръ будетъ...

— Да я шоферу сказала, чтобы онъ меня на Невскомъ высадилъ... Развѣ я о себѣ хлопочу. Все объ васъ...

Грузно, нехотя, влѣзъ Дормидонтовъ въ карету автомобиля. Захлопнулась дверца и они остались вдвоемъ.

— Я велѣла проѣхаться по островамъ. Ну, не серди меня милый, Григорчъ... Ты усталъ?.. Ну подремли вотъ такъ... Ну, положи голову мнѣ на грудь...

Глава тридцать пятая.

Въ объятіяхъ дѣвы.

Какъ реакція послѣ перваго потрясенія, Дормидонтова дѣйствительно разбирала дремота.

Здѣсь такъ уютно. Француженка такъ ласкова!

Отъ нея пахнетъ такими дурманящими духами. Автомобиль идетъ такъ убаюкивающе-плавно.

Старикъ закрылъ глаза и забылся. Въ полуснѣ почувствовалъ, какъ женскія руки обняли его шею. Сквозь сонъ улыбнулся и заснулъ.

А руки, съ кошачьей лаской, обвившія шею, изъ нѣжныхъ бархатныхъ, вдругъ сдѣлались стальными.

Какъ пружины капкана, обхватили шею, сдавили горло...

Еще, еще и еще.

Всю силу напрягла авантюристка, чтобы не было слышно даже предсмертнаго хрипа...

Старикъ оказался сильнымъ, кряжистымъ.

Отбиваясь, онъ головой ударилъ ей въ подбородокъ... разсѣкъ губу...

Хлынула кровь и запачкала руки.

Упорство только ожесточило Жюли и она съ удвоенной энергіей сжимала горло.

Старикъ еще и еще судорожно, конвульсивно завозился, но уже не такъ энергично.

Силы покидали его.

Жюли чувствовала, что и ее покидаютъ силы. Хо̀лодная дрожь пробѣжала по тѣлу:

«Вдругъ у меня не хватитъ силъ... Сейчасъ выѣдемъ на Стрѣлку... Вдругъ онъ закричитъ»... И, изловчившись, она засунула ему въ ротъ рукавъ манто... Все глубже, все глубже... А самымъ манто закутала голову старика.

«Все равно, если еще не задушила, онъ задохнется черезъ пять минутъ»...

. . . . . .

Около пяти часовъ автомобиль подкатилъ къ дому № 74 по Ивановской.

Дворникъ распахнулъ дверцу.

Но изъ кареты никто не выходилъ.

— Уснулъ,—подумалъ шоффер̀ъ.

Дворникъ почтительно ждалъ.

— Надо разбудить!..

Дворникъ почтительно крикнулъ:

— Григорь Григорьичъ!..

И вдругъ закричалъ:

— Батюшки! Кровь!

Шоффeръ выталкивалъ еще теплый трупъ купца.

Подняли тревогу.

Съ лѣстницы сбѣжали.

Кто-то зарыдалъ...

Глава тридцать шестая.

Роковой гробъ.

Марья Антоновна даже обрадовалась, узнавъ о смерти мужа.

Конечно, она сумѣла сдѣлать все, чтобы не дать замѣтить этой радости окружающимъ.

Горничная Даша, узнавъ отъ шоффера скандальныя подробности о смерти барина, разсказала все барынѣ. Марья Антоновна попыталась замаскировать ихъ, не жалѣя денегъ.

Шофферу было заплачено около тысячи рублей за молчаніе. Это была излишняя предосторожность: онъ и безъ того радъ былъ замять непріятный инцидентъ, чтобы не фигурировать въ качествѣ свидѣтеля въ судѣ.

Марія Антоновна очень боялась, какъ бы не сдѣлали вскрытіе тѣла покойнаго мужа.

И ей удалось получить разрѣшеніе на перевезеніе тѣла супруга, согласно завѣщанію, въ

Дормидонтово,—родное село, гдѣ похороненъ и отецъ, и дѣдъ Григорія Григорьевича.

Съ хладнокровіемъ хозяйки, которая понимаетъ, что «дѣлу—время, а горю—часъ», вдова сумѣла распорядиться по телефону въ бюро похоронныхъ процессій, чтобы прислали какъ можно скорѣе свинцовый гробъ.

Она торопилась запаять тѣло мужа, чтобы случайно не всплылъ какъ-нибудь наружу фактъ задушенія мужа: кровоподтеки на шеѣ и сейчасъ ясны и съ каждымъ днемъ будутъ яснѣе, да яснѣе.

Она живо представляла себѣ, какъ въ автомобилѣ хищная потаскушка впивалась въ горло распутнаго старика когтями, какъ душила его, какъ потомъ рылась въ карманахъ; пропалъ бумажникъ и брилліантовое кольцо мужа.

Готовыхъ свинцовыхъ гробовъ, подходящихъ размѣровъ, въ бюро не оказалось. Только въ одномъ бюро на Каменноостровскомъ нашелся гробъ, но такой большой, что, очевидно, будетъ великъ.

Все-таки она велѣла его немедленно доставить.

Пока тѣло не будетъ запаяно, она не успокоится.

Вотъ почему, она такъ торопитъ похоронное бюро.

— Сколько бы это ни стоило, но немедленно... Отправляйте... И паяльщиковъ... Бальзамировать ненадо... Только запаять... Сегодня же на поѣздъ... Прямо на вокзалъ...

Слухи о скоропостижной смерти, конечно, ходили уже вокругъ; чаще всего повторяли версію о разрывѣ сердца.

— Кутилъ гдѣ-то съ женщинами. Опился и въ автомобилѣ померъ.

Марья Антоновна давала понять, что она недовольна, конечно, такими сплетнями, но ничего неправдоподобнаго въ такомъ объясненіи не видитъ.

Только бы не было вскрытія, не было бы «дѣла объ убійствѣ», не было бы газетной огласки ихъ семейной жизни, въ которой и безъ того слишкомъ много некрасиваго...

Пусть дѣти ничего не знаютъ.

— Только бы скорѣе запаять!

Она нервно ходила по спальнѣ, ломая руки.

Наконецъ, послышалась возня и говоръ на парадной лѣстницѣ, и топотъ мужицкихъ ногъ.

— Какъ есть, будто рояль втаскиваютъ...

Четыре мужика тащили тяжелый свинцовый гробъ.

Тутъ же набрались какія-то постороннія лица:—дворникъ, швейцаръ, хозяинъ похоронnаго бюро, паяльщикъ съ ящикомъ для при-

способленій, двѣ какія-то старухи, дворниковъ сынъ, прачка, сильно подвыпившая...

Съ трудомъ внесли гробъ въ залъ, гдѣ пахло ладономъ и хлоромъ.

Марья Антоновна хозяйственными глазами осмотрѣла его снаружи и приказала поднять крышку.

Крышка тяжелая, массивная, герметически закрывающая послѣднее пристанище ея тяжелаго нравомъ повелителя, не подавалась сразу.

Двое возились надъ ней: хозяинъ и паяльщикъ,—не удобно захватить.

— Сударыня, сами изволите видѣть, какъ хорошо пригнана крышка. Ни какого духа отъ гроба даже безъ запайки не будетъ...

— Ну ка, Иванъ Флегоновъ, на себя... Еще... Еще... Такъ, такъ...

И вдругъ всѣ, кто былъ вокругъ, словно по уговору вскрикнули и поблѣднѣвъ, застыли...

Крышка снята...

А въ гробу—окровавленный трупъ женщины.

Отвратительный трупный запахъ ударилъ въ носъ...

Манька Ковбойка, скорчившись, сведенная безобразной судорогой, лежала въ гробу...

Паника сковала всѣхъ.

Глава тридцать седьмая.

Перстень Дормидонтова.

Первой очнулась пьяная прачка.

Она закрестилась и заголосила:

— Полицію! Полицію!..

Дворникъ, услыхавъ привычный крикъ, тоже пришелъ въ себя и кинулся къ дверямъ.

Хозяинъ похороннаго бюро дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Паяльщикъ отъ неожиданности опустилъ край крышки и она всею тяжестью грохнулась на ноги дворникова сына.

Мальчикъ заоралъ благимъ матомъ, заревѣлъ такъ, что окончательно прервалъ панику, и всѣ перевели вниманіе на него.

— Доктора! Доктора! Мальченкѣ сломали ногу...

Съ трудомъ стащили крышку съ ноги.

— Дѣйствительно, кажется сломана.

Надъ мальчикомъ откуда-то взялась мать, причитая:

— Душегубы,! Проклятые! Что вы сдѣлали съ моимъ Ванечкой... Ваня, Ваня... Соколикъ мой...

Марья Антоновна въ какомъ-то оцѣпенѣніи впилась взоромъ въ Маньку.

Ее поразила странная красота этой дѣвушки.

Несмотря на сильный трупный запахъ она казалась только что уснувшей.

Правая рука ея судорожно закинута за шею, словно дѣвушка пыталась себя задушить, да раздумала.

Стриженные волосы съ комками запекшейся крови придавали зловѣщій видъ покойницѣ.

Марья Антоновна не могла оторваться отъ нея. Разсматривала съ какимъ-то непонятнымъ тяжелымъ предчувствіемъ.

И вдругъ схватилась за голову:

— О-о-о-о...

И грохнулась на полъ.

На пальцѣ Ковбойки она узнала перстень мужа.

Ошибки не можетъ быть: перстень слишкомъ хорошо ей знакомъ.

Всѣ въ смятеніи кричали, суетились, гомонили, не знали за кѣмъ ухаживать: за стону-

щей на полу барыней или за надрывающимся отъ боли крикомъ мальчикомъ...

Не знали оставаться ли и помогать, или бѣжать, сломя голову, пока не попалъ въ свидѣтели по такому страшному, кошмарному дѣлу.

Растерялся было на минуту и самъ околодочный, но быстро овладѣлъ собой и спросилъ дворника:

— Гдѣ телефонъ?

Глава тридцать восьмая.

Два съ лишкомъ трупа.

Невиданную картину засталъ вызванный по телефону судебный слѣдователь.

Въ комнатѣ два трупа: одинъ на столѣ, другой въ гробу.

И два полутрупа: на диванѣ барыня въ глубокомъ обморокѣ, а на коврѣ на полу мальчикъ, тоже почти безъ чувствъ, слабо стонущій.

Докторъ метался отъ дивана къ ковру.

У всѣхъ остальныхъ присутствующихъ былъ такой подавленный видъ, что слѣдователь не зналъ, къ кому обращаться съ разспросами.

Ближе всѣхъ стоялъ гробовщикъ, и слѣдователь началъ съ него.

— Вы хозяинъ бюро похоронныхъ процессій?

— Точно такъ.

— Это вашъ гробъ?

— Такъ точно.

— Онъ сдѣланъ вами по заказу г-жи Дормидонтовой.

— Да... То—есть нѣтъ...

— Говорите опредѣленнѣе: да или нѣтъ...

— Госпожа Дормидонтова заказала по телефону... У меня же оказался готовый...

— Давно у васъ этотъ гробъ?

— Съ недѣлю.

— Какъ вы можете объяснить появленіе трупа дѣвушки въ гробу?

— Ннеинначе какъ...

Голосъ гробовщика оборвался.

— Ну договаривайте, договаривайте...

— Не иначе какъ...

— Ну, не бойтесь... Вамъ я ничего не сдѣлаю...

— Ннечистая сила!.. Не иначе какъ... нечистая сила...

Старикъ дрожалъ и чуть не плакалъ.

— Гдѣ у васъ стоялъ этотъ гробъ всю недѣлю?

— На черной лѣстницѣ... На площадкѣ...

— А не въ магазинѣ...

— Въ бюро мѣста не было... Мы хотѣли убрать на складъ деревянный гробъ и втащить этотъ, да все откладывали...

— Кто вамъ дѣлалъ этотъ гробъ?..

— Цинковые гробы намъ работаетъ Иванъ Сидоровъ...

— Когда вы принимали гробъ, вы не замѣтили, былъ ли онъ пустъ или уже съ покойникомъ?

— Я не могъ принимать гробъ въ закрытомъ видѣ. Я долженъ былъ посмотрѣть работу внутри. Наше бюро по добросовѣстности исполняемыхъ заказовъ въ Петроградѣ внѣ конкуренціи. Мы особо тщательно слѣдимъ не только за внѣшней отдѣлкой гробовъ, но и за внутренней... Я самъ снималъ крышку и убѣждался, хорошо ли она подходитъ къ гробу... Потому что лишь въ герметически закупоренномъ гробу есть смыслъ для перевозки тѣла въ дальній путь... Нехорошо подошедшую крышку никакой паяльщикъ не запаяетъ... Эта была сдѣлана безукоризненно...

— Вы раскрыли, затѣмъ опять закрыли гробъ?

— Нѣтъ, я отлично помню, что гробъ стоялъ открытымъ. Крышка была прислонена къ стѣнѣ.. Нижній край стоялъ въ гробу... вотъ такъ... А верхнимъ краемъ опиралась въ стѣну...

— А васъ не удивило то обстоятельство, что вотъ гробъ все время стоялъ открытымъ, а когда вы пришли его брать, онъ оказался закрытымъ...

— Нѣтъ... Я былъ увѣренъ, что это сдѣлалъ приказчикъ... мой помощникъ... передъ отправкой онъ долженъ былъ привести гробъ въ порядокъ, вытереть пыль... вообще...

— Вы не обратили вниманіе съ какихъ именно поръ гробъ оказался закрытымъ...

— Третьяго дня онъ былъ еще открытымъ. Я помню спускался по лѣстницѣ и обратилъ вниманіе, что кто—то бросилъ окурокъ папиросы въ гробъ... Я еще подумалъ: «Вотъ былъ бы скандалъ, если бы я доставилъ на похороны гробъ, а въ немъ оказался бы окурокъ!» Но этого, повторяю, не могло случиться, потому что, отпуская товаръ, я всегда лично смотрю, чтобы все было исправно...

— Какъ же вы говорите, что не могъ очутиться окурокъ, а на самомъ дѣлѣ въ гробу очутился цѣлый трупъ... Какъ это понять...

— Первый разъ въ жизни я довѣрился помощнику... Меня барыня такъ торопила по телефону, что я понадѣялся на помощника... Первый разъ... Нечистая сила... И вотъ...

Старикъ безпомощно развелъ руками.

— Значитъ этотъ трупъ въ гробу не могъ очутиться раньше вчерашней ночи...

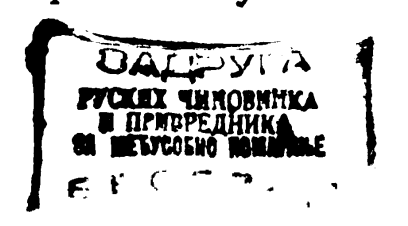
— Не могъ... Никакъ не могъ...

— Вамъ, Иванъ Лонгиновъ, не знакома эта женщина?

Слѣдователь показалъ на тѣло Ковбойки.

— Ничего подобнаго!..

— Вы не встрѣчали у себя на лѣстницѣ,


ЗАДРУГА
РУСКИХ ЧИНОВНИКА
И ПРИВРЕДНИКА
ЗА МЕЂУСОБНО ПОМАГАЊЕ

или на дворѣ, или на улицѣ возлѣ вашего магазина женщину, одѣтую такимъ образомъ...

— Ничего подобнаго!

— Припомните, быть можетъ, у васъ на дворѣ среди квартирантокъ была особа, похожая вотъ на эту женщину...

— Ничего подобнаго...

— Разверните этотъ свертокъ съ платьемъ и предъявите Ивану Лонгинову!—сказалъ слѣдователь городовому, закуривая папироску, чтобы какъ-нибудь отбить запахъ трупа.

Въ ногахъ у Маньки Ковбойки лежалъ какой-то свертокъ, завернутый въ ея юбку.

Городовой началъ развертывать и остолбенѣлъ.

— Такъ что... ваше благородіе... трупикъ младенца...

Острый отвратительный запахъ мертвечины отшатнулъ всѣхъ.

— Такъ что... ваше благородіе... развертывать дальше?..

— Развертывай...

— Такъ что, ваше благородіе... это не подкинутый младенецъ...

Слѣдователь самъ отчетливо видѣлъ, что это—мертвая голова.

Несмотря на то, что отъ нея смердѣло невыносимо, онъ низко наклонился надъ гробомъ

и съ живѣйшимъ интересомъ впился въ обезображенное гніеніемъ лицо...

Да сомнѣнія нѣтъ! Это мужская голова... Вѣроятно, Невзорова... И при такихъ обстоятельствахъ!..

У него закружилась голова отъ неожиданности.

— Поднимите трупъ женщины... Нѣтъ ли подъ нимъ еще чего-нибудь!..

Городовой и дворники приподняли.

— Такъ что, ваше благородіе... тѣло совсѣмъ теплое.

Слѣдователь крикнулъ возбужденно доктору:

— Докторъ, освидѣтельствуйте же немедленно тѣло дѣвушки...

Мальчика отправили въ пріемный покой больницы.

Марью Антоновну перенесли въ спальню.

Докторъ уже думалъ уходитъ, какъ вдругъ— снова пригодился.

Едва взялъ руку Ковбойки, какъ сказалъ тономъ не допускающимъ возраженій:

— Дѣвушка жива! Она въ глубокомъ, летаргическомъ снѣ. Перенесите ее на диванъ...

Двѣ старухи и горничная бережно вынули ее изъ гроба...

Глава тридцать девятая.

Убійца въ гробу жертвы.

Очнувшись въ спальнѣ, Марья Антоновна прежде всего слабымъ голосомъ, справилась:

— Гдѣ убійца?

— Какая убійца?

— Эта.. въ гробу...

— Убитая!..

— Убійца... Она убійца!.. Уберите ее.. Вонъ, вонъ!.. Мерзавка!.. Она убила мужа... Она задушила!..

Какъ разъ входилъ слѣдователь, чтобы допросить вдову.

Онъ засталъ ее въ припадкѣ истеріи.

Она каталась по постели и кричала:

— Уберите убійцу!.. У нея кольцо мужа!.. Она задушила мужа!.. Она... проклятая... Мало того, что задушила, она и послѣ смерти душитъ... Мало того, что въ мой домъ забралась,

она еще въ его гробъ влѣзла... Вонъ! Вонъ! Вонъ!..

Марья Антоновна знала, что вотъ уже полгода Григорій Григорьевичъ потерялъ голову изъ-за какой-то дѣвицы легкаго поведенія, и не сомнѣвалась, что это именно она.

— Успокойтесь, г-жа Дормидонтова!.. Вашъ супругъ не задушенъ... онъ самъ умеръ...

— Самъ умеръ!—Марья Антоновна вскочила на постели.—А вы видѣли, докторъ, что у него на шеѣ!.. А вы поинтересовались, слѣдователь, заглянуть!.. Ха-ха-ха!.. Онъ самъ умеръ!.. Желаю я вамъ такой смерти!..

И она снова заметалась въ истерическихъ причитаніяхъ.

Ее душила ненависть къ этой содержанкѣ, которая отняла у мужа жизнь и послѣ смерти глумится надъ нимъ, отнимая у мужа гробъ!..

Докторъ вышелъ изъ спальни и по собственной иниціативѣ раздвинулъ бороду покойника, разсматривая кровоподтеки и ссадины.

Вернувшись, онъ шепнулъ слѣдователю:

— Сомнѣній не можетъ быть... Дормидонтовъ умеръ насильственной смертью... А на рукѣ у дѣвушки горничная признала кольцо барина... Тутъ какая-то невѣроятная тайна!

Въ головѣ слѣдователя стоялъ хаосъ противорѣчивыхъ догадокъ и подозрѣній.

Несомнѣннымъ было только одно, что убійство Невзорова; убійство Дормидонтова, и покушеніе на задушеніе этой дѣвушки въ гробу находятся въ тѣсной между собой причинной связи.

Несомнѣнно было и другое: что ключъ къ раскрытію убійства Невзорова — сенсаціоннѣйшаго дѣла за всѣ послѣдніе годы—находится въ рукахъ у него, у судебнаго слѣдователя Степана Болеславовича Згиняцкаго.

Судебный слѣдователь потерялъ голову.

Онъ увѣренъ, что въ уголовной практикѣ цѣлаго міра не было ничего подобнаго.

Ни въ одномъ самомъ фантастическомъ уголовномъ романѣ не читалъ онъ, чтобы убійца (а эта женщина изъ гроба, несомнѣнно, убійца, въ чемъ ее изобличаетъ перстень) оказалась въ гробу своей жертвы...

Да еще не одна, а вмѣстѣ съ мертвой головой другого убитаго,—повидимому, Невзорова.

Докторъ обѣщаетъ, что къ вечеру неизвѣстная придетъ въ себя и заговоритъ.

Припертый къ стѣнѣ дворникъ разсказалъ слѣдователю все, что слышалъ отъ шоффера.

Онъ не догадался записать номеръ шоффера—это большое упущеніе.

Шоффферъ сразу показалъ бы, эта ли женщина была съ Дормидонтовымъ въ автомобилѣ и указалъ бы, отъ какого дома она его наняла.

Быть можетъ, шоферъ даже соучастникъ ея?

Интересно узнать точно, въ которомъ часу онъ высадилъ убійцу на углу Невскаго и Николаевской?

Какъ успѣла она очутиться въ ту же ночь на Каменноостровскомъ въ магазинѣ гробовщика?

Могла ли она сама, спасаясь отъ возможныхъ преслѣдованій, лечь въ гробъ и захлопнуть крышку?

Очевидно, не могла.

Слѣдовательно, у нея есть сообщникъ.

Когда попала голова Невзорова въ гробъ Дормидонтова?

До этой женщины или вмѣстѣ съ ней.

Очевидно, вмѣстѣ, потому что голова завернута въ накидку преступницы.

Но какой смыслъ былъ преступницѣ прятаться въ одномъ мѣстѣ съ разлагающейся мертвой головой?

Добровольно, въ здравомъ умѣ и твердой памяти никакая женщина въ мірѣ не уговорила бы себя лечь въ гробъ съ частью трупа въ ногахъ.

Очевидно, убійца сама сдѣлалась жертвой преступленія.

Быть можетъ, ея сообщникъ, желая отдѣлаться отъ нея, попытался ее убить (докторъ нашелъ у нея на тѣлѣ кровоподтеки и поврежде-

нія), а потомъ думая, что она уже умерла, положилъ въ гробъ.

Но голова!

Откуда же въ гробу голова Невзорова?!

Слѣдователь терялся въ догадкахъ.

Глава сороковая.

Тайна свинцоваго гроба.

А въ это время въ роскошной квартирѣ Неберучева на Фурштадтской собралось in corpore (хотя, конечно, безъ дамъ), то же общество, которое вчера пировало на Каменноостровскомъ: грубоватый Ефремовъ, пшюттоватый Ванъ Ливенъ, Платоновъ, Семеновъ, Зибельсонъ, Эрихъ, Штраммъ, Святошниковъ...

Неберучевъ дѣлалъ докладъ по интересующему всѣхъ поводу:

— Господа, въ вечернихъ газетахъ вы прочли, конечно, о смерти нашего уважаемаго Григорія Григорьевича Дормидонтова. Бѣдняга не перенесъ треволненій вчерашней ночи. Но и за него мы не можемъ ручаться, что онъ будетъ нѣмъ, какъ могила. Сейчасъ мнѣ звонилъ по телефону Страховъ. Оказывается, существуетъ версія, что Дормидонтовъ умеръ не самъ, а его уморили.

Для насъ это можетъ кончиться большой непріятностью. Боюсь, что слѣдователь откроетъ послѣднее пристанище Дормидонтова и по горячимъ слѣдамъ натолкнется на пикантный курьезъ. Дѣло въ томъ, что извѣстная вамъ особа, Манька-Ковбойка и голова неизвѣстнаго вамъ мужчины, мною положены въ гробъ...

— Какъ въ гробъ?..

— Что вы говорите?

Ванъ-Ливенъ брезгливо отмахнулся:

— Какъ такъ шутить!..

— Нѣтъ, господа, такими вещами не шутятъ... Когда вы уѣхали, оставивъ меня наединѣ съ Иваномъ, Манькой и этой дурацкой головой, я принялся немедленно за сокрытіе концовъ... Прежде всего я убѣдился, что дѣвица Марія Ковбойка волею Божіей помре... Такимъ образомъ у меня на рукахъ оказался трупъ женщины и мертвая мужская голова. Надо было куда-нибудь ихъ спрятать. Я подумалъ, конечно, о чердакѣ. Вышелъ на черную лѣстницу и первое, что увидѣлъ въ полупотьмахъ—гробъ. Да, на площадкѣ стоялъ громадный металлическій гробъ. Гробъ былъ раскрытъ. Въ немъ, прислоненною къ стѣнѣ, стояла крышка, тоже металлическая. Я сразу понялъ, что мнѣ дѣлать. Я и не зналъ, что моя квартира заднею своею частью соприкасается съ бюро похоронныхъ про-

цессій. Это непріятное для всякаго другого сосѣдство въ этотъ моментъ привело меня въ восторгъ! Я понялъ, что Провидѣніе подсказываетъ мнѣ самый прямой и безопасный путь скрыть концы въ воду, замести всѣ слѣды. Вдвоемъ съ Иваномъ, стараясь не шумѣть, мы вынесли трупъ Маньки-Ковбойки и положили его въ гробъ. Затѣмъ я закуталъ хорошенько проклятую голову Невзорова въ пелеринку Ковбойки и положилъ ей въ ноги въ тотъ же гробъ. Мы закрыли гробъ плотной, герметически пригнанной крышкой. Въ такомъ помѣщеніи трупъ злосчастной дѣвушки можетъ пролежать не открытымъ до тѣхъ поръ...

— До тѣхъ поръ, пока не откроютъ крышки!—сострилъ Ванъ-Ливенъ.

— Господа! А вдругъ этотъ гробъ для кого-нибудь заказанъ! Ха-ха-ха!.. Какой сюрпризъ будетъ... Откроютъ, увидятъ, что гробъ уже занятъ!.. — густо пробасилъ инженеръ Ефремовъ.

— Я вамъ скажу больше!—подхватилъ Неберучевъ.—Сейчасъ Иванъ мнѣ телефонировалъ, что гробъ съ лѣстницы исчезъ... Его увезли... и знаете, для кого?..

— Неужели для Дормидонтова?!..

— Ха-ха-ха... Встрѣтятся въ одномъ гробу!..

— У нихъ при жизни флиртъ начинался...

Я самъ видѣлъ, какъ Дормидонтовъ надѣлъ Манькѣ-Ковбойкѣ свое брилліантовое кольцо!..

— Какой курьезъ!.. Какой сюрпризъ!..

— Мѣтили въ отдѣльный кабинетъ, а попали въ... общій гробъ...

— Такова жизнь!..

— Да, господа, если вдуматься, вся жизнь состоитъ изъ того, что мѣтишь въ отдѣльный кабинетъ, а попадешь въ могилу...

— Чѣмъ гробъ не отдѣльный кабинетъ!

. . . . . .

Глава сорокъ первая.

Она сумасшедшая!

Черезъ полчаса вся эта симпатичная компанія уже забыла и о Дормидонтовѣ, и о Манькѣ-Ковбойкѣ, и о мертвой головѣ.

Всѣ слѣдили за завѣтной девяткой...

— Жиръ!..

— En cartes!

— Карту!

— Карту!

— Девятка!..

— Бита!..

. . . . . .

Вдругъ въ разгарѣ игры раздался рѣзкій звонокъ.

Неберучевъ кинулся къ телефону.

— Въ чемъ дѣло?

— Господа!.. Мы погибли!.. Манька-Ковбойка жива! И... указала на насъ!

— Не можетъ быть!..

— Господа! Бросимъ карты и... военный совѣтъ.

— Иванъ Иванычъ, займи предсѣдательское мѣсто!

Неберучевъ сперва, было, разсердился, но быстро овладѣлъ собой.

— Помните одно: вы всѣ вчера были у меня на квартирѣ,—но на Фурштадтской, а не на Каменноостровскомъ! Дамъ у насъ никакихъ не было. Дормидонтова мы не видали. Маньки-Ковбойки никто не знаетъ! Она—сумасшедшая!..

— Мы ее и упрячемъ въ сумасшедшій домъ!..

Глава сорокъ вторая.

Что показала Манька-Ковбойка.

Манька-Ковбойка очутилась въ тюрьмѣ.

Она никакъ не могла дать себѣ отчета въ происшедшемъ.

Очнувшись и оправившись, она всѣми силами старалась вспомнить все, какъ было.

Она отчетливо помнила, о чемъ и разсказала судебному слѣдователю, въ роковую ночь.

Сперва всѣ инженеры, Дормидонтовъ и дѣвицы были въ ресторанѣ.

Тутъ Григорій Григорьевичъ ухаживалъ за нею и самъ надѣлъ ей на палецъ кольцо съ брилліантомъ, которое, будто бы, ее изобличаетъ.

Всѣ дѣвицы и самъ Неберучевъ были этимъ возмущены, потому что имѣли сами виды на Дормидонтова.

Неберучевъ хотѣлъ опутать подрядчика по-

средствомъ Жюли и требовалъ, чтобы Манька оставила старика въ покоѣ.

Манька не послушалась, и за это инженеръ выкинулъ ее изъ автомобиля въ то время, когда они поѣхали докучивать къ Неберучеву на личную квартиру.

На квартирѣ Неберучева въ бочонкѣ икры какъ-то очутилась мертвая голова Невзорова.

Невзорова Манька знала еще по Варшавѣ, когда тотъ былъ гимназистомъ.

Головы она этой признать не можетъ, потому что она въ состояніи сильнаго разложенія, но воскликнула: «Петя Невзоровъ»!, потому что съ пьяныхъ глазъ ей тогда голова показалась схожей.

Тутъ Манькѣ сдѣлалось дурно и больше она ничего не помнитъ.

Очнулась она въ пріемномъ покоѣ больницы.

Была ли въ гробу у Дормидонтова не знаетъ.

О смерти Дормидонтова узнала только отъ слѣдователя.

Куда дѣвалась съ пира голова Невзорова не знаетъ.

Ни о какомъ бюро похоронныхъ процессій на Каменноостровскомъ не имѣетъ понятія.

Предъявленный ей гробъ видитъ въ первый разъ.

Съ дѣтства питаетъ суевѣрный страхъ ко

всему похоронному. Видъ трупа приводитъ ее въ ужасъ и дрожь.

Ни за какія деньги не согласилась бы лечь въ гробъ или взять въ руки мертвую голову.

Адреса ея случайныхъ подругъ не знаетъ, но можно узнать отъ офиціантовъ ресторана, гдѣ онѣ часто бываютъ.

На какой улицѣ помѣщается квартира Неберучева, куда они пріѣхали изъ ресторана докучивать, не знаетъ, потому что ѣхали въ автомобилѣ, все время вздорила съ инженеромъ, была обижена имъ и вытолкнута на мостовую.

Если бы ей показали комнату, гдѣ появилась голова, узнала бы. Вообще, она думаетъ, что признала бы внутренній видъ квартиры Неберучева.

Она твердо помнитъ, что съ мостовой ее поднялъ шоферъ автомобиля, на которомъ ѣхалъ Дормидонтовъ.

Со зла она разсказала Григорію Григорьевичу, какъ его Неберучевъ хочетъ опутать черезъ Жюли.

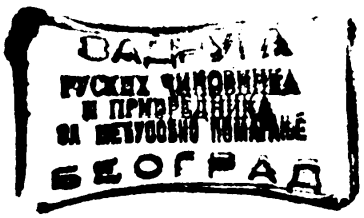
Она плакала. Купецъ ее утѣшалъ. И тутъ-то надѣлъ на палецъ кольцо съ брилліантами.

Отчего бы онъ могъ умереть, она не знаетъ. Онъ былъ не особенно пьянъ. Страдалъ одышкой, но былъ совсѣмъ крѣпкимъ.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ закинетъ за поясъ другого молодого.

Инженера Неберучева по наслышкѣ знаетъ давно: о немъ говорятъ, что соритъ страшно деньгами.

Кутила съ нимъ въ ресторанѣ въ первый разъ.



Глава сорокъ третья.

Что показалъ Неберучевъ?

На очной ставкѣ Ковбойка очень горячилась, возмущалась, называла Неберучева негодяемъ, лжецомъ, трусомъ.

Допрошенный слѣдователемъ Неберучевъ показалъ, что въ ресторанѣ онъ встрѣтился съ Дормидонтовымъ случайно. Ихъ была цѣлая компанія, а Дормидонтовъ присосѣдился къ нимъ вотъ съ этой дѣвицей.

Эта дѣвица, имени которой Иванъ Ивановичъ хорошенько не знаетъ, не сводила съ подрядчика глазъ, подливала ему вина и все время старалась куда-то его увезти.

Никто изъ компаніи не былъ бы противъ, если бы они уѣхали, потому что всѣхъ присутствіе Дормидонтова стѣсняло, смущало.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Однако эта парочка не покидала ихъ.

Желая отдѣлаться какъ-нибудь отъ нихъ, инженеръ предложилъ всей компаніи ѣхать къ нему на домъ, куда, конечно, дамы легкаго поведенія допущены быть не могутъ.

Тѣмъ не менѣе по небрежности одного изъ участниковъ пикника Манька-Ковбойка оказалась въ автомобилѣ Неберучева.

Между ними произошелъ крупный разговоръ, и она была высажена изъ автомобиля. Высажена, а не выброшена.

Куда дѣвался Дормидонтовъ и остальныя дѣвицы, Неберучеву не извѣстно.

Подобралъ ли Дормидонтовъ плачущую Маньку-Ковбойку къ себѣ въ автомобиль, Неберучевъ не знаетъ.

О смерти Дормидонтова узналъ только изъ газетъ.

По мнѣнію Неберучева, Дормидонтовъ могъ скоропостижно скончаться, такъ какъ страдалъ одышкой и пилъ неумѣренно и безтолково, мѣшая шампанское съ пивомъ, ликеры съ водкой.

О существованіи бюро похоронныхъ процессій на Каменноостровскомъ не знаетъ.

Какимъ образомъ дѣвица Ковбойка очутилась въ гробу не можетъ и догадаться.

Думаетъ, что смерть Дормидонтова, избіеніе до безпамятства Ковбойки и положеніе ея въ гробъ могли произойти на почвѣ недоразумѣній между дѣвицами.

Всѣ эти дѣвицы охотились за бумажникомъ Дормидонтова и, очевидно, не поладили между собой.

Инженеръ высказываетъ предположеніе, что Дормидонтовъ былъ задушенъ, а Манька избита до полусмерти и положена въ гробъ котами этихъ дѣвицъ, потому что на выполненіе всѣхъ этихъ преступныхъ замысловъ у самихъ дѣвицъ врядъ ли хватило догадки и силъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ были въ довольно большомъ подпитіи.

Коты (сутенеры), очевидно, положили въ гробъ и эту неизвѣстно откуда взявшуюся мертвую голову.

Голову эту инженеръ видитъ въ первый разъ, но увѣренъ, что это голова Невзорова, о которомъ изъ газетъ знаетъ, что онъ убитъ женой, разрѣзанъ на части любовникомъ и разсылается по городу частями.

Была ли положена въ гробъ голова одновременно съ тѣломъ этой дѣвицы, не знаетъ.

Принадлежитъ ли эта пелерина дѣвицѣ Маріи, извѣстной въ веселящихся кругахъ Петербурга подъ кличкой Ковбойка, Неберучеву навѣрное, не извѣстно.

Онъ думаетъ, что коты, чтобы отвлечь подозрѣніе отъ своихъ подругъ, должны были завернуть голову въ платье именно Ковбойки, которую считали мертвой.

Разсказъ хозяина бюро о томъ, что гробъ стоялъ на площадкѣ лѣстницы раскрытымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ считаетъ неправдоподобнымъ.

Не можетъ быть, чтобы жильцы дома не запротестовали.

По черной лѣстницѣ носятъ помои, сваливаютъ мусоръ; держать гробъ на черной лѣстницѣ—неуваженіе къ покойнику.

Иванъ Лонгиновъ не могъ не поинтересоваться, пустой онъ везетъ гробъ или съ покойникомъ.

Показанія Маріи Ковбойки въ первой своей части, т. е. до момента высадки ея изъ автомобиля, въ общемъ похожи на истину, хотя въ деталяхъ и грѣшатъ, что объясняется нетрезвымъ состояніемъ ея въ эту ночь.

Дальше же—сплошной бредъ, потерявшей сознаніе пьяницы.

— Самый лучшій способъ убѣдиться въ томъ, что эта несчастная никогда не была и никогда не могла быть въ моей квартирѣ—очная ставка.

Пусть слѣдователь привезетъ Ковбойку къ нему Неберучеву на квартиру и предъявитъ ей комнаты.

Сразу будетъ видно, была ли она тутъ, знаетъ ли расположеніе, ну, хотя бы зала и столовой.

На этой квартирѣ, на Фурштадтской, Неберучевъ живетъ восемь лѣтъ и всѣ восемь лѣтъ расположеніе комнатъ не мѣнялось.

Пусть она скажетъ, какого цвѣта обои, сколько оконъ, гдѣ двери...

Пусть слѣдователь спроситъ Ковбойку, какъ же реагировала жена Неберучева на то, что въ пятомъ часу ночи къ ней въ домъ вваливается цѣлая орава пьяныхъ мужчинъ и женщинъ?

Глава сорокъ четвертая.

Очная ставка.

Манька Ковбойка отлично помнитъ, что, приглашая къ себѣ на квартиру, Неберучевъ сказалъ: «жена сегодня не ночуетъ дома». И сказалъ, что «надо захватить какъ можно больше дамъ, потому что у него въ квартирѣ есть складъ закусокъ, вина, но нѣтъ склада женщинъ»...

Манька клянется, что помнитъ эти слова.

Она клянется, что узнаетъ столовую Неберучева, въ которой они кутили.

Она какъ вотъ сейчасъ видитъ эту комнату.

Судебный слѣдователь терпѣливо выслушивалъ все: онъ ясно видѣлъ, что дѣвушка не могла въ одно и тоже время находиться и на Фурштадтской, и въ гробу бюро, на Каменноостровскомъ проспектѣ и въ автомобилѣ Дормидонтова на Ивановской.

Значитъ она не отдаетъ себѣ отчета въ словахъ.

Или неискусно старается замести слѣды.

Его опасенія подтвердились, когда онъ предъявилъ Ковбойкѣ квартиру Неберучева.

— Нѣтъ это не квартира инженера... Тамъ въ столовой ниша, оконъ меньше, но они шире, потолокъ коричневый съ золотомъ и на стѣнахъ картины съ голыми женщинами. А здѣсь... Нѣтъ, здѣсь я никогда не была... Неберучевъ лжетъ... Это не его квартира...

— А не проще ли подумать, что лжете вы! Что вы были на чужой квартирѣ, а не у Неберучева...

Смущенная, растерянная, Ковбойка, припертая къ стѣнѣ въ замѣшательствѣ на вопросъ слѣдователя, кто изъ ея подругъ такъ же былъ у Неберучева въ ту ночь, назвала Вѣрку-Недомѣрку, Спаржу, Жюли и Пашку-Апашку.

Первыя три энергично отперлись.

А Пашка-Апашка, которую Манька-Ковбойка приплела сюда ни съ того ни съ сего блестяще доказала свое alibi: эту ночь она провела въ участкѣ, такъ какъ въ клубѣ близъ цирка Модернъ подралась съ какимъ-то приказчикомъ.

Манька запуталась. Стала противорѣчить сама себѣ. И вотъ очутилась въ тюрьмѣ.

Глава сорокъ пятая.

Медовая недѣля.

Какъ въ чаду провелъ цѣлую недѣлю въ Ченстоховѣ Невзоровъ.

У его эксцентричной спутницы не было паспорта.

За то у него въ паспортѣ сказано, что онъ женатъ и жена при немъ.

Пришлось прописать Марію Александровну женой и брать въ гостинницѣ одинъ номеръ на двоихъ.

Жили они какъ молодые; интересовались, повидимому, всѣмъ, но на самомъ дѣлѣ только другъ другомъ. Ихъ медовый мѣсяцъ долженъ быть особенно сладокъ и пьянъ: вѣдь сошлись не два новичка въ любви, робко нащупывающіе пути наслажденія и открывающіе давно открытыя Америки, а два искусившихся въ радостяхъ любви зрѣлыхъ человѣка.

Обаяніе запретности, грѣховности, преступности ласкъ только разжигало хотѣніе, и они торопились взять другъ отъ друга все что можно.

Марья Александровна, которая кинулась Невзорову на шею изъ мести, давно уже забыла этотъ мотивъ.

— Неужели это любовь?

Но и любви ради любви не было.

Было наслажденіе ради наслажденія.

Она не старалась даже заглянуть въ душу ея Пьеро (такъ передѣлала на увеселительный ладъ имя Пьеръ Марья Александровна), не хотѣла заглянуть ни въ прошлое, ни въ будущее.

Пусть на нихъ карнавальныя маски (онъ зоветъ ее тоже Биной, сокращенное отъ Коломбины),—да здравствуетъ карнавалъ!

— Пьеро и Бина! Пьеро и Бина! какъ это красиво, какъ это театрально!..

И какъ это оригинально, что въ первый разъ они поцѣловались въ поѣздѣ.

И какъ это странно вышло: не онъ ее похитилъ, а она его увозила изъ Варшавы отъ родныхъ и знакомыхъ, отъ всего міра, жены и дѣтей.

Какъ-то разъ, одинъ только разъ за всю недѣлю Петръ Николаевичъ видѣлъ во снѣ себя играющимъ на коврѣ съ сыномъ.

Мальчикъ былъ веселъ и радостенъ, но вдругъ безпричинно заплакалъ.

Петръ Николаевичъ началъ его утѣшать, цѣловать.

И вдругъ замѣтилъ, что у него плечи Бины, что у него руки какъ у Бины...

Мальчикъ улыбнулся. И тутъ Петръ Николаевичъ подумалъ: «Да у него Бинины глаза... И волосы Бинины... И шея, и грудь... Да, совсѣмъ это Бина»!..

Она лежитъ передъ нимъ на коврѣ и какъ котенокъ заигрываетъ.

— Смотри, какъ я сохранила свою грудь... Какое счастье быть бездѣтной!..

Да, у нея все такое молодое, крѣпкое.

Она вовсе не худая, но все такое упругое, сильное.

— Давай поборемся! Кто кого задушитъ.

Она схватила его голову и прижала къ себѣ.

Онъ сперва, шутя, отбивался.

А она душила не на шутку и, прижатый къ ея груди, онъ слышалъ злой раздраженный голосъ:

— У тебя тоже есть Тина! Ты тоже будешь измѣнять мнѣ!

И задыхаясь, онъ проснулся.

Бина спала съ такой безмятежной, сытой улыбкой.

Лиловый бантикъ ея ночной сорочки какъ цвѣтокъ, упалъ на грудь молодую, крѣпкую, желанную.

— Какое счастье, что она бездѣтна!

. . . . . .

Глава сорокъ шестая.

Въ Ченстоховѣ.

Ходили нѣсколько разъ въ Ясногорскій монастырь.

Видѣли скарбчикъ.

— По словамъ Дамазія Мацоха, это главная святыня монастыря.

На Петра Николаевича произвелъ глубокое впечатлѣніе видъ въ полутьмѣ распростершихся тѣлъ молельщицъ.

— Почему исключительно женщины? Развѣ вѣра привилегія женщинъ? Развѣ мужчины не умѣютъ каяться?

Есть и хорошенькія.

И надъ ними, надъ ихъ распростертыми униженно-ожидающими тѣлами, занесена рука отцовъ Старчевскихъ...

Несчастныя!..

И все-таки Петръ Николаевичъ завидуетъ имъ.

— Вѣрить—ахъ, это такое счастье...

Бина, кажется, вѣритъ. По крайней мѣрѣ она часто крестится.

— Я вѣрю по своему...

. . . . . .

Шли на валы, откуда такъ хочется запѣть: «Проклятый міръ! Презрѣнный міръ»!..

Городъ тамъ внизу. А здѣсь и воздухъ чистъ и дышется иначе. И отъ садовъ доходитъ благоуханіе.

— А вотъ отсюда въ дни большихъ богомолій, отцы Старчевскіе говорятъ рѣчи, и народъ располагается вонъ на этомъ амфитеатрѣ внизу...

. . . . . .

Жили живописною жизнью.

Не до газетъ было.

Покупали только театральную газету.

Интересовались только собой.

Жили на островѣ Робинзона.

Весь міръ для нихъ умеръ, и они умерли для всего міра.

Деньги у Невзорова подходили къ концу, но онъ не спѣшитъ телеграфировать женѣ, чтобы выслала еще, потому что не хотѣлось сообщать ей ченстоховскаго адреса.

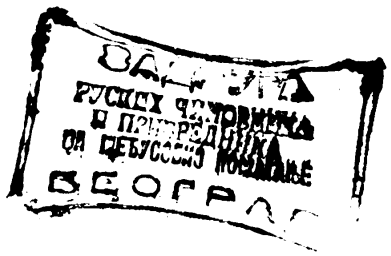
Вообще ченстоховская поѣздка не должна быть извѣстна никому.

Неужели когда-нибудь придется возвращаться!

Неужели придется скоро покидать Ясную гору, ясную Бѣину, милую Варшаву...

Да, на той недѣлѣ въ Петроградѣ у него очень важное засѣданіе...

На карту поставлены крупные имущественные интересы.



Глава сорокъ седьмая.

Что лучше: знать или не знать?

Петръ Николаевичъ былъ увѣренъ, что если онъ будетъ на засѣданіи, онъ непремѣнно побѣдитъ, выиграетъ.

Но какими неинтересными кажутся ему эти интересы!

И все-таки придется поѣхать!

Въ Варшавѣ даже остановиться не придется, заберетъ вещи и—въ Петроградъ.

— И я съ тобой!

— Ну, конечно... Развѣ мыслима жизнь безъ Бины! Я устрою тебя въ маленькой уютной квартиркѣ, буду у тебя торчать цѣлыми днями...

— И цѣлыми ночами?

— И цѣлыми ночами...

— А жена?..

— Жена у меня милый, прекрасный человѣкъ... Я ее очень люблю... И очень жалѣю...

Я хотѣлъ бы, чтобы она ничего не знала о тебѣ...

— А я постараюсь, чтобы она все узнала...

— Ты этого не сдѣлаешь...

— Сдѣлаю!..

— Ты этого не сдѣлаешь... Развѣ лучше живется вамъ троимъ: тебѣ, мужу и его Тинѣ, изъ-за того, что вы всѣ все другъ про друга знаете?..

— Конечно лучше! Вѣдь, если бы я ничего не знала, я не полюбила бы тебя... Я сошлась съ тобой изъ мести... Ахъ, какъ хотѣлось мнѣ сдѣлать больно этому толстокожему Васькѣ... Мнѣ хотѣлось пасть, какъ можно ниже, стать самой публичной изъ всѣхъ публичныхъ женщинъ... И все такъ, чтобы онъ зналъ, чтобы онъ видѣлъ... И топтать, топтать его имя въ грязи... Я изъ мести отдалась тебѣ... Только изъ мести... Ты мнѣ совсѣмъ не нравился... Развѣ я знала, что такъ полюблю тебя!.. Пусть и жена твоя сразу узнаетъ все... Сразу, а не въ разсрочку. Узнавать въ разсрочку и мучительнѣе и обиднѣе... Да, да... узнавать, что мужъ обманываетъ.. Я, по крайней мѣрѣ, могу сказать, что не была въ роли обманутой жены... Да и я не хочу быть участницей въ твоемъ обманѣ... Я не хочу, чтобы ты обманывалъ жену... Я не могу любить обманщика.. Ты что же молчишь?..

— Я боюсь, что это ее убьетъ!..

— Лучше сразу убить пулей въ сердце, чѣмъ каждый день выстрѣломъ всаживать въ тѣло по дробинкѣ...

— Только первая дробинка будетъ мучительна... А потомъ привыкнешь...

— Ты думаешь! Нѣтъ милый Пьеро, чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣе эти дробинки... А если сразу холодный душъ ошпаритъ, потомъ тѣлу даже бодрѣе сдѣлается... Вотъ смотри: я уже утѣшилась! Я не только не ревную Ваську, но даже вполнѣ на его сторонѣ... Сейчасъ я понимаю, что онъ и не могъ поступать иначе... Я полюбила тебя, но я не разлюбила и его... И жена твоя пусть полюбитъ другого... Вѣдь ты не будешь ее ревновать?

— Не буду!—сказалъ Невзоровъ, а внутри его что-то болѣзненно заныло.

— Воображаю, что подѣлываетъ сейчасъ Василій... Онъ...

— Онъ, вѣроятно, съ ногъ сбился, разыскивая насъ...

— А быть можетъ, онъ радуется, что я наконецъ нашла выходъ изъ того тупика, въ которомъ очутилась... Ты видалъ когда-нибудь Тину?

— Видѣлъ... мелькомъ...

— Она хорошенькая... по твоему...

— Это не мой вкусъ... но она хорошенькая...

— Не твой вкусъ... Моя портниха, когда ей говорю: «Это мнѣ не нравится» отвѣчаетъ: «У всякаго свой вкусъ и своя нравственность»... Не твой вкусъ... Я вотъ, когда тебя увидѣла сразу подумала: «Онъ хорошенькій, но это не мой вкусъ»... А вотъ вкусила и оказалось, что ты... мой вкусъ...

— Ты хочешь сказать, что пока человѣка не попробуешь, нельзя сказать въ твоемъ вкусѣ онъ или не въ твоемъ...

— Я хочу только сказать, что Василія и понимаю, и оправдываю, и жалѣю, что такъ много и долго терзала...

— Какъ же ты теперь намѣрена обходиться безъ него... Вѣдь, я вижу, что ты любишь его... еще... а можетъ быть... опять..

— Да, я люблю его... Но... это все не то... Сейчасъ я такъ охвачена тобой, что согласна добить его: выказать ему полное презрѣніе: поѣхать въ Петроградъ съ тобой, даже не заѣзжая въ Варшаву... Я знаю, что это возможно, даже маршрутъ короче выходитъ... Ну, ѣдемъ... хоть сегодня!..

— Завтра ѣдемъ!

Глава сорокъ восьмая.

Роковая газета.

Тина все еще жаловалась на боль въ ногѣ и лежала въ постели.

Василій читалъ ей вслухъ газеты. Въ особенности, они интересовались дѣломъ Невзоровой.

— Что за чушь!.. Вѣдь онъ здѣсь... Онъ уѣхалъ съ моей женой куда-нибудь въ окрестности Варшавы...

— Бѣдный Вася... Твоя Пенелопа прядетъ свою пряжу не у себя на дому... Ты взбѣшенъ?.. Ты ревнуешь?

Кошки скребли на сердцѣ Топилина, но онъ бравировалъ внѣшней спокойностью и дѣлалъ видъ, что даже радуется:

— Давно ей пора... Засидѣлась въ женахъ... знаешь раньше было сожалительное выраженіе: «засидѣлась въ дѣвкахъ»... А теперь многія

жены достойны сожалѣнія, что «засидѣлись въ женахъ»...

— Ну будетъ о ней. Ты опять разстраиваешься и начинаешь нервничать. Читай газету...

— Что такое!.. Голова Невзорова нашлась! Что за ерунда!..

— Ну читай, читай все по порядку!

Топилинъ какъ въ чаду читалъ о томъ, какъ Манька Ковбойка признала голову Петра Невзорова, съ которымъ была близка еще въ Варшавѣ.

О томъ, какъ она очутилась въ чужомъ гробу съ головой Петра въ ногахъ.

О томъ, какъ жена Невзорова и его гимназическая любовь оказались чуть ли не сосѣдками по тюрьмѣ.

О томъ, какъ имъ удалось обмѣняться нѣсколько разъ записками.

О томъ, какъ жена Невзорова съ ужасомъ вспомнила, что мужъ ей клялся, будто первымъ и послѣднимъ грѣхомъ его ранней молодости была дѣвица съ этимъ страннымъ прозвищемъ.

О томъ, что Манька Ковбойка подозрѣвается въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія купца Дормидонтова.

О томъ, что у нея нашли перстень...

— Вѣдь не можетъ быть, чтобы Невзоровъ не читалъ этихъ строкъ! Вся Россія теперь го-

воритъ объ этомъ процессѣ! Ну, а разъ онъ прочиталъ объ арестѣ своей жены, развѣ могъ не помчаться, сломя голову въ Петроградъ...

— Ха-ха-ха!.. И твоя Пенелопа съ нимъ!..

— Не можетъ этого быть!—гнѣвно крикнулъ Василій.

— Ага! Тебя разбираетъ!.. Ну что же, поѣзжай и ты въ догонку!.. А меня больную брось здѣсь... Тебя хватитъ на это!..

Гладя волосы Тины, Василій задумчиво-мечтательно молчалъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Тайна генеральской дачи.

Глава первая.

Еще сутки...

— Сегодня медовая недѣля подходитъ къ концу!—сказала Марья Александровна, подойдя къ окну вагона.

— А мы подъѣзжаемъ къ Петрограду!

— Медовая недѣля! Неужели только недѣля!

— Но она стоитъ медоваго мѣсяца! Даже медоваго года!.. Какъ въ осажденной крѣпости мѣсяцъ считается за годъ... Да, мы объявили себя на положеніи объ усиленной... Нѣтъ, даже на положеніи чрезвычайной... чрезвычайныхъ поцѣлуевъ... Ну когда это было, чтобы я цѣлую недѣлю не читалъ газету!

— Ты конечно рвешься къ семьѣ...

— Совсѣмъ напротивъ. Я хочу подарить себѣ еще сутки... Мы остановимся въ Европейской гостинницѣ или въ Эрмитажѣ... Я пропишу тебя женой... Мое засѣданіе въ четвергъ,

а сегодня вторникъ... Цѣлыя сутки мы отдохнемъ.

— Знаю я этотъ отдыхъ, отъ котораго еще больше устаешь!.. Но неужели мы никуда не пойдемъ? Пріѣхать въ Петроградъ для того, чтобы торчать взаперти и бояться встрѣчи съ твоей женой! Ты для этого меня сюда привезъ?!.

— Милая... мнѣ только сегодня и завтра хочется провести инкогнито... Развѣ это не забавно?.. Какъ въ уголовныхъ романахъ... Впрочемъ, если хочешь мы можемъ поѣхать куда-нибудь... гдѣ я не рискую встрѣтить кого-нибудь изъ друзей или знакомыхъ...

Невзоровъ ловилъ себя на непонятномъ, непріятномъ чувствѣ: ему было тяжело возвращаться домой.

Какъ онъ посмотритъ на дѣтей?

Что онъ скажетъ женѣ?

Разсудокъ говорилъ:

— Развѣ произошло что-нибудь особенное? Развѣ я сталъ любить отъ этого жену меньше? Произошло то, что происходитъ во всѣхъ романахъ, разсказахъ, драмахъ, комедіяхъ—я полюбилъ еще одну женщину... Такъ дѣлаютъ всѣ.. Жена должна это понять и примириться, какъ примиряются всѣ... Институтъ брака давно уже явочнымъ порядкомъ измѣненъ... И вообще...

А въ душѣ что-то протестовало:

— Я разбилъ счастье семьи ради личнаго счастья. Разрушилъ годы семейной тихости ради бурныхъ восторговъ одной медовой недѣли...

Марья Александровна напротивъ возмущалась искреннѣйшимъ образомъ:

— Неужели меня въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ прятать отъ жены!.. Посмотримъ!.. Нѣтъ голубчикъ, это не пройдетъ!.. Я приду къ его женѣ и разскажу все...

Глава вторая.

Живой трупъ и двѣ его жены.

Паспортистъ взялъ у старшаго дворника документы и вскрикнулъ на весь участокъ:

— Иванъ Николаевичъ!..

— Что съ тобой!..

— Иванъ Николаевичъ, ущипните меня!.. Я или сплю, или еще послѣ вчерашняго пьянъ!..

— Ты, братъ, и послѣ вчерашняго, и послѣ третьяго дня и вообще всегда пьянъ... Я не знаю, зачѣмъ такъ орать...

— Да вы посмотрите на этотъ паспортъ... Сами закричите...

Околоточный взялъ паспортную книгу и вслухъ прочиталъ:

— Петръ Николаевичъ Невзоровъ... потомственный дворянинъ... Ну, что же изъ этого? Мало ли на свѣтѣ дворянъ Невзоровыхъ...

— Такъ вѣдь Петръ Николаевичъ...

— Ну такъ что же... Вонъ у насъ въ участкѣ два Семенова и оба Иваны Никифоровичи... И даже не однофамильцы!..

— Да вы читайте дальше!..

— «Время рожденія 15 мая 1879 года... Вѣроисповѣданія православнаго... Мѣсто постояннаго жительства... Петроградъ... Женатъ первымъ бракомъ на дѣвицѣ Лидіи Львовнѣ, урожденной Буйносовой»...

— Да, вѣдь убійцу то Невзорова, жену то его Лидіей Львовной зовутъ... Я—самъ въ газетахъ читалъ, что она дочь полковника Буйносова!.. А у полковника Буйносова въ поварахъ былъ дядька моей Марьи Михайловны...

— Что ты брешешь... Лидія Невзорова сидитъ въ тюрьмѣ...

— Вотъ то-то и оно! Какъ же я пропишу, когда собственникъ паспорта убитъ! Значитъ этотъ паспортъ Невзорова кѣмъ-то похищенъ...

— Ну какой же дуракъ будетъ предъявлять въ Петроградъ, гдѣ всѣ кричатъ о дѣлѣ Невзоровой, паспортъ ея мужа!..

— Этотъ дуракъ не одинъ... Съ нимъ дама, которую онъ выдаетъ за свою жену и хочетъ прописать подъ именемъ Лидіи Невзоровой!..

— Сенсаціонное преступленіе!.. Звони скорѣй помощнику!.. Ихъ надо преслѣдовать пока не поздно!..

Глава третья.

На стрѣлкѣ.

Въ закрытомъ автомобилѣ Петръ Николаевичъ и Марья Александровна поѣхали на острова, на Стрѣлку.

Избалованная Варшавой и ея окрестностями, утомленная желѣзной дорогой и медовой недѣлей, Бина не восхищалась ничѣмъ.

Скоро она задремала, склонивши голову на плечо возлюбленнаго.

А онъ ѣхалъ полный самыхъ противорѣчивыхъ настроеній.

Ему вспоминались поѣздки на Стрѣлку съ Лидіей, когда она была еще невѣстой.

Часами бродилъ, любуясь закатомъ.

Такъ безмятежно и ясно все было.

Такъ радостно было это вспоминать...

А то вдругъ дѣлалось такъ тоскливо, такъ

обидно... такъ жалко Лидію... и себя,—того чистаго себя, котораго больше нѣтъ.

Какъ это случилось...

Зачѣмъ Бина вошла въ его жизнь?

Зачѣмъ они хотятъ завтра же, съ мѣста въ карьеръ, отравить жизнь и Лидіи: придти и разсказать ей все, все, все...

Эта Бина какая-то истеричка...

Бываютъ случаи, когда ложь благороднѣй правды, и нужнѣе, и чище, и святѣе.

Такою ложью является обычная ложь супруговъ, старающихся скрыть другъ отъ друга свои измѣны, оставить другъ друга въ счастливомъ невѣдѣніи.

Счастье именно въ невѣдѣніи, а не въ вѣдѣніи.

Развѣ Бинѣ мало ея собственнаго опыта.

Ея мужъ уже устроилъ это «несчастіе втроемъ», отъ котораго она бѣжала.

Она хочетъ исправить его основную ошибку: неравенство двухъ женъ Василія.

Ну развѣ можетъ быть у нея, женщины, воспитанной, образованной, съ тонкимъ вкусомъ и утонченными взглядами, что-нибудь общее съ этой дѣвицей изъ цирка, кафешантана, оперетки,—невоспитанной, необразованной, грубой и кричаще безвкусной.

Она пробовала сближаться съ ней, но послѣ

такого дня сближенія онѣ стали еще дальше другъ отъ друга.

Тинѣ все время казалось, что жена играетъ роль барыни, а ее хочетъ сдѣлать какой-то экономкой.

Марьѣ Александровнѣ напротивъ, казалось, что Василій относится къ Тинѣ съ явнымъ предпочтеніемъ, а жену третируетъ и только терпитъ.

Здѣсь же, судя по всѣмъ даннымъ, жена Пьеро во всемъ не ниже Марьи Александровны.

Глава четвертая.

Пророческій сонъ.

— Я рѣшила предложить ей жизнь втроемъ. А въ случаѣ отказа... я ее вызываю на дуэль. Все равно на какую, на простую—рыцарскую, или на американскую. Я предложу ей выбрать изъ двухъ чашечекъ кофе: одна будетъ съ отравой. Мы дружно выпьемъ и одной изъ насъ не станетъ... А вдругъ она откажется. Вѣдь, у нея дѣти... Ну что такое дѣти... Дѣтей я возьму на воспитаніе къ себѣ... Я ихъ воспитаю такъ, что Пьеро будетъ гордиться ими... И все-таки... а вдругъ она откажется!.. Тогда я ее убью!.. Я подкараулю ее гдѣ-нибудь и всажу пулю въ грудь... И его убью, если онъ будетъ противиться моимъ планамъ, если окажется, что онъ жену любитъ больше меня... О, я покажу имъ... Не даромъ я умѣю стрѣлять... Надо было бы давнымъ давно убить Василія... Но...

Такъ думала Марья Александровна, засыпая на плечѣ Петра Николаевича въ автомобилѣ.

И ей снилось, что она за кѣмъ-то гонится съ револьверомъ въ полутемной комнатѣ.

Вотъ его трупъ грохнулся на полъ...

Вотъ пришли ее арестовать...

Надѣваютъ кандалы...

Везутъ въ тюрьму..

Кто-то сильно обнялъ ее и втаскиваетъ по лѣстницѣ.

— Я не хочу въ тюрьму!—крикнула Бина и проснулась.

— Мы пріѣхали... Тебя въ автомобилѣ укачало... При чемъ тюрьма...

Пока они высаживались изъ каретки и расплачивались съ шоффером, два подозрительных глаза слѣдили за ними изъ-за угла.

Шпикъ переодѣтый въ костюмъ коридорнаго гостинницы.

Послѣ прогулки и Петра Николаевича тянуло ко сну.

Электричество еще не погашено,—значитъ еще нѣтъ часа.

Сейчасъ начнется бѣлая ночь.

Неужели Бина проспитъ первую бѣлую ночь въ своей жизни...

Глава пятая.

Бѣлая ночь.

Коридорный помогъ имъ снять верхнее платье.

— Можете уходить!—отпустилъ его Невзоровъ.

— Извиняюсь... какъ прикажете записать барыню?..

— Что за вопросы... женой!..

— Извиняюсь... но требуется имя и отчество.

— Марія Александровна...—онъ запнулся:—Невзорова. Да, вѣдь, я же вамъ отдалъ еще утромъ паспортъ...

— Паспортъ въ участкѣ...

Проснувшаяся Марія Александровна дѣлала ему знаки глазами.

— Какъ Марія Александровна!.. Вѣдь, въ паспортѣ Лидія.

— Ахъ, да!..—засмѣялся Невзоровъ.—Ну да это пустяки... Простая формальность.

Коридорный копался у умывальника, не обращая вниманія на мимическую сцену господъ.

— Можете идти...

Коридорный сдѣлалъ два шага къ двери и вернулся.

— Извиняюсь...

— Что еще вамъ...

— Извиняюсь... А не родственникъ вамъ будетъ инженеръ Невзоровъ...

— Я самъ инженеръ Невзоровъ...

— Извиняюсь... Я спрашиваю про убитаго...

— Я сейчасъ засну, какъ убитый...

— Извиняюсь... Такъ вы не родственникъ...

— Ни о какомъ убитомъ инженерѣ Невзоровѣ я не слыхалъ...

— Какъ же не слыхали?!. Дѣло такое громкое, а вы не изволили слыхать...

— Повторяю вамъ, что ни о какомъ другомъ инженерѣ Невзоровѣ я не слыхалъ...

— Извиняюсь... Быть можетъ вамъ знакома Лидія Львовна Невзорова!..

— Это моя жена...

— Извиняюсь... Какъ вы изволите говорить?

Невзоровъ спохватился:

— Вотъ моя жена Лидія Львовна...

— Извиняюсь... Лидія Львовна Невзорова сейчасъ сидитъ въ тюрьмѣ...

— Вы съ ума сошли...

— Извиняюсь, если огорчилъ извѣстіемъ... Лидія Львовна сидитъ въ тюрьмѣ за убійство мужа...

— Что вы говорите за чушь...

— Вотъ Лидія Львовна...

— Извиняюсь, но это Марія Александровна... А Лидія Львовна убила Петра Николаевича Невзорова... инженера... и разсылала его трупъ по частямъ по городу...

— Ахъ!—вскрикнула Марья Александровна.

— Какой ужасъ!.. Что же ты мнѣ не говорилъ, что въ Петроградѣ у тебя есть...

Она оборвала фразу, не договоривъ, пораженная внезапнымъ мракомъ.

Глава шестая.

Во мракѣ.

Потухло электричество,—въ номерахъ оно тухнетъ ровно въ часъ.

Наступилъ жуткій моментъ.

Впотьмахъ въ одной комнатѣ остались втроемъ, храня гробовое молчаніе, сыщикъ, Невзоровъ и Топилина.

Сыщикъ опустилъ руку въ карманъ.

Онъ былъ увѣренъ, что самозванецъ Невзоровъ—большой уголовный, а можетъ быть и политическій преступникъ и не шевелился, боясь, что лже-Невзоровъ будетъ стрѣлять.

Невзоровъ и Топилина молчали, пораженные темнотой словъ коридорнаго и темнотой номера.

Вдругъ молчаніе прорѣзалъ чей-то чужой истерическій крикъ:

— А дѣти! Гдѣ мои дѣти!..

Это кричалъ не своимъ голосомъ Невзоровъ.

На крикъ распахнулась дверь, вспыхнуло снова электричество, и въ дверяхъ показалась полиція и понятые.

— Господинъ Пржездецкій, я имѣю предписаніе васъ арестовать...

— Это недоразумѣніе!.. Я не знаю никакого Пржездецкаго...

— Петръ Николаевичъ! Успокойся! Тебя принимаютъ за извѣстнаго въ Варшавѣ вора и шуллера Пржездецкаго... Онъ дѣйствительно похожъ на тебя! Марія Александровна овладѣла собой и даже улыбнулась.

— Ваша дама благоразумнѣе васъ. Она сознается, что знаетъ Пржездецкаго...

— Еще бы не знать!—засмѣялась Марія Александровна.—Мы съ мужемъ заработали на немъ свыше трехсотъ рублей...

Она вспомнила, какъ всѣ въ редакціи острили надъ Василіемъ: «Не съ чего такъ Топилинъ съ Пржездецкаго»...

— Популярность Пржездецкаго во многомъ обязана моему мужу...

— Но я, клянусь вамъ, въ первый разъ слышу эту фамилію!

— Господинъ Пржездецкій! Запираться безполезно!.. Потрудитесь объяснить какимъ образомъ попалъ къ вамъ паспортъ покойнаго Невзорова...

— Хо-хо-хо! Это смѣшно... Да, я живъ... Я—Невзоровъ...

— Вы будете упорствовать, что вы убитый Невзоровъ, а эта дама сидящая въ тюрьмѣ Лидія Невзорова...

— Мнѣ кажется, я сплю... Клянусь вамъ, что я инженеръ Петръ Николаевичъ Невзоровъ, ѣздившій въ Варшаву въ командировку. Я виноватъ только въ одномъ, что прописалъ моей женой мою добрую знакомую Марію Александровну Топилину... Въ Петроградѣ у меня много знакомыхъ, изъ которыхъ каждый можетъ подтвердить, что я Невзоровъ, а не Пржездецкій... Сейчасъ поздно, но я попрошу васъ позвонить 717—17... Тамъ вамъ дадутъ обо мнѣ самыя точныя свѣдѣнія... Помощникъ пристава пошелъ къ телефону.

Глава седьмая.

717—17...

Черезъ пять минутъ онъ вернулся.

— Ну, что? Вы удовлетворены?

— Я нахожу съ вашей стороны это издѣвательствомъ надъ полиціей...

— Почему издѣвательствомъ?..

— Чей телефонъ вы дали?..

— Моего лучшаго друга, занимающаго видное положеніе...

— Вы мнѣ дали телефонъ... Теремовскаго...

— Ну, да... Это мой лучшій другъ...

— Это любовникъ Лидіи Невзоровой!..

— Позвольте!..

— Не ломайте дурака!..

— Что онъ вамъ отвѣтилъ?..

— Онъ ничего не отвѣтилъ?..

— Его нѣтъ дома?

— Онъ въ тюрьмѣ...

— Какъ въ тюрьмѣ?!.

— Въ тюрьмѣ по дѣлу объ убійствѣ Невзорова, паспортомъ котораго вы хотѣли воспользоваться... Но всевидящее око петроградской полиціи не допустило этого... Сорвалось... И вы и ваша дама пожалуйте въ ту же тюрьму, гдѣ сидятъ Невзорова и Теремовскій.

Невзоровъ зашатался и чуть не упалъ.

— Ему вспомнилась зловѣщая телеграмма жены.

Огненныя буквы прыгали въ глазахъ:

«Страшное несчастіе. Немедленно пріѣзжай».

Rua São Bento, 27 - Bela Ist
SÃO PAULO — BRASIL

Глава восьмая.

Пржездецкій, или Невзоровъ?

Редакторъ сказалъ Топилину, что кто-то видѣлъ Марью Александровну на Варшавскомъ вокзалѣ.

Она пріѣхала съ какимъ-то господиномъ, по примѣтамъ весьма похожимъ на субъекта, котораго Василій выдалъ редактору за Невзорова, и который оказался воромъ Пржездецкимъ.

Василій въ отвѣтъ расхохотался.

— Вы это серьезно?

— А развѣ я похожъ на шутника. Вотъ на васъ я дѣйствительно удивляюсь. Мы всѣ знаемъ васъ за болтуна. Но чтобы наболтать столько, сколько вы про этого несчастнаго Невзорова... И почему, въ самомъ дѣлѣ, вамъ понадобился для вашей шутки именно Невзоровъ!..

— Ха-ха-ха! Такъ вы въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что я васъ мистифицировалъ!..

— Такъ не знакомили же вы меня съ живымъ трупомъ! Пока мы тутъ болтали съ «Невзоровымъ» настоящаго Невзорова въ Петроградѣ разсылали кусками по разнымъ адресатамъ... Причемъ себѣ на память мадамъ Невзорова оставила только ногу мужа...

Топилинъ вспыхнулъ:

— Извините... Но вы городите чушь!.. Я Невзорова знаю съ гимназической скамьи... Это онъ... Я занялъ у него 50 рублей!.. Какого еще доказательства нашей дружбы надо!..

— Тогда значитъ Пржездецкій—псевдонимъ Невзорова... Или Невзоровъ—псевдонимъ Пржездецкаго... какъ бы то ни было, а лицо, которое мнѣ передавало, не станетъ шутить. Ваша жена въ Петроградѣ...

— Да, она уѣхала къ сестрѣ!—совралъ Топилинъ.—И самъ я собирался туда, потому что сестра при смерти... Я вамъ говорилъ, что у меня въ Петроградѣ очень богатая сестра. Мари ея любимица... и я тоже... Если сестра умретъ, чего искреннѣйшимъ образомъ не желаю, я буду богатымъ человѣкомъ... И не только заплачу авансъ, но и самъ войду пайщикомъ въ ваше дѣло... Да, я давно объ этомъ мечталъ... Быть соиздателемъ...

— Ну, что же... Богатѣйте... Но все-таки я

вамъ по совѣсти говорю... Какая-то связь у вашего Невзорова съ Пржездецкимъ есть...

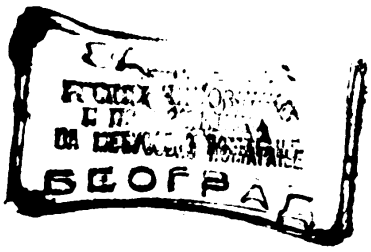
— Вотъ если вы мнѣ дадите командировку, я открою такія сенсаціонныя вещи, что вся Россія содрогнется!.. Я докажу, что убитъ не Невзоровъ, что арестованъ не Пржездецкій, что жена Невзорова жертва глупаго стеченія обстоятельствъ... Дайте мнѣ на дорогу сто рублей и я привезу вамъ сто тысячъ!..

— Почему не двѣсти!.. Ха-ха-ха!..

— Потому, что кромѣ меня есть и еще наслѣдники...

— Ну и бестія же, вы Топилинъ... Топите меня въ омутѣ неоплатныхъ авансовъ... Подо что только я вамъ не давалъ авансовъ: и подъ зубъ, и подъ слѣпую кишку, и подъ сломанную ногу Тины, и подъ Эмира Бухарскаго...

. . . . . .



Глава девятая.

Исчезновеніе Тины.

Топилинъ получилъ деньги.

— Немедленно ѣхать въ Петроградъ.

А Тина?

Какъ бросить ее одну?

Взять съ собой?

Но, тогда, какъ же быть съ женой?

Втроемъ она не вернется въ Варшаву...

Онъ не вѣрилъ, а чувствовалъ, что жена уѣхала съ Невзоровымъ въ Петроградъ.

Такъ бываетъ: не вѣришь, потому что боишься вѣрить, а чувствуешь, что это такъ!

. . . . . .

Пришли петроградскія вечернія газеты и Топилинъ впился въ подробности замѣтокъ объ арестѣ Пржездецкаго, о его самозванствѣ, о самозванствѣ его дамы, которая сперва назвалась Невзоровой, а затѣмъ... женой варшавскаго литератора Т.

Руки задрожали у Василія.

Онъ выронилъ газету и... бросился къ телефону.

— 222—11...

Барышня 222—11...

— Это ты, Тина?

— Это я, баринъ...

— Позовите барыню...

— Барыня еще не возвратилась...

— Откуда!.. Гдѣ она?..

— Какъ уѣхали въ клубъ, такъ и не возвращались...

— Какъ!.. Первый выѣздъ изъ дома и въ клубъ!..

— Онѣ такъ сказали...

Опять какое-то черное предчувствіе закрыло сердце.

Ненавидѣлъ Топилинъ клубъ,—ему очень не нравились тѣ знакомства, которыя заводила тамъ Тина,—конечно, съ дамами, съ кавалерами она, по ея словамъ, не знакомилась.

А главное: какъ смѣла она первый выѣздъ послѣ болѣзни направить въ клубъ,—въ душныя, накуренныя залы, въ давку, насыщенныхъ азартомъ и развратомъ разгоряченныхъ тѣлъ.

Надо позвонить Нѣмецкой, не у нея ли Тина...

Глава десятая.

Въ игорномъ домѣ.

— Алло... Это вы Берта Антоновна?

— Я... Кто говоритъ?

— Вашъ другъ Топилинъ...

— Вася, вы?.. Ну, а что съ Тиной?

— Я самъ васъ хотѣлъ спросить объ этомъ...

— Какъ такъ?..

— Гдѣ Тина?

— Да развѣ ея нѣтъ дома?..

— Она вчера выѣхала въ клубъ и до сихъ поръ не возвращалась...

— Тина!.. Не можетъ быть!..

— Я потому и звонилъ къ вамъ, что вы каждый день бываете въ клубѣ... Развѣ вчера не были?..

— Была...

— И видѣли Тину?..

— Видѣла Тину... Она сперва много выиграла, потомъ много проиграла... А потомъ...

— Что потомъ?!..

— Ей сдѣлалось дурно... И...

— Говорите, договаривайте же все! . Гдѣ она?

— Не знаю...

— Когда вы съ ней разстались?

— Часа въ два... Когда ей сдѣлалось дурно, вашъ Грондэ ей предложилъ свой автомобиль, чтобы довезти до дома...

— Какой Грондэ?..

— Вашъ другъ дѣтства... Тина говорила, что это вашъ лучшій другъ...

— Вы шутите... Никакого Грондэ я не знаю...

— Больше я ничего не знаю... и ничего не скажу... И такъ, кажется, выболтала много лишняго... Если не вашъ другъ этотъ Грондэ, такъ онъ ея другъ... Они все время играли вмѣстѣ, онъ съ ней былъ предупредительно нѣженъ... Въ клубѣ онъ въ первый разъ... Торопитесь пока не поздно... Бѣдный Вася...

Въ тонѣ Нѣмецкой слышалась иронія.

Хотя она и считалась подругой Тины по сценѣ, но всегда завидовала ей и старалась, гдѣ можно ей напакостить.

Глава одиннадцатая.

Господинъ Грондэ.

Тина очнулась въ автомобилѣ на рукахъ у этого ласковаго господина съ актерскимъ бритымъ лицомъ и безукоризненною французскою рѣчью.

Она только что познакомилась съ нимъ у «золотого стола» въ клубѣ.

Она жадно протянула руку къ золотымъ, выигранным ею и нечаянно уронила двѣ-три пятишны.

Кинулась поднимать, головой ударилась объ руку сосѣда, тотъ отъ удара тоже выронилъ пригоршню золотыхъ.

Ихъ взгляды встрѣтились.

— Не безпокойтесь... Золотые разбѣжались. Человѣкъ подниметъ...

Игроки не обращали вниманія на уроненныя деньги и продолжали ставки, мѣшая лакею собирать золотые.

Незнакомецъ мило улыбнулся и сказалъ:

— Не безпокойтесь, сударыня. Лакей по окончаніи игры соберетъ. Для него это будетъ пріятная находка...

— А для меня,—искренно воскликнула Тина,—непріятная потеря!..

— Вы сколько потеряли?

— Право не знаю?

— Васъ устроитъ десять кружочковъ?

Незнакомецъ протянулъ Тинѣ десять десятишенъ.

— Что вы?.. Это слишкомъ много...

— Ну, вотъ пустяки... Вѣдь я тоже не знаю, сколько я уронилъ... Наша потеря—общая потеря... И мы должны подѣлиться... Давайте играть сообща...

Онъ сказалъ это такъ просто, и такъ мило улыбнулся.

— Вамъ сегодня кажется везетъ... А мнѣ нѣтъ... Вы подѣлитесь со мной вашимъ счастьемъ.

И вдругъ Тинѣ стало такъ смѣшно, такъ смѣшно, что она отъ смѣха чуть не разрыдалась.

— Человѣкъ... Воды...

Онъ подалъ ей воды, увелъ отъ стола въ библіотеку.

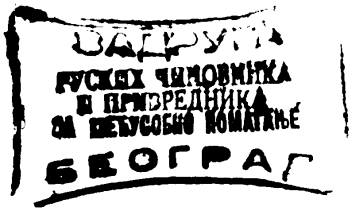
Представился.

— Грондэ... Эдмондъ Грондэ... Эдмондъ Эрастовичъ...

А черезъ полчаса Тина объяснила удивленной Нѣмецкой, что ея кавалеръ—другъ дѣтства ея Василія, и что вообще...

Потомъ она сама не помнитъ, какъ ей стало дурно...

И вотъ она въ авто, на рукахъ Грондэ.



Глава двѣнадцатая.

Похищеніе Тины.

Свѣтаетъ. Свѣжо.

— Гдѣ мы? Куда ѣдемъ?

— Молчите... Вамъ вредно говорить...

Съ ужасомъ, въ дверцу автомобиля, Тина видѣла деревья, дачныя постройки...

— Вы ѣдете ко мнѣ на дачу... Грондэ не сдѣлаетъ вамъ никакого зла...

Тина схватила его за руку.

— Не надо! Не смѣйте! Не хочу!..

По дорогѣ шла какая-то дѣвица съ книжкой. Тина хотѣла ей крикнуть.

Но Грондэ устами зажалъ ей ротъ, и сталъ покрывать поцѣлуями.

Убійственная мысль пронеслась въ головѣ Тины.

— Что будетъ съ Василіемъ, когда онъ узнаетъ, что она исчезла!

Она стала судорожно отбиваться.

Но стальныя руки Грондэ сжимали ее. Поцѣлуи впивались въ губы, какъ раскаленное желѣзо.

Глава тринадцатая.

Страшное признаніе въ автомобилѣ.

Тина задыхалась, Тина билась, какъ истеричка, Тина глухо стонала...

— Молчи, женщина! Изъ рукъ Пржездецкаго еще не уходила ни одна женщина!..

— Пржездецкій! Стась Пржездецкій!..—Тина поняла, что борьба немыслима и покорно склонила голову, и безпомощно откинулась на подушки автомобиля...

— Такъ Грондэ и Пржездецкій—одно и то же лицо!..

Ея спутникъ довольный эффектомъ, который произвели его слова, глядѣлъ на нее властнымъ, страшнымъ взоромъ.

— Боже! Все погибло! Только чудо меня можетъ спасти...

И вдругъ чудо совершилось.

На поворотѣ автомобиль съ размаху налетѣлъ на дерево и...

Глава четырнадцатая.

Эмма Коутсъ.

Вставъ, какъ всегда на дачѣ въ шесть часовъ миссъ Эмма Коутсъ совершала по парку утреннюю прогулку.

Въ рукахъ у нея томикъ «Magasin'a».

Но вовсе не хотѣлось читать.

Хотѣлось дышать чистотой этого чуднаго утра.

Хотѣлось одной покататься, покачаться въ лодкѣ...

Хотѣлось подышать одной, пока не встали ея милыя, но все-таки, въ концѣ концовъ, утомительныя воспитанницы.

Онѣ встаютъ въ десять.

Въ ея распоряженіи цѣлыхъ три часа. Можно вдоволь намечтаться о Джонѣ Крафтѣ, который съ родины пишетъ нетерпѣливыя письма.

«Подожди, милый Джонъ! Скоро, совсѣмъ

скоро! Еще вотъ это лѣто и еще одна зима въ этой холодной и скучной Россіи... А ужъ весной можно будетъ и свадьбу отпраздновать».

У нея будутъ какъ разъ тѣ три тысячи русскихъ рублей, чтобы заработать которыя она и пріѣхала въ Россію.

Почему въ Варшаву? Говорятъ въ Петроградѣ лучше платятъ.

Но и въ Варшавѣ право не дурно. Семья генерала такая милая.

Дѣвочки ее полюбили.

Въ особенности младшая...

Мальчикъ... впрочемъ, онъ уже не мальчикъ, этотъ Витя.

Бѣдный, онъ влюбленъ въ Эмму.

Онъ часами исподлобья, молча, смотрѣлъ на нее.

Сталъ такимъ скромнымъ, молчаливымъ.

Только тогда и разгорается, когда она съ нимъ заговоритъ.

Бѣдный мальчикъ, онъ знаетъ, что у Эммы на родинѣ женихъ.

Первыя письма къ Джону уходили подъ его руководствомъ: онъ писалъ адресъ на русскомъ языкѣ.

О, теперь Эмма сама умѣетъ писать на русскомъ...

За три то года!..

Генералъ тоже всегда очень милъ съ нею и... даже иногда черезчуръ милъ... Но не забывается.

Генеральша, бѣдная старая развалина, тоже совершенно довѣрилась ей.

Вотъ теперь она съ мужемъ уѣхала въ Карлсбадъ, и весь домъ на миссъ держится. То есть не домъ, домъ остался въ Варшавѣ на попеченіи Казиміра, а дача вся на ея рукахъ...

Генеральша можетъ быть больше и не вернется...

Она очень, очень плоха.

Особенно ее разстроилъ этотъ разгромъ зимой.

Шутка ли сказать, однихъ брилліантовъ украли тысячъ на тридцать.

Въ газетахъ цѣлую недѣлю писали:

«Разгромъ у генерала Чибисова».

Всѣ сыщики Варшавы подняты были на ноги.

Всѣ полицейскія собаки перебывали въ квартирѣ. Но развѣ въ городѣ, гдѣ къ услугамъ вора трамваи, автомобили, извозчики, трудно замести слѣды!

Воръ воспользовался вечеромъ, когда вся семья была въ театрѣ...

Миссъ Эмма шла по аллеѣ, размечталась и чуть не попала подъ мчавшійся навстрѣчу автомобиль.

Ей показалось, что въ каретѣ автомобиля, кто-то глухимъ голосомъ что-то крикнулъ.

— Вѣроятно испугались за мою судьбу...

Она посмотрѣла вслѣдъ уносившемуся бенцу:

— Какой шикарный авто... и такъ мчится, такъ рано... Кто-нибудь изъ дачниковъ покутилъ всю ночь и спѣшитъ домой изъ города...

Только отвернулась, какъ вдругъ раздался нечеловѣческій крикъ.

Оглянулась и—сразу поняла все.

— Опять на томъ же мѣстѣ... И въ прошломъ году была такая же катастрофа! Какъ разъ у самаго озера!..

Она побѣжала къ мѣсту крушенія. Кромѣ нея туда бѣжалъ какой-то рабочій съ пустой тачкой, шедшій на работу.

Глава пятнадцатая.

Катастрофа.

Автомобиль лежалъ на боку.

Кузовъ его забрызганъ кровью и мозгомъ шоффера.

Несчастный съ раскроеннымъ черепомъ бился въ предсмертной агоніи, даже не стараясь сбросить съ себя придавившую его тяжесть.

Дверцы каретки разбиты и изъ нихъ недвижно торчали мужскія ноги, въ шикарныхъ лакированныхъ туфляхъ.

Ноги не подавали признаковъ жизни.

Очевидно ударъ моментально оглушилъ и лишилъ чувствъ ихъ обладателя.

Моторъ еще работалъ. Колеса вертѣлись.

Но ихъ безцѣльныя движенія на воздухѣ и на землѣ заставляли кузовъ только вздрагивать нервно, неровно, судорожно.

Рабочій и Эмма почти одновременно подбѣжали къ мѣсту крушенія.

Изъ каретки слышались слабые женскіе стоны.

Словно сговорившись, энергичная англичанка и чернорабочій стали отламывать дверцу и освобождать полутрупы Тины и Пржездецкаго отъ ихъ объятій.

Въ ужасѣ смерти вцѣпились и застыли.

Тина, освобожденная отъ обломковъ, бережно положена на землю.

Рабочій загляделся на ея красоту и не будь постороннихъ свидѣтелей, Богъ знаетъ, что могъ бы сдѣлать съ несчастной.

Но энергичная Эмма командовала имъ, не давая опомниться.

Полиціи нѣтъ.

Въ такой ранній часъ еще всѣ на дачахъ спятъ.

Да и мѣсто глухое.

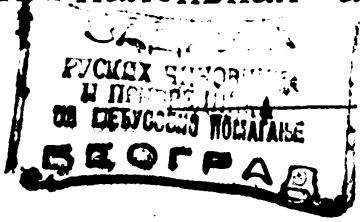
Ближе всего дача Чибисовыхъ.

Бережно уложивъ Тину на тачку, положивъ подъ голову подушку автомобиля, Эмма приказала везти къ нимъ.

За паномъ рабочій вернется еще разъ.

Нельзя терять времени.

Дома есть маленькая аптечка.



Глава шестнадцатая.

Драгоцѣнности Пржездецкаго.

У Ванды золотыя руки, если она захочетъ, она можетъ управиться, и несчастная будетъ жить.

Она слабо стонетъ, но видимыхъ поврежденій нѣтъ.

Панъ другое дѣло.

У него кажется переломъ руки, да и крови онъ потерялъ много: стекло дверцы разсѣкло ему високъ, впилось въ него.

А можетъ быть, и еще что-нибудь повреждено.

Опасно его оставлять одного.

Тѣмъ болѣе, что у него такая массивная золотая цѣпь и часы золотые вывалились... и бумажникъ толстый—тоже въ крови...

Опасно оставлять...

Развѣ взять съ собой всѣ драгоцѣнности...

Какіе крупные брилліанты въ запонкахъ... И кольцо съ сапфиромъ...

Да, да... если оставить его въ соблазнѣ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей, первый прохожій ограбитъ и убьетъ... если онъ уже не мертвъ...

Эмма твердо рѣшила взять съ собой часы, кошелекъ, драгоцѣнности...

Она замѣтила, что и рабочій, освобождая дѣвушку отъ объятій пана, смотрѣлъ на золото и камни съ такою алчностью.

Если она пошлетъ его одного за паномъ, онъ все равно не привезетъ.

Сниметъ драгоцѣнности и скроется.

— Я должна ихъ спасти для пана, если онъ останется живъ. Или для нея, для этой красавицы-панны... О, она то будетъ жить несомнѣнно.

Она спрятала въ карманъ часы и цѣпочку съ брелками...

Глава семнадцатая.

Роковой выстрѣлъ.

Но едва Эмма вторично наклонилась надъ полутрупомъ Пржездецкаго, какъ потеряла сознаніе отъ ошеломляющаго удара въ високъ.

Это рабочій, бросивъ тачку, съ яростью тигра прыгнулъ на нее.

Такой наживы Войтѣхъ Хрщонъ не упуститъ.

— Ишь чего захотѣла! Такіе случаи подвертываются разъ въ жизнь! Войтѣхъ Хрщонъ никогда въ жизни ни грабилъ. Но если уже на его глазахъ даже панночка такая красивая и нарядная не удержалась отъ грабежа, ему мужику и самъ Богъ велѣлъ.

Онъ сбилъ англичанку съ ногъ, схватилъ обломокъ автомобильной двери, уже размахнулся имъ, чтобы размозжить ей черепъ, какъ вдругъ покачнулся...

Раздался неожиданный выстрѣлъ и изъ-за

кустовъ показалась голова юноши въ гимназической фуражкѣ.

Витя Чибисовъ сегодня рано осѣдлалъ своего стального коня и отправился вслѣдъ за обожаемой дѣвушкой.

Онъ понималъ, что Эмма Коутсъ ему не пара.

Она и старше, и умнѣе и самостоятельнѣе его.

Онъ только гимназистъ шестого класса.

Второгодникъ.

По англійски говоритъ и пишетъ.

А изъ русскаго—два!

Викторъ понималъ, что онъ—ничтожество.

Что у него нѣтъ ни одного шанса на успѣхъ.

Вѣдь этотъ Джонъ, которому въ недѣлю два раза шлетъ свои чудесныя письма Эмма, черезъ годъ—капитанъ.

Эмма показывала ему его портреты.

Красавецъ мужчина,—бронзовый, крѣпкій, смѣлый, благородный.

Викторъ понималъ все это, но не могъ отъ себя отогнать навязчивой идеи.

Съ каждымъ днемъ мрачная мысль становилась мрачнѣе.

Онъ зналъ, чѣмъ все это кончится.

На первой страницѣ его записной книжки уже стояло четко выведенная надпись:

«Въ смерти моей прошу никого не винить».

Уже двѣ недѣли, какъ Викторъ не разста-

вался съ револьверомъ, взятымъ изъ коллекціи отца.

У него не хватитъ духа покончить съ собою сразу,—разъ навсегда.

Но мысль объ этомъ не покидала его ни на минуту.

Вотъ и сегодня онъ выѣхалъ, чтобы издали слѣдить за милой Эммой, и—на всякій случай револьверъ, заряженный на шесть зарядовъ захватилъ съ собой.

Это его лучшій другъ.

Онъ меня пойметъ и въ самую трудную минуту жизни поддержитъ!

Викторъ выѣхалъ изъ дома значительно позже Эммы.

Онъ не видалъ самой автомобильной катастрофы, но попалъ какъ разъ въ моментъ, когда разъяренный алчностью тачникъ бросилъ тачку съ Тиной, кинулся на Эмму и сшибъ ее ударомъ въ високъ.

Викторъ выстрѣлилъ, и тачникъ повалился на земь, даже не вскрикнувъ.

Бросивъ велосипедъ, сквозь кусты и деревья, дрожа отъ предчувствія чего-то рокового, Викторъ на прямикъ бѣжалъ къ своей ненаглядной.

— Поздно! Она безъ движенія лежитъ.

Онъ припалъ къ ея груди.

Сердце не бьется.

— Какой ужасъ! Стоитъ ли теперь жить!..

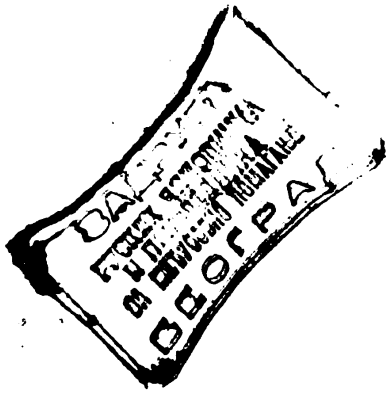
И не отдавая себѣ отчета, юноша сунулъ въ ротъ дуло револьвера и окровавленный упалъ къ ногамъ дѣвушки.

. . . . . .

На выстрѣлъ прибѣжали лѣсники.

Никогда еще судебному слѣдователю не приходилось имѣть дѣло съ такой неразберихой.

Кто кого убилъ?



Глава восемнадцатая.

Тайна дачи Чибисовыхъ.

На дачѣ Чибисовыхъ настоящій лазаретъ. Выписаны изъ города двѣ сестры милосердія.

Маленькія дѣвочки—Женя и Леля превратились въ ихъ помощницъ.

Рана Виктора, къ счастью, не смертельна.

Его уже вывозятъ въ качалкѣ въ садъ и блѣдный, какъ призракъ, мальчикъ не сводитъ большихъ очарованныхъ глазъ съ блѣднаго, какъ призракъ, лица Эммы, съ безстрастнымъ равнодушіемъ грѣющейся на раскаленныхъ ступеняхъ каменной лѣстницы, ведущей въ замокъ—дачу генерала.

Ей все зябко, ей все страшно, она то вздрагиваетъ, то жутко оглядывается, чутко прислушивается.

Подлѣ на креслѣ засыпаетъ строгая и строй-

ная старуха Анна Ивановна, генеральша Чибисова, мать Виктора.

Генералъ, получивъ телеграмму, немедленно выѣхалъ въ Варшаву и взялъ больную жену съ собой; не могъ же ее такую безпомощную бросить.

Она очень слаба, все засыпаетъ и, кажется, не отдаетъ себѣ отчета въ происходящемъ.

Рядомъ съ ней, тоже на креслѣ, уставила свои большіе прекрасные глаза куда-то вдаль, въ одну точку, Тина.

Вся забинтованная она медленно, но вѣрно поправлялась.

Иногда вставала безъ посторонней помощи, дѣлала нѣсколько шаговъ по саду, подходила къ клумбѣ, равнодушными глазами смотрѣла на цвѣты, вдыхала ихъ озонирующій ароматъ и все думала, думала, думала, что-то стараясь вспомнить.

И не могла.

Генералъ отъ неожиданностей и непріятностей тоже занемогъ и слегъ въ постель.

Онъ не могъ ничего понять во всей этой исторіи.

Слѣдователь разсказалъ ему невѣроятныя вещи.

Онъ засталъ на мѣстѣ крушенія автомобиля трупъ шоффера, съ раздробленнымъ черепомъ,

трупъ чернорабочаго съ огнестрѣльной раной въ груди, со слабыми признаками жизни тѣло какого-то незнакомца, повидимому, богатаго человѣка, съ лицомъ обезображеннымъ стекломъ автомобиля, съ переломанной рукой.

Его немедленно отправили въ больницу.

Онъ, если и выздоровѣетъ, навѣки лишится, разрѣзанныхъ осколками стеколъ, обоихъ глазъ.

Рана Виктора очень опасна.

Но пуля вылетѣла, операціи не требуется. Богъ дастъ мальчикъ выживетъ.

Легче другихъ отдѣлались обѣ дѣвушки.

Одну въ безсознательномъ положеніи и со слабыми признаками жизни слѣдователь засталъ на тачкѣ чернорабочаго.

Это, очевидно, подруга, или жена владѣльца автомобиля.

Гувернантка Чибисовыхъ при паденіи обо что-то твердое получила жесточайшій ударъ въ високъ.

Ударъ былъ настолько силенъ, что могъ бы уложить на мѣстѣ, но, къ счастью, поля шляпки умѣрили его опасность.

Глава девятнадцатая.

Сообщницы изобличены.

Но самое главное, что удивило судебнаго слѣдователя, и что положительно потрясло генерала—это обнаруженіе въ карманѣ у англичанки золотыхъ часовъ и цѣпочки... Тѣхъ самыхъ фамильныхъ часовъ, которые зимой были украдены изъ квартиры Чибисовыхъ въ числѣ прочихъ драгоцѣнностей.

Развѣ могъ кто-нибудь предполагать тогда причастность къ кражѣ этой восхитительной, всѣми любимой очаровательной дѣвушки.

Она такъ искренно возмущалась тогда дерзостью вора, она такъ старалась помочь слѣдователю, она была такъ далека отъ всякихъ подозрѣній: ни она никого не подозрѣвала, ни ея никто не могъ подозрѣвать!

И вдругъ...

Значитъ ей извѣстна и судьба остальныхъ вещей...

Быть можетъ, она въ заговорѣ съ кѣмъ-нибудь.

Неужели она сумѣла бы похитить все сама единолично.

Нѣтъ, генералъ отказывается вѣрить ушамъ, глазамъ, логикѣ.

А слѣдователь развертываетъ передъ нимъ картину такую стройную и вѣроятную: по его мнѣнію, этотъ Грондэ (судя по карточкамъ, найденнымъ у него въ бумажникѣ), его любовница, въ ридикюлѣ которой найдена солидная сумма золотомъ, и Эмма Коутсъ—сообщники.

Генералъ потрясенъ.

Онъ взялъ слово со слѣдователя, что онъ не намекнетъ даже генеральшѣ, дѣвочкамъ и сыну объ его подозрѣніяхъ.

Rua São Bento, 217 - Sala
SÃO PAULO — BRAS

Глава двадцатая.

Генералъ и авантюристки.

Генералъ рѣшилъ наблюдать за этими двумя красавицами-авантюристками лично.

Если онѣ дѣйствительно авантюристки, въ какомъ положеніи сейчасъ дача!..

Очнувшись, придя въ себя, Эмма ни разу не спросила о судьбѣ часовъ, найденныхъ у нея въ карманѣ.

Она словно забыла объ ихъ существованіи.

«Очевидно, она боится спросить о нихъ»? съ тоской подумалъ генералъ.

Задавать ей какіе бы то ни было вопросы еще рано.

Между собой дѣвушки не обнаруживаютъ никакой близости.

Словно видятъ другъ друга въ первый разъ.

Тина въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ ровно ничего.

Какимъ образомъ она очутилась въ этой нарядной, богатой санаторіи?

Очевидно, послѣ крушенія ее помѣстилъ сюда Грондэ.

Очевидно, онъ заплатилъ за ухаживанье за ней хорошія деньги: всѣ такъ предупредительны и внимательны къ ней.

Въ душныя, больныя безсонныя ночи она мучительно силится вспомнить всѣ подробности роковой поѣздки:

— Овладѣлъ онъ мною въ автомобилѣ или не успѣлъ?..

И не можетъ вспомнить...

То ей вдругъ представится, что растворилась дверь и входитъ... Василій.

Она бросается къ нему на шею:

— Вася! Гдѣ ты былъ! я измучилась безъ тебя!

А онъ отстраняетъ ее холодно и сухо:

— Молчи, проклятая!.. Развѣ ты не знаешь, что Грондэ и Пржездецкій—одно лицо... Молчи—любовница Пржездецкаго!..

— Вася! Послушай! Я не виновата!

Она рыдаетъ, уткнувшись въ подушку, а сестра милосердія ее утѣшаетъ:

— Тише, милая, вы разбудите миссъ Эмму...

— Какую миссъ Эмму!..

Иногда Тинѣ казалось, что растворяется дверь и входитъ Грондэ.

И ей радостно, что онъ вошелъ—такой интересный, элегантный, богатый,—и радостно, и страшно.

— Вонъ, вонъ!.. Я не прощу вамъ!.. Я крикну Василія!..

А Грондэ такъ покорительно смотритъ на нее:

— Несчастная! Развѣ ты не знаешь, что твой Василій покинулъ тебя...

— Вася! Милый Вася! Гдѣ ты!..

И она рыдаетъ, уткнувшись въ горячую подушку пылающей головой.

Ей кладутъ на лобъ мѣшки со льдомъ.

Въ бреду безъ счета повторяетъ имя Пржездецкаго, и всѣ слышатъ это.

Она на время приходитъ въ себя.

Однажды сквозь сонъ она слышала, какъ въ ея комнатѣ вполголоса разговаривали:

— Вы читали, генералъ, объ арестѣ Пржездецкаго въ Петроградѣ?

— Странная исторія. Я былъ увѣренъ, что онъ обокралъ меня и бѣжалъ за-границу!..

— Онъ въ тюрьмѣ...

— Значитъ, дѣйствительно, мы съ Топилинымъ ошибались, когда думали, что эта кража дѣло рукъ Пржездецкаго...

— Кстати курьезъ... Дама Пржездецкаго при арестѣ назвалась... женой Топилина...

— А гдѣ въ самомъ дѣлѣ Топилинъ?

Тина выскочила въ одной рубашкѣ:

— Гдѣ Топилинъ?!. Гдѣ Вася?!..

И забилась въ истерикѣ.

Одно для нея стало яснымъ:

— Пржездецкій и Гронда—не одно лицо!..

Она съ тоской взывала:

— Вася! Вася!

А гдѣ-то носилась радость:

— Гронда солгалъ... Гронда пошутилъ! А можетъ быть это былъ кошмаръ...

Днемъ Тинѣ было легче.

Она бродила по саду и ждала.

Кого?

Конечно Василія...

А можетъ быть Гронда.

Порой ей казалось, что тамъ въ автомобилѣ еще ничего не было.

А порой... порой поцѣлуи Гронда жгли ея больныя обезкровленныя губы.

Этотъ гимназистъ, Витя, все чаще и дольше засматривался на нее.

Ей это льстило.

Она чувствовала, что въ душѣ мальчика совершается переломъ.

Она угадывала, что онъ былъ все время влюбленъ вотъ въ эту милую англичанку, а теперь потерялъ почву, колеблется; неотразимо влечетъ его къ Тинѣ, обѣ влекутъ: одна загадочная, а другая разгаданная...

Глава двадцать первая.

Любовь мальчика.

Эмма—женщина.

Геройскій поступокъ Виктора тронулъ ее.

Она знаетъ, почему онъ стрѣлялъ, почему стрѣлялся, почему въ карманѣ носилъ записку:

— «Въ смерти моей прошу никого не винить».

Но не могла же она винить себя!

Развѣ она виновата, что у нея уже есть женихъ.

— Джонъ! Милый Джонъ! Викторъ спасъ меня для тебя!..

Ей такъ захотѣлось бѣжать поскорѣе въ Англію, потому что въ Польшѣ она не ручается за себя.

Этотъ гимназистъ такъ трогателенъ.

Положимъ онъ еще мальчикъ... Но уже герой.

И такъ настойчивъ... И такъ трогателенъ, молчаливъ...

И вѣренъ ей, несмотря на то, что знаетъ, какъ безполезны, тщетны его вздохи и домоганія.

Вѣренъ!.. да, да вѣренъ, хотя за послѣдніе дни и засматривается на эту польку...

Да, да, засматривается... Вотъ и сейчасъ поверхъ клумбы съ левкоями жадно, стыдливо и жадно впился въ лихорадочные глаза Тины.

— Неужели мой мальчикъ мнѣ измѣнилъ!

И вдругъ что-то оборвалось въ сердцѣ Эммы.

Она поняла, какъ этотъ мальчикъ дорогъ, какъ всегда былъ дорогъ ей...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не уступлю его полькѣ. Я вижу, какъ она кокетничаетъ съ нимъ. Развѣ не для него она спустила отворотъ тюлевой рубашки...

Вообще, для кого же она такъ франтитъ... Ворвалась въ чужой домъ и ведетъ себя какъ побѣдительница.

Въ душѣ Виктора, дѣйствительно, росъ разладъ.

Откуда появилась эта изумительной красоты дѣвушка?

Онъ отчетливо помнилъ, что видѣлъ раньше, и во снѣ и на яву это небесное личико.

Онъ старался вспомнить и не могъ при какихъ обстоятельствахъ.

А обстоятельства очень простыя: товарищъ Виктора, Казя Сущевскій зимой приносилъ въ

классъ цѣлую коллекцію открытыхъ писемъ съ изображеніемъ артистокъ варшавскихъ театровъ.

Викторъ долго разсматривалъ ихъ, и больше всѣхъ ему понравилась карточка Тины.

Онъ не запомнилъ ея имени и фамиліи, но черты лица, въ особенности глаза, впились ему въ память.

Сейчасъ онъ не можетъ оторваться отъ нихъ.

Ахъ, какъ хорошо ему здѣсь среди столькихъ милыхъ: милая Эмма, милая Тина, милая мама... папа... сестрички...

Неужели онъ не выживетъ!

Генеральша не давала себѣ отчета въ окружающемъ: дни ея были сочтены.

Зато генералъ мучился за всѣхъ.

Предательскіе золотые часы давили его совѣсть, какъ пудовыя гири.

А слѣдователь велъ свою линію.

Преступное сообщничество этихъ лицъ казалось ему такимъ яснымъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Тайна дьяволицы.

Глава первая.

Смягчающія обстоятельства.

Авторъ оставилъ героевъ этого романа въ самомъ плачевномъ положеніи.

Большая часть изъ нихъ совершенно безвинно томится въ тюрьмѣ.

Въ чемъ виновата бѣдная Лидія Львовна?

Только въ томъ, что, не желая протоколовъ и огласки, не дала знать полиціи о злополучной посылкѣ и попыталась скрыть ее, сбывая съ рукъ домашними средствами.

Но развѣ девять десятыхъ изъ васъ, mesdames, не попытались бы продѣлать что-нибудь въ родѣ того, что продѣлала она.

Правда, вслѣдствіе своей неловкости, она чуть было не подвела подъ скверную исторію извозчика.

Но, даю вамъ честное слово автора, она вовсе не подумала объ этомъ:

— Извозчикъ скажетъ, что какая-то дама забыла у него этотъ ящикъ. И начнутъ искать эту даму... При чемъ же тутъ извозчикъ? Извозчикъ самъ виноватъ, что хотѣлъ украсть забытую у него «покупку».

Авторъ дѣйствительно, черезчуръ сурово отнесся къ Лидіи Львовнѣ.

Правда, у него были на это свои соображенія.

Такъ, между прочимъ, онъ осуждаетъ ея отношенія къ мужу.

Ну съ какой стати она отдалась этому фату Теремовскому.

Правда и тутъ у мадамъ Невзоровой есть серьезное возраженіе: она отдалась адвокату не добровольно.

Онъ воспользовался ея слабостью, напоилъ ее и воздѣйствовалъ на ея потрясенную происшествіемъ психику.

Девять десятыхъ дамъ не устояли бы, очутившись въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя авторъ поставилъ беззащитную соломенную вдовушку

Развѣ не искренно раскаялась она, твердя: «я убила мужа».

Развѣ не терпѣливо перенесла она такое испытаніе, какъ разлука съ горячо-любимыми дѣтьми, безвѣстное и безсовѣстное отсутствіе мужа и это сознаніе ничтожности въ героѣ ея романа—Теремовскаго.

Авторъ можетъ засвидѣтельствовать, что Лидія Львовна держала себя, какъ настоящая героиня. Какъ настоящая героиня романа она получила возмездіе свыше мѣры содѣяннаго и за преступленіе вовсе не уголовнаго характера (измѣна мужу подъ вліяніемъ аффекта).

Свыше мѣры содѣяннаго потерпѣлъ наказаніе и прис. пов. Теремовскій.

Ну за что въ самомъ дѣлѣ онъ посаженъ авторомъ въ тюрьму?

За то, что, воспользовавшись исключительно благопріятными обстоятельствами, чуточку подпоилъ жену друга своего и овладѣлъ ею...

Но, во-первыхъ, онъ давно и страстно былъ влюбленъ въ нее, во-вторыхъ, Лидія Львовна сама въ тотъ вечеръ вела себя вызывающе...

Ну развѣ девять десятыхъ мужчинъ утерпѣли бы, очутившись въ положеніи близкомъ къ его положенію!

Да развѣ самъ авторъ, очутившись на мѣстѣ Теремовскаго, повелъ бы себя иначе!

Быть можетъ, онъ спросилъ бы въ отдѣльномъ кабинетѣ вино не той марки, какую спросилъ Теремовскій, но въ маркѣ любви и онъ бы не далъ спуску!

Скажутъ:

— Ну и дружба!

Но, вѣдь, еще со временъ Шекспира это-то

и считается чуть ли не самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ дружбы!

«Будь другомъ мужу и вѣрнымъ его женѣ!» гласитъ китайская пословица.

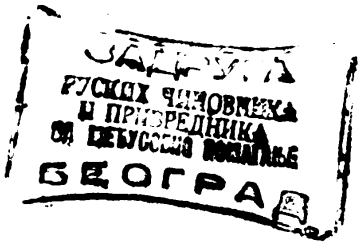
Да, наконецъ, самъ-то Петръ Николаевичъ Невзоровъ хорошъ!

Стоитъ ли за такого заступаться, когда онъ, едва попалъ въ Варшаву, позабылъ и о женѣ, и о дѣтяхъ и далъ повиснуть у себя на шеѣ тоже женѣ друга—Топилиной!

Правда, Марія Александровна Топилина сама кинулась на шею Невзорову, чтобы наказать мужа, открыто измѣнившаго ей съ Тиной.

Но все-таки со стороны автора было большою жестокостью наказывать Теремовскаго именно тюремнымъ заключеніемъ.

Авторъ не имѣетъ основанія быть недовольнымъ и Теремовскимъ: въ тюрьмѣ онъ велъ себя джентльмэномъ: старался выгородить Лидію Львовну, и, если въ самомъ дѣлѣ своими выгораживаніями только еще больше запутывалъ Лидію Львовну въ эту скверную исторію, такъ въ этомъ виноватъ авторъ, такъ неудачно подтасовавшій обстоятельства.



Глава вторая.

Кто игралъ въ руку судебному слѣдователю?

Авторъ вообще взялъ себѣ за правило играть въ руку судебному слѣдователю.

За что, напримѣръ, попали въ тюрьму Петръ Николаевичъ Невзоровъ и Марья Александровна Топилина,—веселая, радостная парочка.

Только за то, что Невзоровъ выдалъ Марью Александровну за свою законную жену.

Но развѣ мало кто изъ насъ своихъ беззаконныхъ женъ выдаетъ за законныхъ!

Не хватило бы тюремъ, чтобы сажать всѣхъ такихъ преступниковъ!

И какъ, вѣдь, коварно, играя опять-таки въ руку полиціи, авторъ заставилъ Петра Николаевича въ самую критическую минуту назвать номеръ телефона 717—17,—номеръ... Теремовскаго!..

Коварна со стороны автора и ссылка на Прже-

здецкаго: Топилинъ, по долгу журналиста принималъ всѣ мѣры, чтобы засадить Пржездецкаго въ тюрьму и... его жена засажена въ тюрьму подъ видомъ жены Пржездецкаго.

Это ужасно! Конечно, авторъ хотѣлъ наказать и ее за измѣну мужу?

Но Василій Топилинъ самъ, вѣдь, смотритъ на институтъ брака, какъ на институтъ, который давно пора сдать въ бракъ!

Послѣ скандала въ участкѣ онъ тоже попалъ въ тюрьму и томится тамъ совершенно безвинно.

Тамъ онъ встрѣтился съ... Манькой Ковбойкой.

Бѣдную дѣвушку, перенесшую такое потрясеніе, надо было бы лечить, а ее томятъ въ одиночной тюрьмѣ.

То, что испытала она, не приходится испытывать каждый день: она оказалась въ чужомъ гробу съ чужой мертвой головой въ ногахъ.

— Брр!..

Автору даже вспомнить этотъ ультрауголовный эпизодъ непріятно!

И между тѣмъ авторъ снимаетъ съ себя отвѣтственность и за него!

Виноватъ во всемъ Неберучевъ.

Ахъ, ужъ эти инженеры.

Вотъ кого авторъ долженъ былъ бы посадить въ тюрьму!

Почему не сдѣлалъ этого?

Неужели только потому, что инженеры вышли изъ моды.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Поставщика Дормидонтова, этого стараго ветхаго добродушнаго старца, авторъ не только безжалостно уморилъ, но даже надругался надъ прахомъ его, положивъ въ его гробъ Маньку Ковбойку!

Авторъ коварно поступилъ съ этою легкомысленною, но милою особою, заставивъ ее принять въ презентъ перстень Дормидонтова.

Въ глазахъ судебнаго слѣдователя такая косвенная улика указала прямую дорогу въ тюрьму!

Въ сущности говоря, во всемъ романѣ ни одинъ герой не совершаетъ ни одного преступленія, но всѣ запутались въ сѣти «косвенныхъ уликъ» и очутились въ тюрьмѣ!

Такъ дѣло обстояло въ Петроградѣ.

Въ Варшавѣ—не лучше.

Въ одно прекрасное утро очаровательная Тина и Эмма очутились, по волѣ судебнаго слѣдователя, въ тюрьмѣ!

Въ тюрьму же былъ посаженъ и Грондэ-Пржездецкій.

Послѣдняго, дѣйствительно, давно надо было посадить въ тюрьму, потому что это именно онъ и его товарищъ шоффер ограбили зимой квартиру генерала Чибисова.

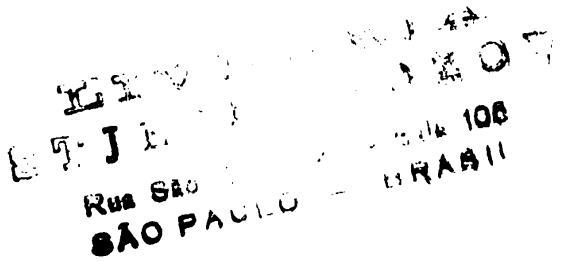
Авторъ безжалостно подсунулъ въ карманъ англичанкѣ Эммы Коутсъ часть самыхъ цѣнныхъ изъ этихъ вещей.

Часть вещей будто бы очутилась въ ридикюлѣ Тины, хотя читатели этого не замѣтили изъ романа.

Эти «косвенныя улики» запутали дѣвушекъ и ихъ посадили въ Варшавскую тюрьму.

Остальные варшавскіе герои этого романа продолжаютъ лежать на одрѣ болѣзни.

Не можетъ оправиться самъ генералъ, его супруга и милый мальчикъ Викторъ.



Глава третья.

Жестокій конецъ.

Автору особенно жаль этого подающаго надежды гимназиста.

Безнадежно полюбить одну дѣвушку—уже громадное несчастіе, которое впору самому взрослому бородатому мужу.

Но безнадежно полюбить двухъ!—о это такой ужасъ, передъ которымъ муки дантова ада кажутся бирюльками!

Между тѣмъ Викторъ очутился въ этомъ аду любви какъ разъ въ то время, когда душевное спокойствіе его организму было всего необходимѣе.

Онъ боролся между жизнью и смертью, и между Эммой и Тиной.

Автору чрезвычайно непріятно, что въ силу сцѣпленія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ,

пострадавшимъ въ этой исторіи является милый хрупкій мальчикъ.

Авторъ не можетъ не сознаться, что у него былъ большой соблазнъ покончить съ романомъ этого мальчика и романами варшавскихъ героинь однимъ эффектнымъ, но въ высшей степени жестокимъ концомъ.

Онъ хотѣлъ довести до сумасшедствія Тину, мятущуюся въ страстеворотѣ тоски по Василію и Гронда, и заставить ее въ припадкѣ безумія поджечь дачу Чибисовыхъ.

Какъ уголовному романисту это было бы автору очень на руку: вѣдь, въ романѣ есть и убійства, и самоубійства, и грабежи (тачечникъ, «Пржездецкій»), и подлоги (Пржездецкій живетъ по подложному паспорту), и осквернение трупа, и разныя другія уголовныя дѣянія (напримѣръ, поступокъ Ландезена съ мертвой ногой) и искалѣченіе младенца крышкой гроба Дормидонтова (авторъ отдавилъ ногу мальчику прачки; пришлось вѣдь ногу отрѣзать!),—не было только поджога!..

Глава четвертая.

Кровосмѣшеніе и поджогъ.

Конечно, могутъ упрекнуть романъ въ отсутствіи въ немъ кровосмѣсительныхъ темъ.

Но авторъ не такъ воспитанъ, чтобы касаться столь неприличныхъ темъ.

Онъ знаетъ, что его романъ съ удовольствіемъ будетъ читаться въ долгіе зимніе вечера въ кругу самыхъ добродѣтельныхъ семей.

Онъ могъ бы бросить дѣтей Невзорова, въ особенности дѣвочку въ руки какого-нибудь мережковствующаго дяди.

Но тактъ и желаніе не выходить изъ границъ семейныхъ идеаловъ заставили автора отослать дѣвочку не къ сатиру-дядѣ, а къ весьма почтенной и добродѣтельной вдовѣ-теткѣ.

Поджогъ и вообще пожаръ, конечно, не былъ бы лишнимъ въ вышеозначенномъ романѣ,— въ огнѣ эффектно могъ бы сгорѣть и Викторъ, и

генералъ, и генеральша, и Тина, и Эмма, и вообще весь Чибисовскій лазаретъ, за исключеніемъ, конечно, милыхъ дѣвочекъ, которыхъ могъ бы спасти какой-нибудь дачникъ—князь или графъ, или баронъ, или сынъ банкира, или даже въ крайнемъ случаѣ пожарный, впослѣдствіи получающій большое наслѣдство, — и сочетаться съ одной изъ спасенныхъ дѣвочекъ законнымъ бракомъ.

Другая дѣвочка могла бы пойти въ монастырь или поступить въ знаменитыя кинематографическія артистки.

Поджогъ можно было бы поручить и Эммѣ; никому не показалось бы страннымъ, что она, узнавъ, въ чемъ ее подозрѣваютъ и не имѣя возможности оправдаться, сошла съ ума и подожгла домъ своихъ бывшихъ благодѣтелей.

Въ бѣлой ночной сорочкѣ, съ развѣвающимися батистовыми рукавами, вся освѣщенная пламенемъ, Эмма Коутсъ была бы не менѣе эффектна, чѣмъ Тина Тинелли!

Ахъ, да... Въ моментъ пожара могъ бы появиться отпущенный на свободу Василій Топилинъ и проявить чудеса неустрашимости.

Онъ могъ бы, думая, что спасаетъ Тину, спасти Эмму, моментально влюбиться въ нее и жениться по военному въ 24 часа.

Многими эффектными приключеніями могъ бы

еще уздобить свой романъ авторъ, но полагаетъ, что достаточно и вышеперечисленныхъ для того, чтобы произведеніе его было прочитано съ пользою и удовольствіемъ всякими любителями, а въ особенности любительницами уголовнонаказуемой литературы.

Много эффектныхъ и въ высшей степени литературно написанныхъ окончаній могъ бы придумать къ своему роману авторъ.

Напримѣръ, у него уже набросанъ былъ въ записной книжкѣ такой конецъ:

«Она лежала въ гробу, какъ живая».

«Онъ застылъ надъ ней, словно мертвый».

«Мы стояли кругомъ ни живы, ни мертвы».

Великолѣпное окончаніе романа,—лапидарное и масса настроенія,—свинцовая драма повисла и давитъ.

Но мнѣ кажется, что главное достоинство уголовнаго романа не въ томъ, чтобы онъ оканчивался мрачными эффектными аккордами, а напротивъ, въ томъ, чтобы послѣ всяческихъ уголовнонаказуемыхъ и уголовноненаказуемыхъ передрягъ всѣ герои романа пришли къ полному благополучію.

Окончаніе во что бы то ни стало должно быть благополучнымъ.

И оно будетъ благополучнымъ, во что бы то ни стало.

Глава пятая.

Амнистія.

Слушайте, слушайте!

«Я нижеподписавшійся авторъ, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, довожу до свѣдѣнія всѣхъ своихъ читателей безъ различія пола, возраста, національности и вѣроисповѣданія, что силою дарованной мнѣ свыше, какъ автору, власти, объявляю полную амнистію находящимся въ одиночномъ заключеніи петроградской одиночной тюрьмы: дворянамъ Петру и Лидіи Невзоровымъ, Василію и Маріи Топилинымъ, прис. повѣр. Теремовскому, крестьянкѣ Маріи Ивановой; находящимся въ варшавскомъ арестномъ домѣ: мѣщанкѣ Эрнестинѣ Ружейцъ (по сценѣ Тинѣ Тинелли), англійской подданной Эммѣ Коутсъ, французскому подданному Анри Грондэ. Кромѣ того, дарую полное исцѣленіе отъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ не-

дуговъ дворянамъ д. с. с. Ивану Чибисову, супругѣ его Аннѣ Чибисовой, неимѣющему чина Виктору Чибисову, неимѣющему имени сыну прачки. Что же касается до глазъ французскаго подданнаго Анри Грондэ *), то они полному возстановленію не подлежатъ (такъ сказать пріобщены къ дѣлу), ибо карающая рука Немезиды требуетъ все-таки жертвы».

Собственно говоря на этомъ манифестѣ романъ можно было бы и кончить.

Но авторъ, столько же добросовѣстный, сколько и интеллигентный человѣкъ, полагаетъ, что названіе романа «Дьяволица» его кое-чему все-таки обязываетъ.

Въ самомъ дѣлѣ: почему романъ названъ «Дьяволицей», когда въ немъ не фигурируетъ ничего подобнаго?

---

*) Мы-то съ вами, читатель, знаемъ, что это не Грондэ, а Пржездецкій.

Глава шестая.

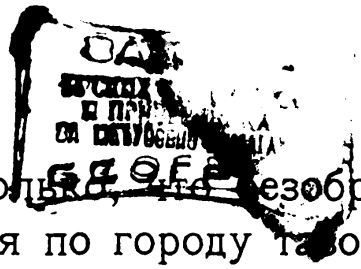
Дьяволица и Берта Берсъ.

Необходимыя разъясненія авторъ, конечно, дать не прочь.

Романъ названъ «Дьяволица», потому, что это заглавіе весьма подходитъ къ уголовному роману. Въ уголовномъ же романѣ заглавіе—половина успѣха!

Взявъ такое многообѣщающее заглавіе, авторъ, конечно, могъ бы хоть на минуту вывести на сцену, особу, носящую такое эффектное прозвище.

Но, щадя нервы читателей и безъ того взвинченные, неимовѣрно быстро проносящимся ураганомъ самыхъ неожиданныхъ и хитросплетенныхъ уголовныхъ происшествій, онъ не рѣшился испытывать ихъ долготерпѣніе лицезрѣніемъ того исчадія ада, которому принадлежитъ эта кличка.



Достаточно сказать только, что безобразная старая дѣва, разсылавшая по городу тазовыя и иныя части убитыхъ ею въ припадкахъ эротическаго помѣшательства мужчинъ, въ настоящее время находится въ отдѣленіи буйныхъ психіатрической лечебницы Св. Пантелеймона.

Она сама себя называетъ Дьяволицей и въ каждомъ мужчинѣ видитъ жертву, обреченную ей на закланіе.

На-дняхъ она набросилась на главнаго доктора больницы, мечтая его зарѣзать, разрѣзать и разослать по адресъ-календарю «Весь Петроградъ», но, къ счастію, сидѣлки во время схватили ее за руки и тѣмъ спасли доктора отъ смерти, а міръ отъ новаго чрезвычайно уголовнаго романа, подобнаго тому, который авторъ только что сейчасъ закончилъ.

Впрочемъ другой романъ того же автора—«Берта Берсъ» по своей чрезвычайной уголовности ничуть не уступаетъ «Дьяволицѣ».

Вотъ почему авторъ льститъ себя надеждой еще встрѣтиться съ читателями этой книги, чтобы совмѣстно слѣдить за подвигами очаровательной авантюристки, которую тоже по справедливости можно было бы назвать Дьяволицей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Тайна свинцоваго гроба.

		Стр.
I.	Ни съ того, ни съ сего	3
II.	Вонъ изъ дома!..	7
III.	Роковой извозчикъ	11
IV.	Тяжелый духъ	15
V.	Мертвая нога	18
VI.	Кошмаръ догадокъ	21
VII.	Въ отдѣльномъ кабинетѣ	24
VIII.	Нежданные гости	27
IX.	Улики на лицо	30
X.	Роковая встрѣча	32
XI.	Хлестаковъ въ редакціи	36
XII.	Мертвая хватка	40
XIII.	Четыре телеграммы	42
XIV.	Мертвая нога	45
XV.	Таинственный Жоржъ	49
XVI.	Въ домѣ предварительнаго заключенія	53
XVII.	Смерчъ подозрѣній	55
XVIII.	Въ удушьи злобы	58
XIX.	Догадки слѣдователя	61
XX.	Если женщина захочетъ	63
XXI.	Месть или любовь?	67
XXII.	Героиня кафешантана	69
XXIII.	Счастье втроемъ	72
XXIV.	Экономія на роликахъ	76
XXV.	Ритуальныя убійства	78
XXVI.	Живой трупъ	81
XXVII.	Кто сломалъ ногу?	84
XXVIII.	Тайна телеграммъ	86
XXIX.	Въ разгарѣ пира	91
XXX.	По дорогѣ въ семейный домъ	97
XXXI.	Боченокъ съ икрой	100
XXXII.	Страшная клятва	104
XXXIII.	Гарсоньерка опустѣла	108
XXXIV.	Прогулка на острова	110
XXXV.	Въ объятіяхъ дѣвы	112
XXXVI.	Роковой гробъ	115

Стр.
XXXVII. Перстень Дормидонтова 119
XXXVIII. Два слишкомъ трупа 122
XXXIX. Убійца въ гробу жертвы 128
XL. Тайна свинцоваго гроба 133
XLI. Она сумасшедшая! 137
XLII. Что показала Манька Ковбойка 139
XLIII. Что показалъ Неберучевъ? 143
XLIV. Очная ставка 148
XLV. Медовая недѣля 150
XLVI. Въ Ченстоховѣ 154
XLVII. Что лучше: знать или не знать? 157
XLVIII. Роковая газета 161

Часть вторая.

Тайна генеральской дачи.

I. Еще сутки 167
II. Живой трупъ и двѣ его жены 170
III. На Стрѣлкѣ 172
IV. Пророческій сонъ 175
V. Бѣлая ночь 177
VI. Во мракѣ 180
VII. 717—17 183
VIII. Пржездецкій или Невзоровъ? 185
IX. Исчезновеніе Тины 188
X. Въ игорномъ домѣ 190
XI. Господинъ Гронда 192
XII. Похищеніе Тины 195
XIII. Страшное признаніе въ автомобилѣ 197
XIV. Эмма Коутсъ 198
XV. Катастрофа 202
XVI. Драгоцѣнности Пржездецкаго 204
XVII. Роковой выстрѣлъ 206
XVIII. Тайна дачи Чибисовыхъ 210
XIX. Сообщницы изобличены 213
XX. Генералъ и авантюристки 215
XXI. Любовь мальчика 219

Часть третья.

Тайна дьяволицы.

I. Смягчающія обстоятельства 225
II. Кто игралъ въ руку судебному слѣдователю? 229
III. Жестокій конецъ 233
IV. Кровосмѣшеніе и поджогъ 235
V. Амнистія 238
VI. Дьяволица и Берта Берсъ 240

Ung: 157/1
S.B 27/II
не хват 47, 48